Агн. Звоницкая.

ОПЫТЪ
ГЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦІОЛОГІИ.

Томъ I.

СОЦІАЛЬНАЯ СВЯЗЬ.

Ъ
8Е51
3.44

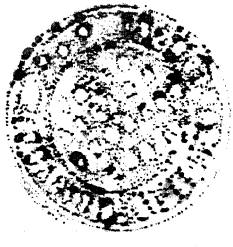
Кіевъ
Книгоиздательство И. И. Самоненко.

Посвящаю моимъ родителямъ

Кларѣ Самойловнѣ

и Соломону Юліановичу

Звоницкимъ.



ОБЛСАНО
НМ
51
3.44
БИБЛІОТЕКА СОЦІАЛІСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

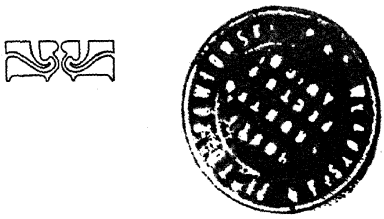
Агн. Звоницкая.

ОПЫТЪ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦІОЛОГІИ.

165852

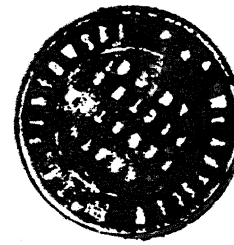
Томъ I.

СОЦІАЛЬНАЯ СВЯЗЬ.



Кіевъ
Книгоиздательство И. И. Самоненко.

КІЕВЪ.
Типографія С. Г. Слюсаревскаго и А. И. Филиппова. -Басильковская № 61
1914.



Оглавленіе.

Введеніе. Вопросъ о предметѣ соціологіи.

Различное положеніе вопроса о предметѣ въ естественныхъ и соціальныхъ наукахъ. Необходимость конструктивной классификаціи въ соціальныхъ наукахъ въ связи съ характеромъ классификаціонныхъ признаковъ. Особое положеніе соціологіи „Соціальная связь", какъ классификаціонный признакъ общества. Логическій приматъ ученія о соціальной связи въ соціологіи. Отправныя точки изслѣдованія. 1 — 10

Глава первая. Біологическія предпосылки соціальной связи.

Неразрывность сознанія и жизни, психологіи и біологіи. Зависимость соціальныхъ явленій отъ общихъ законовъ жизни. Попытки объяснить соціальность общими біологическими законами. Согласованность индивидуальныхъ сознаній, какъ основной моментъ групповой жизни. Необходимость постояннаго уравниванія сознаній для достиженія ихъ согласованности. Механизмъ уравниванія—подражательное общеніе. Біологическая полезность подражанія въ процессѣ естественнаго отбора: „функціональный отборъ", „органическій отборъ" и т. д. Значеніе длительныхъ процессовъ подражанія и совмѣстной жизни, какъ ихъ условія. Регулированіе группировки двумя взаимно противоположными моментами: собирающей тенденціей подражанія и разсѣиваю-

щей тенденціей борьбы за существованіе. Границы біологической полезности подражанія и совмѣстной жизни; механизмъ подражанія Видъ, какъ біологическій предѣлъ группировки . . . . . Стр. 11 — 39

Глава вторая. Природа соціальной связи.

Общеніе и общественность. Теоріи Тарда и Болдуина о соціальной связи. Адэкватность этихъ теорій лишь болѣе широкому факту общенія и необходимость ограничительнаго признака для общественности. Процессъ общенія въ его трехъ стадіяхъ. Непригодность проэктивной и субъективной стадіи для характеристики общественности; исключеніе всѣхъ стадій кромѣ эективной. Необходимость субъективнаго подтвержденія эективаціи для ея соціальнаго значенія. Эективація подражательно пріобрѣтеннаго содержанія сознанія, какъ теоретическая природа соціальной связи. Субъективный корреллатъ соціальности – групповое сознаніе. Теорія Гиддингса и ея неадэкватность; императивный характеръ, какъ необходимая черта группового сознанія. Природа императива и соціальныя условія его возникновенія. Структура общества; пересѣкающіеся и концентрическіе круги соціальности. Эмпирическій характеръ закона соціальной структуры у Тарда . . . . . 40 – 87

Глава третья. Преемственность соціальной связи.

Традиція въ обществѣ. Біологическая необходимость передачи приспособленностей изъ поколѣнія въ поколѣніе. Характеръ воспріятія традиціонныхъ подражаній; его біологическое и соціальное значеніе. Традиція, какъ необходимый моментъ во всякой соціальной группѣ. Вліяніе традиціи на роли старшаго и младшаго поколѣнія въ обществѣ. Столкновеніе поколѣній на почвѣ различной оцѣнки традиціи. Распространеніе соціальной связи на предковъ черезъ традицію. Императивы изъ соціальной связи съ прежними поколѣніями. Піэтетъ къ

Стр.

древности. Соціальная семья, какъ передатчица традиціи и ея роль въ обществѣ. Отношеніе соціальной семьи къ біологической. Особая соціальная группировка внутри семьи. Основы повсемѣстно распространеннаго представленія о сходствѣ членовъ семьи между собою. Традиція, какъ соціальная инерція, и новое изобрѣтеніе, какъ элементъ движенія въ обществѣ. Психологическая сущность изобрѣтенія. Условія распространенія новаго изобрѣтенія въ обществѣ; критерій вѣры, какъ сумма всего синтеза личности. Принятіе и отверженіе изобрѣтенія. Роль привычки къ подражанію въ принятіи новыхъ изобрѣтеній. Различія въ оцѣнкѣ изобрѣтенія между отдѣльными членами общества. Моменты, вызывающіе отклоненіе въ критеріи вѣры и обусловливающемъ его синтезѣ личности: различія психофизической организаціи, различія соціально-біографическихъ условій и комбинаціи этихъ двухъ факторовъ. Рефракція изобрѣтеній при ихъ принятіи. Соціальный предѣлъ индивидуальныхъ отклоненій . . . . . 88—144

Глава четвертая. Разрывъ соціальной связи.

Неудовлетворительное объясненіе соціальнаго конфликта въ теоріяхъ Тарда, Гиддингса и Болдуина. Природа соціальнаго конфликта. Нарушеніе императивныхъ въ средѣ нормъ, какъ „преступленіе“ въ соціологическомъ смыслѣ. Случаи отсутствія конфликта при наличности нарушенія императивовъ (соціологическое „невмѣненіе“). Границы невмѣненія въ соціальной жизни. Случай кажущейся преступности и его отличіе отъ невмѣненія. Два главныхъ вида конфликта: конфликтъ между личностью и обществомъ и соціальные кризисы. Двусторонніе и односторонніе конфликты между личностью и обществомъ. Существенная природа того и другого вида. Двѣ разновидности односторонніхъ конфликтовъ: односторонній бунтъ личности противъ общества и одностороннее преслѣдованіе ея обществомъ. Столкновеніе между двумя группами

Стр.

въ обществѣ (соціальный кризисъ). Условія его возникновенія и развитія. Ограниченное примѣненіе принципа невмѣненія при соціальныхъ кризисахъ. Существенно двусторонняя природа кризисовъ. Два главныхъ вида кризисовъ. Стремленіе конфликта къ психологическому расширенію, и его граница въ законѣ психологической и исторической преемственности. Спеціальные кризисы въ тѣсныхъ соціальныхъ кругахъ. Преломленіе въ этихъ кругахъ общихъ соціальныхъ кризисовъ. Общее ожесточеніе въ эпохи кризисовъ и его причины. Измѣненія, вносимыя побѣдой одной изъ сторонъ. Неизбѣжное повышеніе общей и спеціальной преступности; дезорганизованность и беззащитность. Смѣна возбужденнаго состоянія общества подавленнымъ. Распадъ въ обществѣ . . . . . 145 — 214

Глава пятая. Возстановленіе соціальной связи.

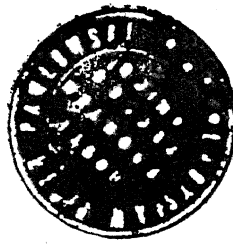
Симпатія. Біологическія основы симпатіи и ея значеніе въ различныхъ моментахъ соціальной жизни. Паденіе симпатіи во время соціальныхъ конфликтовъ и возстановленіе ея съ прекращеніемъ борьбы. Творческая роль возстановившейся симпатіи въ процессѣ регенераціи соціальной связи. Различное направленіе новой группировки въ зависимости отъ конкретныхъ условій. Ходъ процесса возстановленія соціальной связи послѣ кризиса. Возстановленіе связи послѣ конфликта между личностью и обществомъ; различные пути на сторонѣ общества и на сторонѣ личности. Примиряющая роль покаянія и страданія. Примиреніе съ собою черезъ примиреніе со средой; индивидуально-психологическая очистительная сила исповѣди, публичнаго покаянія и страданія, наложеннаго людьми. Соціологическая природа группировки осужденныхъ и рецидива. Процессъ возстановленія соціальной связи при моральной побѣдѣ личности черезъ ея прощеніе. Психологическая природа прощенія и его соціальныя условія. Всепрощеніе и идея непротивленія злу . . . . . 215 — 267

Глава шестая. Границы соціальной связи.

Значеніе органическихъ различій между человѣкомъ и животными. Интроспекція, какъ отличительная особенность homo sapiens. Вліяніе интроспективнаго самосознанія на соціальную связь и ея важнѣйшія проявленія. Вопросъ о соціальной связи, религіи, власти, собственности и т. д. у животныхъ. Мѣсто стадной жизни въ генезисѣ соціальной связи. Неразрывная двусторонность субъективнаго и эективнаго сознанія, личности и общества. Теорія проф. де-Роберти. Заключеніе . . . . 268 – 294

Замѣченныя ошибки и опечатки:

стр.	напечатано:	должно быть:
12 подст.	Recherches cliniques et medicales	Rechercles expérimentales et cliniques.
23 подст.	Привычка и инстинктъ стр. 44,	стр. 42—44, 150.
подст.	Л. Морганъ op. cit гл. XV,	гл. VIII и XV.
40 строка 7	Необходимость фактическаго	Необходимость субъективнаго



Введеніе.

Вопросъ о предметѣ соціологіи.

Различное положеніе вопроса о предметѣ въ естественныхъ и соціальныхъ наукахъ. Необходимость конструктивной классификаціи въ соціальныхъ наукахъ въ связи съ характеромъ классификаціонныхъ признаковъ. Особое положеніе соціологіи. „Соціальная связь", какъ классификаціонный признакъ общества. Логическій приматъ ученія о соціальной связи въ соціологіи. Отправныя точки изслѣдованія.

Съ перваго взгляда нѣтъ ничего легче, какъ отвѣтить на вопросъ о предметѣ соціологіи. „Соціологія есть наука объ обществѣ". Какая, казалось бы, азбучная истина! Этимологическій составъ названія науки превращаетъ это опредѣленіе въ простой переводъ; какъ ея имя, такъ и ея предметъ были опредѣлены Контомъ еще до возникновенія самой науки.

Но въ дѣйствительности вопросъ о предметѣ соціологіи оказывается гораздо болѣе сложнымъ и труднымъ.

Соціологія въ этомъ вопросѣ находится въ совершенно иномъ положеніи, нежели большин-

ство другихъ наукъ. Въ наукахъ естественныхъ классификаціонные признаки предмета обыкновенно принадлежатъ къ непосредственному опыту. Если предметомъ физики является матерія и сила, то классификаціонные признаки обѣихъ—сопротивляемость и движеніе—лежатъ въ области непосредственнаго мускульно-осязательнаго опыта. Если химія изучаетъ измѣненія матеріи, то эти измѣненія познаются черезъ принадлежащія къ непосредственному опыту перемѣны въ физическихъ свойствахъ. Жизнь, составляющая предметъ біологическихъ наукъ, характеризуется раздражимостью, способностью движенія, независимаго отъ внѣшней движущей силы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ признаки дѣленія въ будущей классификаціи даются непосредственнымъ опытомъ, прямымъ воспріятіемъ нашихъ пяти чувствъ. Задача изслѣдователя сводится здѣсь не къ конструкціи классификаціоннаго признака, а только къ выбору его.

Эмпирическое понятіе непосредственно кладется въ основу соотвѣтственныхъ классовъ, и получаемое такимъ образомъ простое и ясное опредѣленіе предмета достаточно для построенія адэкватной теоріи.

Но иначе положеніе вещей складывается тамъ, гдѣ классификаціоннымъ признакомъ служитъ не одно изъ простѣйшихъ наблюденій, а сложный комплексъ фактовъ и психическихъ состояній, познаваемый черезъ совмѣстную дѣ-

ятельность наблюденія, интроспекціи и логической абстракціи.

Въ подобныхъ случаяхъ ссылка на эмпирическое понятіе не только не создаетъ базиса для адэкватной науки, а, наоборотъ, можетъ окончательно затемнить научный вопросъ. Эмпирическое воспріятіе даетъ сознанію лишь отдѣльныя отрывочныя данныя, отдѣльныя наблюденія себя и окружающаго міра.

Всякое образованіе комплекса изъ отрывочныхъ данныхъ неизбѣжно составляетъ работу конструктивную.

Едва ли приходится говорить о томъ, что въ подобныхъ случаяхъ изслѣдователь не имѣетъ права принять эту житейскую конструкцію, какъ готовую, какъ данную, и ограничиться построеніемъ соотвѣтственныхъ классовъ на этомъ шаткомъ базисѣ. Понятно само собою, что такая конструкція, производимая безъ опредѣленнаго метода и научнаго контроля, не можетъ создать точныхъ и адэкватныхъ понятій, пригодныхъ въ качествѣ основы для научной теоріи.

Разъ классификаціонный признакъ предмета не можетъ быть почерпнутъ изъ непосредственнаго опыта, а долженъ быть конструированъ, то вполнѣ очевидно, что эта конструкція должна быть произведена не путемъ житейскаго „здраваго смысла“, а путемъ научной работы.

Именно въ такомъ положеніи находятся всѣ соціальныя науки. Горячіе споры о понятіи хозяйства въ политической экономіи, до сихъ поръ

раздѣляющіе ученыхъ на три главныя школы,[1]) многовѣковые споры о понятіяхъ права, нравственности, государства, конфликты по вопросу о понятіи и границахъ національности, наконецъ разногласія по самому основному понятію всѣхъ соціальныхъ наукъ—понятію общества—все это въ достаточной мѣрѣ иллюстрируетъ сложность конструктивной работы при обозначеніи предмета этихъ наукъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ изслѣдователь не можетъ строить на какомъ нибудь готовомъ классификаціонномъ признакѣ, а ему приходится самому находить этотъ признакъ.

Соціологія въ этомъ отношеніи находится въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ. Понятіе объ обществѣ, являясь основнымъ понятіемъ цѣлаго ряда „соціальныхъ наукъ", подвергалось частичной, полуэмпирической, почти не стремившейся къ адэкватности разработкѣ каждый разъ, когда въ логическомъ ходѣ какой либо изъ этихъ наукъ оказывалось необходимымъ заполнить его мѣсто. И юристы, и экономисты, и политики, и историки, и теологи, и теоретики народности—всѣ они конструировали са-

---

[1]) По Шмоллеру, Энгельсу, Чупрову, хозяйство есть „дѣятельность, направленная къ удовлетворенію низшихъ потребностей"; по Рошеру, Ад. Вагнеру, Бюхеру, Исаеву, Георгіевскому—„дѣятельность, направленная къ достиженію наибольшей суммы личной пользы съ наименьшей затратой"; по Дитцелю, Филипповичу, Платтеру, Желѣзнову, Иванюкову -„совокупность дѣйствій, при помощи которыхъ человѣкъ покрываетъ свою надобность въ матеріальныхъ благахъ".

мостоятельныя, мало-адэкватныя понятія общества изъ тѣхъ эмпирическихъ признаковъ, которые они находили въ полѣ зрѣнія своей науки. Для теологовъ обществомъ было общеніе вѣрующихъ, и все, что лежало внѣ его, составляло civitas diaboli; на этой наивной соціологіи блаженнаго Августина построено все міросозерцаніе средневѣковаго католицизма вплоть до его послѣдняго представителя, папы Льва XIII. Для политиковъ и многихъ юристовъ понятіе общества сливается съ государствомъ, и всѣ остальныя общественныя группы существуютъ лишь по государственному уполномочію. [1]) Другіе юристы опредѣляютъ общество одностороннимъ моментомъ правового единства и, такимъ образомъ, производному соціальному факту общаго права отводятъ логическій примать надъ основнымъ фактомъ общественности [2]). Экономисты видятъ въ обществѣ группу людей, объединенныхъ отношеніями производства и обмѣна; [3]) теоретики „народнаго духа“ сливаютъ общество съ народностью и пытаются замѣнить соціоло-

---

[1]) Mohl, Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaft. Bd. I, S. 88—103; его же Encyklopedie §§ 1–6; Bluntschli. Neue Begründungen der Gesellschaft und Gesellschaftsrecht.

[2]) Bierling, Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. B. I, Gotha, 1877. S. 83 („Nicht die Gemeinschaft ist also Grund des Rechts, sondern das Recht . . . . . bildet den Grund jeder wirklichen Lebensgemeinschaft. (курс. авт.) Ardigò. La Zociologia; La morale dei positivisti.

[3]) L. Stein. Handbuch der Verwaltungslehre und des Verwaltungsrechts mit Vergleichung der Litteratur und Gesetzgebung Frankreich, England und Deutschland. 3-е изд. 1888 г.

гію наукой о психологіи народовъ (Völkerpsychologie);[1]) наконецъ, философія исторіи, постоянно колеблясь между различными пониманіями общества, направляла свое главное вниманіе, въ зависимости отъ господствовавшей философской доктрины, то на религіозныя явленія, то на политическія, то на культурныя, то на экономическія.

Само собою понятно, что такимъ путемъ цѣльнаго, единаго, удовлетворяющаго научную мысль понятія объ обществѣ нельзя было получить. Каждая изъ частныхъ соціальныхъ наукъ своей конструкціей понятія объ обществѣ только выясняла неадэкватность остальныхъ конструкцій и лишала серьезную научную мысль возможности опираться на какую либо изъ нихъ. Явленія эти намѣтились съ такой силой, что заставили многихъ изслѣдователей отказаться отъ этихъ односторонніхъ попытокъ объясненія общества и побудили ихъ искать другихъ путей. Явилось стремленіе обосновать право, этику, теоретическую экономію и т. д., минуя понятіе объ обществѣ, непосредственно на индивидуальной психологіи, или даже на общихъ формальныхъ категоріяхъ нашего разума. Австрійская школа въ экономической наукѣ, теорія Петражицкаго и примыкающихъ къ нему авторовъ въ правѣ и

---

[1]) Wundt, Völkerpsychologie. 2-е изд.; см. особенно введеніе; Сходнаго направленія „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft“ подъ ред. Штейнталя и Лацаруса изд. въ Берлинѣ 1860—90 г.г.

этикѣ служатъ примѣрами индивидуально-психологическаго теченія; правовая доктрина Штамлера, этическія ученія неокантіанцевъ, экономическія построенія математической школы ведутъ обходную дорогу отъ еще болѣе далекаго пункта—отъ формальныхъ категорій мышленія. И всѣ эти обходные пути, независимо отъ вопроса объ ихъ правильности, свидѣтельствуютъ съ несомнѣнностью о загроможденіи прямого пути, о научномъ банкротствѣ эмпирическаго представленія общества.

Такимъ образомъ, первая задача изслѣдователя общества сводится къ тому, чтобы конструировать классификаціонные признаки этого понятія. Въ какой же плоскости ихъ нужно искать? По ученію логики, каждое опредѣленіе складывается изъ обозначенія ближайшаго рода и указанія видового отличія. Ближайшимъ родовымъ понятіемъ, обнимающимъ „общество“, является понятіе группы индивидуумовъ. Задача изслѣдователя состоитъ, прежде всего, въ томъ, чтобъ найти то отличіе группировки, тотъ особенный характеръ групповой связи, который составляетъ видовой признакъ понятія общества. Теоретическое ученіе о соціальной связи составляетъ необходимый краеугольный камень всякой теоретической соціологіи. Пока не найденъ этотъ видовой признакъ, нѣтъ достаточнаго классификаціоннаго матеріала для логической конструкціи понятія общества и поневолѣ въ основу всѣхъ построеній приходится класть бли-

жайшій родъ—группу. Именно, такимъ путемъ шли отдѣльные изслѣдователи, отчаявшіеся найти видовое отличіе группы общественной. Эспинасъ, Фуллье, многіе послѣдователи органической теоріи пытались построить свои соціологическія воззрѣнія на широкомъ родовомъ понятіи группы. [1]) Неадэкватность такого метода очевидна сама собою: теорія, построенная на родовомъ понятіи, никогда не можетъ быть адэкватна видовому. Ни предметъ, ни задачи, ни границы, ни методъ соціологіи не могутъ быть адэкватно конструированы безъ точнаго научнаго выясненія классификаціоннаго признака общественности—природы соціальной связи.

Вотъ почему въ настоящей работѣ я рѣшилась предпослать ученіе о соціальной связи методологическимъ вопросамъ соціологіи. Предлагаемый нынѣ вниманію читателей первый томъ заключаетъ въ себѣ не содержаніе теоретической соціологіи, а только нѣкоторый матеріалъ для опредѣленія ея предмета, попытку болѣе точнаго выясненія той особенной групповой связи, которую мы называемъ „соціальною“. Изученію мѣста соціологіи среди наукъ, ея методовъ и господствующихъ въ ней теченій будетъ посвященъ слѣдующій томъ. Въ третьемъ томѣ я надѣюсь разсмотрѣть логическія категоріи общественности, а въ четвертомъ—ея историческія категоріи.

---

[1]) Espinas Les societés animales Paris 1877 г. Fonillée L'evolutionnisme des idées forces Paris 1890 г.

На этомъ собственно кончается задача теоретической соціологіи. (Мы называемъ ее „теоретической“, въ противоположность, такъ называемымъ, „генетической“ и „описательной“ соціологіи, отношеніе которыхъ къ соціологической наукѣ будетъ разсмотрѣно во второмъ томѣ). Изученіе отдѣльныхъ цикловъ общественности, отдѣльныхъ явленій соціальной жизни составляетъ уже задачу частныхъ соціальныхъ наукъ. Для соціолога они представляютъ интересъ лишь постольку, поскольку въ нихъ выражаются общіе законы соціальной жизни, и съ этой точки зрѣнія они могутъ войти въ сферу его изслѣдованія.

Итакъ, мы начинаемъ съ видовыхъ отличій общественной группы, съ природы соціальной связи. Какъ уже было упомянуто, изслѣдованіе ея природы должно идти не эмпирическимъ, а конструктивнымъ путемъ. Съ какихъ же отправныхъ точекъ нужно начинать эту конструкцію? Очевидно, ни одинъ изъ моментовъ, не лежащихъ въ непосредственномъ внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ, ни одинъ изъ промежуточныхъ пунктовъ сознанія для этой цѣли не годится. Всѣ эти пункты сами конструированы изъ эмпирическихъ данныхъ — конструированы житейски, ощупью, безъ достаточнаго контроля. Для научнаго изслѣдованія путь лежитъ прямо отъ послѣднихъ наблюденій внѣшняго и внутренняго опыта— жизни и сознанія себя. Поэтому краткій обзоръ біологическихъ предпосылокъ группированія индивидуумовъ является необходимой составной частью ученія о соціальной связи.

Къ сожалѣнію, не будучи спеціалисткой по біологіи, я не обладаю такими обширными знаніями въ этой области, которыя позволили бы мнѣ съ полной самостоятельностью разработать этотъ трудный вопросъ. Заранѣе извиняюсь передъ читателемъ, если мнѣ пришлось ограничиться преимущественно выборкой, систематизированіемъ и освѣщеніемъ готоваго матеріала изъ трудовъ авторитетнѣйшихъ біологовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Біологическія предпосылки соціальной связи.

Неразрывность сознанія и жизни психологіи и біологіи. Зависимость соціальныхъ явленій отъ общихъ законовъ жизни. Попытки объяснить соціальность общими біологическими законами. Согласованность индивидуальныхъ сознаній, какъ основной моментъ групповой жизни. Необходимость постояннаго уравненія сознаній для достиженія ихъ согласованности. Механизмъ уравниванія—подражательное общеніе. Біологическая полезность подражанія въ процессѣ естественнаго отбора: функціональный отборъ", „органическій отборъ" и т. д. Значеніе длительныхъ процессовъ подражанія и совмѣстной жизни, какъ ихъ условія. Регулированіе группировки двумя взаимно противоположными моментами: собирающей тенденціей подражанія и разсѣивающей тенденціей борьбы за существованіе. Границы біологической полезности подражанія и совмѣстной жизни; механизмъ подражанія. Видъ, какъ біологическій предѣлъ группировки.

Въ логическомъ порядкѣ явленія соціальныя слѣдуютъ за явленіями жизни непосредственно. Старая грань, раздѣлявшая біологію и соціологію психологіей, становится съ развитіемъ науки все болѣе шаткой. Современная біологія, изслѣдуя органическія явленія во всемъ ихъ роскошномъ разнообразіи, склоняется къ тому, чтобы включить въ сферу своего изученія и явленія психическія, какъ одинъ изъ ингредіентовъ понятія жизни и могущественный факторъ въ эволюціи видовъ.

Блестящіе труды Мино и Ллойда Моргана служатъ выдающимся обоснованіемъ этой тенденціи [1]). Цѣлый рядъ другихъ біологовъ стоитъ на той же почвѣ, соединяя въ одно неразрывное цѣлое психическія и физическія стороны изучаемыхъ ими вопросовъ органическаго міра [2]).

Съ другой стороны величайшіе корифеи современной психологіи обнаруживаютъ стремленіе приблизить еще болѣе психологію къ ея біологической основѣ. Такъ напр., Вундтъ говоритъ о неотдѣлимости сознанія и организма [3]). Геффдингъ признаетъ, что логически психологія вполнѣ примыкаетъ къ біологіи и лишь въ виду ея исключительнаго интереса для человѣка настаиваетъ на ея выдѣленіи въ особый отдѣлъ [4]). Baldwin связываетъ возникновеніе сознанія съ возникновеніемъ жизни [5]). Вся концепція современной физіологической школы основана на признаніи неразрывной зависимости сознательной жизни отъ біологическихъ функцій. Яркими представителями этихъ воззрѣній являются Джемсъ[6]), Ланге [7]), Рибо [8]), Рише [9]), Бине [10]) и др. Эта мысль зарождалась еще у предшественниковъ физіологической

---

[1]) Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ.

[2]) Напр. Mills Nature and Developement of Animal Intelligence, Hudson Naturalist in La Plata, Groos die Spiele der Thiere и многіе др.

[3]) Wundt Völkepsychologie 2 изд. B I S. 39—43.

[4]) Höffding Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung Leipzig 1887 г. нѣмец. перев. со 2 датск. изд. стр. 31.

[5]) Болдуинъ. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода русск. пер. съ 3 америк. изд. ч. I стр. 245—250.

[6]) Джемсъ. Научныя основы психологіи.

[7]) Lange Über Gemüthsbewegungen.

[8]) Рибо. Психологія чувствъ и др.

[9]) Рише. Опытъ общей психологіи, L'homme et l'intelligence Recherches cliniques et medicales sur la sensibilité и др.

[10]) Binet Vie psychique des Micro-organismes, Binet et Feré Magnetisme animal.

школы Маудсли [1]) и Бэна [2]). Самъ Спенсеръ, хотя считалъ психологію отдѣльной наукой, но въ своихъ собственныхъ трудахъ изслѣдуетъ психологическія явленія въ непосредственной связи съ физіологическими [3]). Какъ біологи, такъ и психологи считаютъ въ наше время трюизмомъ, что на всемъ протяженіи зоологическихъ ступеней развитіе сознанія идетъ параллельно развитію организма. Великолѣпныя діаграммы Роменса [4]) довели этотъ фактъ до графической ясности.

Эти тенденціи неизбѣжно должны были отразиться въ философіи. Когда-то Контъ, устанавливая свою схему классификаціи наукъ, еще до полнаго научнаго развитія психологіи, считалъ ее отдѣломъ біологическихъ наукъ и помѣстилъ соціологію немедленно вслѣдъ за біологіей. Когда впослѣдствіи, съ одной стороны спеціальныя психологическія изслѣдованія значительно разработали и усложнили матеріалъ въ этой области, а съ другой стороны идеалистическая философія отвела явленіямъ духа совершенно особое мѣсто въ своемъ міросозерцаніи, Гербертъ Спенсеръ выступилъ представителемъ теченій своей эпохи и измѣнилъ схему Конта, поставивъ психологію отдѣльно, между біологіей и соціологіей. Наша эпоха, значительно разработавшая область психологіи, создавшая цѣлую науку о психологіи животныхъ, направившая свое вниманіе на посредствующіе этапы между высшими и низшими формами сознанія, поставившая изученіе психологическихъ явленій на ихъ дѣйствительную органическую основу, не могла остановиться на этой концепціи. Нераздѣленность біологическаго и психологическаго изслѣдованія естественно требовала новой классификаціи наукъ. Выразителемъ современныхъ те-

---

[1]) Maudsley Physiology of. Mind.

[2]) Bain The Emotions ond the Will.

[3]) Спенсеръ. Основанія психологіи.

[4]) Romanes Mental Evolution in Animals приложеніе; также въ приложеніи къ труду: Духовная эволюція человѣка.

ченій явился въ философіи де-Роберти. По его классификаціи обычный матеріалъ психологіи раздѣленъ на двѣ части. Одна изъ нихъ, обыкновенно называемая „психофизикой“, отнесена къ біологіи; другая, касающаяся высшихъ явленій, отнесена уже прямо къ области соціальныхъ наукъ. Эта схема, возвращающая соціальнымъ явленіямъ ихъ старое мѣсто въ классификаціи, ставящая ихъ опять непосредственно вслѣдъ за явленіями жизни, вполнѣ отвѣчаетъ современному научному направленію [1]).

Возникая въ предѣлахъ живого міра, подчиненнаго прежде всего законамъ біологіи, соціальныя явленія, конечно, не могутъ противорѣчить общимъ законамъ жизни. Если бы соціальная жизнь оказывала въ біологической эволюціи вредное вліяніе, была бы разрушеніемъ, а не новымъ приспособленіемъ, то она была бы уничтожена въ самомъ зародышѣ своемъ естественнымъ отборомъ. Біологическая эволюція, какъ извѣстно, отбираетъ лишь тѣ свойства, которыя представляются полезными для сохраненія индивидуума и вида. Разъ соціальная жизнь сохранена и упрочена естественнымъ отборомъ, то мы можемъ съ увѣренностью сказать, что она есть дальнѣйшее приспособленіе, возникающее изъ самаго теченія біологической эволюціи.

---

[1]) Де Роберти. Новая постановка основныхъ вопросовъ соціологіи пер. съ франц. стр. 84—86, 93—95. Сходныхъ взглядовъ держится и Геффдингъ (op. cit. стр. 32), намѣтившій раздѣленіе психологіи на двѣ части: „физіологическую“, непосредственно связанную съ вопросами физіологической организаціи, и „историческую“ или „соціологическую“, обнимающую обширную область проявленій духа, начиная отъ жизни животныхъ и кончая матеріалами фольклористики, исторіи, художественной литературы; теорія де Роберти имѣетъ тѣ преимущества, что она точнѣе разграничиваетъ низшія и высшія, психофизическія и психологическія явленія, а самый принципъ дѣленія философски обоснованъ въ классификаціи наукъ, и область высшихъ психологическихъ явленій съ полной систематичностью отнесена къ соціальнымъ наукамъ.

Являлся большой соблазнъ объяснить соціальность общими законами жизни. Біологическія теоріи приспособленія и борьбы за существованіе были перенесены въ соціологію. Такова точка зрѣнія Спенсера съ его школой и дарвинистовъ [1]). Съ этимъ взглядомъ врядъ ли можно согласиться. Выражая принципъ жизни во всѣхъ его проявленіяхъ, біологическіе законы уже по одному этому не могутъ опредѣлить природы болѣе тѣсной группы явленій, соціальности. Законы приспособленія и борьбы за существованіе обнимаютъ такую широкую сферу, гдѣ о соціальности въ обычномъ смыслѣ говорить невозможно. Уже Дарвинъ и Спенсеръ доказали широкое примѣненіе законовъ приспособленія и борьбы за существованіе во всей органической природѣ, особенно во всемъ животномъ мірѣ [2]). Пфефферъ блестяще изслѣдовалъ дѣйствіе этихъ-же законовъ въ царствѣ растеній [3]). Труды Дженнингса обстоятельно выяснили ихъ господство въ мірѣ низшихъ организмовъ [4]). Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что общіе біологическіе законы обнимаютъ несравненно болѣе широкую область, нежели общественность. Поэтому адэкватную теорію соціальной жизни на нихъ построить нельзя. Недостаточно сказать, что общественность естественно возникаетъ на основахъ жизни: задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить ея особенную природу и особенное значеніе.

Тотъ особенный кругъ отношеній, которыя мы называемъ „соціальными“, распознается съ внѣшней сто-

---

[1]) Спенсеръ, Основанія Соціологіи, Ammon Die Gesellschafts ordnung und ihre natürliche Grundlagen. Бэджеготъ Научные законы развитія народовъ.

[2]) Дарвинъ о происхожденіи видовъ, Спенсеръ Основанія біологіи.

[3]) Pfeffer Osmotische Untersuchungen, а также Vortrag vor der ersten Generallversammlung der Gesellschaft der deutschen Naturforscher und Ärzte in Nürenberg см. Revue scientifique Dec., G, 1893. г.

[4]) Jennings Behaviour of Lower Organisms.

роны по нѣкоторому объединенію сознательной жизни и согласованію дѣятельности. Эти два явленія неразрывно связаны между собой: согласованная дѣятельность не мыслима безъ объединенія сознательной жизни. Современная психологія отказывается разсматривать волевой актъ, какъ нѣчто совершенно отдѣльное, самостоятельное, изолированное, внѣ связи со всей психологической жизнью дѣйствующаго субъекта. Каждый волевой актъ, каждое побужденіе, непосредственнымъ выраженіемъ котораго оно является, неизбѣжно вытекаетъ изъ общаго содержанія сознанія. Поэтому необходимой предпосылкой согласованной дѣятельности является нѣкоторое согласованіе всей сознательной жизни.

Едва ли можно разсматривать это соотвѣтствіе индивидуальныхъ сознаній, какъ ихъ первичное основное, неизмѣнное свойство. Содержаніе сознанія не есть что-либо постоянное неизмѣнно-опредѣленное: оно эволюціонируетъ на протяженіи всей жизни индивидуума. Между тѣмъ, ни одна группа не можетъ состоять исключительно изъ особей, находящихся на одной и той же стадіи индивидуальнаго развитія. Уже одно различіе въ возрастѣ, одна наличность въ каждой группѣ старыхъ и молодыхъ не допускаетъ подобной мысли. Не можетъ быть одинаковой сознательная жизнь ребенка и взрослаго, учителя и ученика.

Такимъ образомъ, о предустановленной общности сознательной жизни, очевидно, не приходится и говорить. А между тѣмъ, какое-то единеніе должно существовать, если существуетъ согласованная дѣятельность. Остается только одно возможное предположеніе: что объединеніе сознательной жизни постоянно достигается на протяженіи индивидуальнаго развитія, что содержаніе индивидуальныхъ сознаній непрерывно уравнивается. И дѣйствительно, сознательная жизнь ребенка и ученика расширяется и достигаетъ соотвѣтствія съ жизнью другихъ членовъ его среды лишь черезъ безчисленныя пріобрѣтенія новыхъ знаній, новаго опыта, новыхъ мыс-

лей, которыя раньше были ему неизвѣстны и составляли достояніе другихъ членовъ среды. Во всей соціальной жизни содержаніе одного индивидуальнаго сознанія постоянно переходитъ, переливается въ другія сознанія. Это тотъ психологическій процессъ, который заполняетъ всю нашу повседневность, который десятки и сотни разъ повторяется на каждой страницѣ исторіи—процессъ общенія. Правъ Тардъ, когда онъ утверждаетъ, что общеніе есть начальный основной моментъ общественной жизни [1]).

Передача содержанія одного сознанія другому сознанію,—то, что Тардъ и Болдуинъ называютъ „подражаніемъ", то что мы назвали „общеніемъ", составляетъ такимъ образомъ центральный фактъ группировки индивидуумовъ [2]). Разъ этотъ процессъ вырабатывается и поддерживается естественнымъ отборомъ, то очевидно, подражаніе полезно для сохраненія индивидуума и вида. Какова же могла быть его полезность? На этотъ вопросъ мы не найдемъ отвѣта въ тѣхъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, которыя посвящены привычной подражательной реакціи и ея значенію въ развитой соціальной жизни. Все это болѣе высокія стадіи, болѣе отдаленныя слѣдствія, которыя къ первымъ зародышамъ подражанія не примѣнимы. Между тѣмъ для того, чтобы естественный отборъ выработалъ эти болѣе высокія сознательныя стадіи подражанія, оно должно было быть полезнымъ въ самомъ своемъ зарожденіи, въ своихъ наиболѣе примитивныхъ формахъ. Чѣмъ же обусловливалась эта первоначальная полезность примитивныхъ подражательныхъ реакцій въ процессѣ приспособленія?

Основное свойство живой матеріи составляетъ ея способность отвѣчать на внѣшніе реагенты двигательными реакціями, способность, называемая въ біологіи

---

[1]) Tarde Logique sociale p. 91.

[2]) Тардъ. Законы подражанія pass. Baldwin Interprétation sociale et morale des principes du developpement mental. pass.

раздражимостью. Именно посредствомъ такихъ двигательныхъ реакцій происходитъ приспособленіе [1]). Составляя путь приспособленія къ средѣ, двигательныя реакціи организма вліяютъ въ силу естественнаго отбора на его выживаніе. Организмы, реакціи которыхъ стремятся удерживать и усиливать дѣйствіе полезныхъ раздражителей, избѣгать и устранять дѣйствіе вредныхъ, имѣютъ преимущество въ борьбѣ за существованіе. Естественно поэтому, что сохраняются и наслѣдственно передаютъ свои свойства тѣ организмы, которые реагируютъ на благотворныя и жизненно вредныя раздраженія въ этихъ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Этимъ объясняется, что всѣ организмы, не исключая самыхъ низшихъ, какъ бы различаютъ раздраженія полезныя и вредныя и реагируютъ на нихъ различно. Всеобщая распространенность типа „отбирающей реакціи“ въ органическомъ мірѣ совершенно доказана біологами. Роменсъ утверждаетъ, что отбирающая реакція распространена въ такихъ же предѣлахъ, какъ и явленіе возбудимости, а слѣдовательно, и жизни. [2]) Работы Пфеффера, Дженнингса и другихъ авторовъ вполнѣ подтвердили этотъ выводъ [3]).

У высшихъ органическихъ существъ эти реакціи выражаются физіологически въ самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ группахъ координированныхъ движе-

---

[1]) У низшихъ организмовъ раздражимость детально изслѣдована Дженнингсомъ (op. cit.). Пфефферъ доказалъ ее у растеній (op. cit.) Клодъ Бернаръ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ для всей органической природы (Leçons sur la vie, а также Sensibilité dans le règne animal et végétal. Science experimentale 1876 г. стр. 218). О раздражимости, какъ классификаціонномъ признакѣ живой матеріи, говорятъ всѣ біологи и многіе психологи, напр. Рибо (Психологія чувствъ русс. пер. Кіевъ 1897 г. стр. 12—13), Рише (Опытъ общей психологіи Петербургъ 1895 г. стр 10, Геффдингъ (op. cit. II, 3) и др.

[2]) Romanes Mental Evolution in Animals гл. I.

[3]) Jennings op. cit., Pfeffer op. cit., Binet Vie psychique des Micro—organismes.

ній психологически въ удовольствіи и страданіи. Но блестящія изслѣдованія Шнейдера доказываютъ, что всѣ эти дифференцированныя движенія высшихъ существъ возникли и развились изъ двухъ противоположныхъ первоначальныхъ двигательныхъ реакцій, свойственныхъ низшимъ организмамъ: движенія расширенія, приближенія къ источнику благотворнаго раздраженія, чѣмъ усиливается его дѣйствіе (напр. дѣйствіе свѣта, тепла и т. д.) и движенія сокращенія, удаленія, устраненія отъ жизненно вредныхъ раздраженій [1]). Психологическія явленія, соотвѣтствующія этой схемѣ, движеній, какъ доказали Болдуинъ [2]) Рише, [3]) Мейнертъ [4]) и др., составляютъ въ свою очередь первичный зародышъ тѣхъ дифференцированныхъ чувствованій удовольствія и страданія, которыя свойственны высшимъ животнымъ. Реакція организма на полезныя раздраженія въ видѣ удовольствія и на вредныя въ видѣ страданія, начиная самыми первичными ихъ формами и кончая самыми высшими, представляетъ психологическую сторону разсмотрѣнныхъ нами органическихъ притяженій и отталкиваній и вырабатывается, какъ и физіологическая ихъ сторона естественнымъ отборомъ.

Къ усиленію этой приспособительной реакціи и сводится, по нашему мнѣнію, первоначальная полезность подражанія. Воспріятіе движенія сходныхъ индивидуумовъ даетъ само по себѣ импульсъ къ соотвѣтственному движенію. Всякое представленіе движенія есть начало его осуществленія [5]). Явленіе это наблюдается даже на выс-

---

[1]) Schneider Der Thierische Wille.

[2]) Болдуинъ. Духов. разв. дѣтск. индивид. и человѣч. рода ч. I стр. 196 и слѣд.

[3]) Richet. L'homme et l'intelligence p. g.

[4]) Meynert. Populär-wissenschaftliche Vorträge s. 41.

[5]) Джемсъ. Научныя основы психологіи, Петерб. 1902 г. стр. 337. Психологія Петерб. 1896 г. стр. 353. Fouillée, Psychologie des idées-forces p. 174 Paris 1893 г. ср. Wundt Grund Züge der Physiologischen Psychologie 4 изд. B. II S. 567—569.

шихъ культурныхъ ступеняхъ [1]). Но можно сказать, что на низшихъ стадіяхъ, гдѣ болѣе узокъ кругъ представленій, реакція на представленіе о движеніи, и въ частности на воспринимаемое чужое движеніе, должна быть болѣе непосредственной и болѣе сильной. И дѣйствительно, у дикарей и у дѣтей апперцепція движенія даетъ сильнѣйшій моторный импульсъ, который переходитъ въ соотвѣтственное движеніе. У животныхъ, конечно, эти явленія сказываются еще несравненно сильнѣе. Здѣсь одного воспріятія чужого движенія достаточно, чтобы вызвать аналогичное движеніе [2]).

Поэтому, если приспособительная реакція совершается нѣсколькими сходными организмами, то на каждый изъ нихъ дѣйствуютъ два импульса: основной раздражитель вызываетъ сходную реакцію у всѣхъ организмовъ, обладающихъ сходной структурой и функціями; воспріятіе этой одинаковой реакціи другихъ подобныхъ организмовъ усиливаетъ моторный импульсъ въ томъ же направленіи.

Усиленный разрядъ есть тотъ путь, которымъ идетъ дифференціація сложныхъ двигательныхъ реакцій изъ примитивныхъ движеній расширенія и сокращенія. Еще старые теоретики Спенсеръ и Бэнъ отмѣчали этотъ фактъ; и эта часть ихъ воззрѣній осталась

---

[1]) Но на высшихъ оно, конечно, выступаетъ въ ослабленномъ видѣ и не вызывается необходимостью самаго движенія, а ограничивается тенденціей къ нему. Съ психологической стороны это зависитъ отъ болѣе широкаго круга представленій, тормазящихъ другъ друга и этимъ усложнящихъ и замедляющихъ окончательную двигательную реакцію; съ неврологической стороны болѣе высокая сознательная жизнь, а вслѣдствіе этого замедленная реакція связана, по всей вѣроятности, съ развитіемъ сѣраго мозгового вещества см. Höffding (op. cit. S. 113) Wundt. (loc. cit.).

[2]) Espinas Les sociétés animales Paris 1877 p. 41, 198 319 и др.

не оспоренной новѣйшей критикой [1]). Понятно поэтому, что подражаніе, усиливая разрядъ, должно облегчить образованіе новыхъ приспособительныхъ реакцій.

Но этимъ роль подражанія не ограничивается: оно облегчаетъ отборъ между реакціями и переходъ ихъ въ привычку. Мы видѣли выше, что двумъ типамъ приспособительныхъ реакцій на благотворныя и вредныя раздраженія соотвѣтствуютъ съ психологической стороны удовольствіе и страданіе. Удачныя движенія, вызывающія усиленное дѣйствіе благотворныхъ раздражителей, этимъ доставляютъ удовольствіе, связанное съ повышеніемъ жизнедѣятельности. Эта психологическая сторона приспособительныхъ реакцій въ свою очередь вліяетъ на ихъ дальнѣйшее развитіе. Когда извѣстная реакція на данное раздраженіе оказывается связанной съ удовольствіемъ, организмъ начинаетъ всегда реагировать на это раздраженіе именно даннымъ способомъ, который постепенно переходитъ въ привычку. Наоборотъ, реакцій, съ которыми связано страданіе, организмъ, понятно, избѣгаетъ.

Въ этомъ процессѣ „функціональнаго отбора“ [2]), гдѣ основнымъ отбирающимъ факторомъ служитъ удовольствіе, степень его очевидно должна оказывать первенствующее вліяніе на интенсивность отбора. Чѣмъ сильнѣе удовольствіе отъ реакціи, тѣмъ сильнѣе импульсъ къ ея повторенію. Поэтому реакціи, доставив-

---

[1]) Спенсеръ, Основанія психологіи т. I §§ 2 27—237, Bain The Emotions and the Will 3 изд. 1888 г. стр. 318. Болдуинъ, критикуя другіе пункты ихъ теоріи, съ этимъ взглядомъ вполнѣ согласился, формулируя его слѣдующимъ образомъ: *„организмъ приспособляется или пріобрѣтаетъ новыя приспособленности, просто выполняя тѣ движенія, которыми онъ уже обладаетъ, осуществляя свои привычки въ повышенной или черезмѣрной степени“* (курсъ авт.). Духовн. развит. дѣтс. индивид. и человѣч. рода ч. I стр. 253.

[2]) Болдуинъ op. cit. ч. 1 стр. 194, 199—200 L. Morgan Animal Behaviour.

шія значительное удовольствіе, повторяются чаще и отбираются интенсивнѣе, нежели реакціи со слабымъ удовольствіемъ. Съ другой стороны, при интенсивныхъ удовольствіяхъ, и ассоціація между удовольствіемъ и его причиной сильнѣе, длительнѣе. Повышенная реакція, достигая наиболѣе сильныхъ раздраженій и этимъ связывая движеніе съ сильными удовольствіями и страданіями, облегчаетъ функціональный отборъ и удержаніе удачныхъ движеній.

Къ сожалѣнію, значеніе подражанія въ этомъ процессѣ осталось не затронутымъ въ спеціальной литературѣ; но усмотрѣть его не трудно: совмѣстное реагированіе нѣсколькихъ сходныхъ организмовъ, усиливая, какъ выше упоминалось, разрядъ и повышая интенсивность реакціи облегчаетъ этимъ дѣйствіе функціональнаго отбора. Чѣмъ сильнѣе реакція, тѣмъ большій слѣдъ она оставляетъ въ организмѣ, тѣмъ легче она переходитъ въ стадію привычныхъ безсознательныхъ рефлексовъ. Понятно поэтому, что естественный отборъ, развивая и усиливая все то, что способствуетъ выживанію, долженъ былъ развить и упрочить подражаніе. Усиливая реакцію, подражаніе помогаетъ организму приспособляться къ условіямъ окружающей среды. Въ отношеніи вида значеніе подражанія сказывается въ дифференціаціи и упроченіи новыхъ приспособительныхъ реакцій. Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія онтогенезиса или филогенезиса мы ни смотрѣли, подражаніе имѣетъ свою полезность.

Еще большее значеніе имѣетъ подражаніе на болѣе сознательныхъ стадіяхъ [1]). Весьма многія полезныя привычки и приспособленности у животныхъ, а въ особенности у человѣка, не прирождены, а пріобрѣтаются въ теченіе индивидуальнаго развитія. Онѣ передаются не наслѣдственнымъ, а подражательнымъ

---

[1]) См. Baldwin Development and Evolution. Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ.

путемъ. Таковы, напр., рѣчь, письмо у ребенка. Извѣстенъ случай, приводимый Л. Морганомъ: молодые цыплята и утята при видѣ воды обыкновенно не реагируютъ и начинаютъ пить изъ подражанія старой курицѣ или уткѣ. Между тѣмъ, организмъ безусловно нуждается въ извѣстномъ количествѣ влаги и въ данномъ случаѣ подражаніе спасаетъ молодыхъ особей отъ гибели [1]). За послѣднія десятилѣтія собраны чрезвычайно богатые матеріалы, доказывающіе, насколько многочисленны и сложны тѣ функціи и привычки, которыя животныя пріобрѣтаютъ не наслѣдственнымъ а подражательнымъ путемъ [2]). Къ этой же области подражанія относится вся обширная группа явленій обученія. Обученіе по существу своему представляетъ копированіе молодыми особями дѣйствій старшихъ. На высшихъ ступеняхъ мы видимъ настойчивое подражаніе, составляющее моментъ возникновенія волевого акта, всѣ элементы котораго оно имѣетъ: сознательное желаніе сдѣлать свое дѣйствіе сходнымъ съ образцомъ, зародышъ внимательнаго обдумыванія при сравненіи каждой повторной попытки съ образцомъ, наконецъ, усиліе, характеризующее каждую новую попытку [3]). На протяженіи всей этой обширной группы существеннымъ моментомъ является подражаніе. Оно именно дѣлаетъ возможной передачу всѣхъ пріобрѣтенныхъ въ теченіе индивидуальнаго развитія привычекъ

---

[1]) Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ стр. 44.

[2]) См. Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ. Hudson, Naturalist in La Plata, Mills Nature and development animal intelligence. Многіе факты можно найти у Брема, Жизнь животныхъ, Роменса, Умъ животныхъ и Mental Evolution in Animals, также Espinas Les sociétés animales pass особенно стр. 268, 275, 308 и др. Groos въ своемъ блестящемъ трудѣ, Die Spiele der Thiere устанавливаетъ, что игра является способомъ пріобрѣтенія необходимыхъ навыковъ и привычекъ. Извѣстенъ его афоризмъ: „Die Thiere spielen nicht weil sie jung sind, sondren sie haben eine Jugend weil sie spielen müssen (S. 66).

[3]) Болдуинъ op. cit. ч. II гл. XII.

изъ поколѣнія въ поколѣніе. Благодаря подражанію, исключительно удачное примѣненіе своихъ координированныхъ движеній какой либо особью передается всѣмъ сходнымъ особямъ. Такимъ образомъ, полезное приспособленіе распространяется. Особи, воспринявшія его, будутъ имѣть преимущество въ борьбѣ за существованіе и выживутъ. Слѣдующее поколѣніе должно будетъ также заимствовать подражательнымъ путемъ, иначе оно будетъ уничтожено естественнымъ отборомъ. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, это приспособленіе будетъ развиваться все болѣе и, наконецъ, закрѣпляется наслѣдственностью, въ томъ случаѣ, если врожденное выполненіе функціи болѣе полезно для сохраненія вида. Первый индивидуальный организмъ, достигшій новаго полезнаго приспособленія, намѣчаетъ въ силу этого закона „органическаго отбора“ дальнѣйшій путь филогенетической эволюціи [1]).

Въ группѣ привычекъ, наслѣдственное выполненіе которыхъ болѣе полезно для сохраненія вида, которыя поэтому закрѣпляются наслѣдственностью по принципу естественнаго отбора и переходятъ на стадію врожденныхъ рефлективныхъ движеній, высшую форму составляютъ инстинкты. Инстинктъ, какъ его понимаетъ современная наука, есть „врожденная двигательная реакція на опредѣленное представленіе“ [2]). Но возможны случаи, особенно въ отношеніи сложныхъ функцій, когда ихъ сознательное выполненіе полезнѣе

---

[1]) Теорія „органическаго отбора“ разработана Болдуиномъ (Development and Evolution New-Iork-London 1902 pass. особенно стр. 65—70) и Морганъ op. cit. гл. XV.

[2]) Wundt Grund Zügen der Physiologischen Psychologie 4 изд. B. II S. 568, Grundriss der Psychologie, Leipzig 1896 г. S. 326—332, Рибо op. cit стр. 177 и слѣд. Höffding op. cit. S. 112 Рише. Опытъ общей психологіи стр. 120. Джемсъ. Научныя основы психологіи стр. 309. Психологія стр. 321. Balwin Development and Evolution гл. V. и VI. Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ, Schneider, der Thierische Wille Romanes Mental Evolution in Animals.

для вида, нежели наслѣдственное. Такое положеніе вещей наступаетъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ важна подвижность, приспособленность къ отдѣльнымъ конкретнымъ комбинаціямъ условій. Врожденное выполненіе функцій отличается неизмѣнно фиксированнымъ въ нервной системѣ соединеніемъ сложныхъ группъ координированныхъ движеній съ опредѣленными нервными раздраженіями, ощущеніями и представленіями. Закрѣпленныя наслѣдственностію эти соединенія разъ навсегда предопредѣлены. Никакія измѣненія ихъ соотношеній согласно съ условіями отдѣльнаго конкретнаго случая, никакія новыя комбинаціи, новыя соединенія другихъ моторныхъ группъ съ этими же представленіями невозможны. Между тѣмъ, когда выполненіе функціи происходитъ сознательно, то соединенія ощущеній, представленій и координированныхъ движеній въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляются содержаніемъ сознанія, не закрѣплены неизмѣннымъ образомъ, не представляютъ единственной функціональной возможности. Очевидно, чѣмъ сложнѣе организація, чѣмъ больше она нуждается въ тонкомъ приспособленіи къ условіямъ окружающей среды, тѣмъ для нея полезнѣе сознательное выполненіе функцій. Съ другой стороны, развитое сознаніе связанное съ сильнымъ развитіемъ центральной нервной системы и сѣраго мозгового вещества, можетъ возникнуть лишь въ соотвѣтственно развитой физіологической организаціи. И дѣйствительно, на всей зоологической лѣстницѣ наблюдается полное соотвѣтствіе между психологическимъ и физіологическимъ развитіемъ организма. По этимъ причинамъ, чѣмъ выше мы поднимаемся въ царствѣ животныхъ, тѣмъ большее значеніе получаетъ приспособленіе сознательное, и тѣмъ большую роль играетъ подражательная передача изъ поколѣнія въ поколѣніе опредѣленнаго контингента привычекъ и приспособленій. Своей высшей формы сознательное приспо-

собленіе достигаетъ въ типѣ разумно-волевыхъ реакцій человѣка [1]).

Подводя итоги, мы видимъ, что какъ на низшихъ стадіяхъ зоологическаго развитія, такъ въ особенности на высшихъ подражаніе имѣетъ свою полезность для организма и вида. На низшихъ стадіяхъ подражаніе усиливаетъ дифференціацію новыхъ приспособительныхъ реакцій и дѣйствіе функціональнаго отбора. На высшихъ стадіяхъ къ этому присоединяется подражательная передача сложившихся приспособленностей. Если на низшихъ стадіяхъ постоянное, а не спородическое случайное подражаніе представляется преимуществомъ, то длительная передача привычекъ и навыковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе можетъ возникнуть, только при постоянномъ подражаніи, связанномъ съ совмѣстной жизнью. Полезность совмѣстной жизни для индивидуума и вида вытекаетъ съ логической неизбѣжностью изъ полезности длительныхъ процессовъ подражанія. Справедливо говоритъ Эспинасъ, что благодаря подражанію, особи, живущія вмѣстѣ, имѣютъ болѣе широкій кругъ представленій, нежели одинокія особи. Каждое индивидуальное сознаніе представляетъ сумму пріобрѣтеній всей группы [2]). И дѣй-

---

[1]) Balwuin Development and Evolution p. 68, 69, Interprétation sociale et morale des principes du developpement mental Paris 1899 франц. перев. со 2 англійск. изд. p. 61—64. Ранке. Человѣкъ, Петерб. 1901 г. пер. со 2 нѣмец. изд. т. I стр. 591. („*Особенность человѣческаго мозга заключается лишь въ значительномъ преобладаніи неавтоматической части большихъ полушарій надъ автоматически дѣйствующими мозговыми отдѣлами*“ курс. автора) см. стр. 592 и слѣд. о микроцефаліи. О соотвѣтстіи развитія мозгового вещества и сознательной дѣятельности. См. Meynert zur Mechanik des Gehirnbaues стр. 7, а также Preyer Die Seele des Kindes 3 изд. стр. 342, о микроцефалическихъ дѣтяхъ стр. 296—309.

[2]) Espinas op. cit p. 364 („L'intelligence s'joute à elle—même“).

ствительно, тенденція къ совмѣстной жизни широко распространена въ животномъ царствѣ. Можно предположить, что она была бы еще болѣе развита, если бы не сталкивалась съ другой противоположной тенденціей къ изолированности, вслѣдствіе разсѣивающаго дѣйствія борьбы за существованіе, связаннаго съ ограниченностью пищевыхъ средствъ на каждомъ участкѣ. Эти двѣ прямо противоположныя тенденціи дѣйствующія въ животномъ мірѣ, одна объединяющая, другая разсѣивающая, тенденція къ совмѣстной жизни и тенденція къ возможной изолированности, неизбѣжно сталкиваются. Фактически рѣшающее значеніе имѣетъ обиліе средствъ къ существованію въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Если средства пропитанія достаточны, борьба за существованіе сравнительно слабая, то громадныя преимущества совмѣстной жизни обусловливаютъ жизнь группами. Когда группа становится слишкомъ многочисленной, борьба обостряется, и ея разсѣивающій характеръ сказывается. Борьба за существованіе и совмѣстная жизнь регулируютъ другъ друга [1]). Если мы вспомнимъ, что совмѣстная жизнь обусловливаетъ лучшее приспособленіе къ окружающей средѣ, посредствомъ усиленной реакціи, и путемъ передачи новыхъ полезныхъ привычекъ, то мы увидимъ, какая сложная комбинація условій дѣйствуетъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Многочисленность группы съ одной стороны обостряетъ борьбу за существованіе и этимъ усиливаетъ дѣйствіе естественнаго отбора; съ другой стороны эта самая многочисленность вызываетъ большее распространеніе путемъ подражанія новыхъ полезныхъ приспособленій и этимъ ограничиваетъ дѣйствіе естественнаго отбора. Какое

---

[1]) Espinas op. cit. см. гл. о птицахъ и млекопитающихъ. Спенсеръ. Основанія психологіи русс. пер. со 2 англ. изд. Петерб., 1876. т. 4 § 503, Ammon op. cit. Giddings Principes de sociologie франц. пер. съ англійскаго Paris 1897 p. 78—83.

изъ этихъ двухъ свойствъ получитъ преобладающее значеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—это зависитъ отъ фактическаго комплекса обстоятельствъ, главнымъ образомъ, отъ средствъ пропитанія. Одно можно сказать: что на высшихъ стадіяхъ хотя бы нѣкоторая совмѣстная жизнь, по крайней мѣрѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ семьи неизбѣжно должна существовать. По общему правилу, чѣмъ выше психофизическая организація, тѣмъ большее значеніе имѣютъ для особи приспособленія не врожденныя, а пріобрѣтенныя въ теченіе индивидуальнаго развитія, и тѣмъ безпомощнѣе молодыя особи въ моментъ своего появленія на свѣтъ. Колоссальная безпомощность, далеко превосходящая животныхъ обнаруживается у ребенка въ первые дни его жизни [1]). Понятно, если дѣтеныши рождаются безпомощными, то они нуждаются въ заботахъ старшихъ, и уже однимъ этимъ обусловливается необходимость совмѣстной жизни.

Такимъ образомъ, совмѣстная жизнь необходимо вытекаетъ изъ законовъ біологической эволюціи. Изъ этихъ же законовъ опредѣляются и тѣ крайнія границы, до которыхъ совмѣстная жизнь еще способна распространиться. Будучи основана на длительномъ взаимномъ подражаніи, совмѣстная жизнь, очевидно, не можетъ возникнуть въ предѣлахъ болѣе широкихъ, нежели тѣ, которыми ограничивается возможность постояннаго длительнаго подражанія. Механизмъ подражательнаго процесса, опредѣляя его границы, даетъ намъ ключъ къ разрѣшенію вопроса о границахъ возможности совмѣстной жизни. Существуетъ три различныхъ точки зрѣнія на механизмъ подражанія, и

---

[1]) Baldwin Iterpret. soc. et. mor. des prineipes du devolop. ment. p. 61 et suiv. см. также Preyer Die Seele des kindes, параллели между развитіемъ каждаго изъ пяти чувствъ у новорожденнаго ребенка и у животныхъ при ихъ появленіи на свѣтъ (въ концѣ соотвѣтственныхъ главъ).

каждая изъ нихъ связана съ соотвѣтствующимъ объясненіемъ психическихъ явленій. Всѣ теоріи сходятся въ одномъ пунктѣ, составляющемъ основу современной экспериментальной психологіи: эмоція и характерное для нея двигательное выраженіе (измѣненія кровообращенія, дыханія, мускульной иннервації) составляютъ одно неразрывное цѣлое. Вундтъ и его школа склоняются къ тому взгляду, что характерность двигательнаго выраженія происходитъ отъ измѣненій центральной иннервації, которыя связаны съ содержаніемъ эмоціи. Съ этой точки зрѣнія процессъ подражанія объясняется слѣдующимъ образомъ: въ виду неразрывности содержанія эмоціи и ея характернаго двигательнаго выраженія, послѣднее тѣсно ассоціируется съ содержаніемъ эмоціи. Наблюденіе соотвѣтственнаго двигательнаго выраженія у другого организма, вызываетъ то же самое эмоціональное содержаніе, которое и выражается сходной двигательной реакціей. Очевидно, здѣсь главное основное условіе для возникновенія подражанія—сходство организмовъ, необходимое, чтобы возможна была ассоціація между данной эмоціей и ея двигательнымъ выраженіемъ у другого организма [1]).

По взгляду всей физіологической школы, въ особенности Джемса, [2]) Ланге, [3]) Рибо [4]) содержаніе эмоціи есть только отраженіе въ сознаніи измѣненій кровообращенія, дыханія, мускульной иннервації, которыя распредѣляются по различнымъ для каждой эмоціи группамъ; разными сочетаніями этихъ измѣненій и обусловливается особенный характеръ каждой эмоціи въ сознаніи. По этой теоріи характерный двигательный разрядъ на опредѣленное раздраженіе, отражаясь черезъ чувствующіе нервы въ сознаніи, обусловли-

---

[1]) Wundt. Völkerpsychologie B. I. 131.
[2]) Джемсъ. Научныя основы психологіи гл. XXV.
[3]) Lange. Über Gemüthsbewegungen pass.
[4]) Рибо. Психологія чувствъ pass.

ваетъ соотвѣтственную эмоцію. Физіологическую сторону процесса подражанія съ этой точки зрѣнія мы видѣли выше [1]). Одного представленія движенія достаточно, чтобы вызвать соотвѣтствующій моторный импульсъ и осуществить это движеніе. А такъ какъ наблюденіе производимаго другимъ индивидуумомъ движенія несомнѣнно вызываетъ чрезвычайно ясное и опредѣленное представленіе его, то, понятно, что это даетъ соотвѣтственную моторную тенденцію. Этимъ объясняется и психологическая сторона подражанія. Сходный двигательный разрядъ отразится въ сознаніи сходной эмоціей [2]). Такъ какъ основнымъ моментомъ моторнаго импульса является представленіе о соотвѣтственномъ движеніи, то, конечно, ясность, опредѣленность этого представленія чрезвычайно важна. Эта ясность и опредѣленность будетъ въ томъ случаѣ, если движеніе совершается организмомъ сходнымъ, обладающимъ сходной структурой и функціями, а слѣдовательно, и сходными моторными реакціями.

Примирительную позицію занимаетъ въ этомъ вопросѣ Болдуинъ, [3]) все же нѣсколько больше склоняясь въ сторону взгляда физіологической школы. Какъ Болдуинъ совершенно правильно указываетъ, что каждое воспріятіе слагается отчасти изъ старыхъ элементовъ, уже знакомыхъ сознанію, отчасти же изъ новыхъ, воспринимаемыхъ впервые, согласно съ особенностями случая. Соотвѣтственно этому слѣдуетъ различать въ каждой эмоціи двѣ стороны: одна изъ нихъ опредѣляется привычкой реагировать извѣстнымъ образомъ на всѣ раздраженія подобнаго рода, другая обусловливается приспособленіемъ къ элементамъ новымъ для каждой данной стадіи индивидуальнаго развитія, особеннымъ для

---

[1]) См. выше.

[2]) Эмпирическое обобщеніе фактовъ, наблюдаемыхъ въ мірѣ животныхъ. См. Espinas op. cit. p. 200.

[3]) Болдуинъ. Дух. развит. дѣтск. индивид. и челов. рода. ч. I стр. 265—268.

каждаго конкретнаго случая. Привычка по существу своему представляетъ способъ дѣйствія рефлективный [1]). Поэтому привычныя дѣйствія должны совершаться безъ дѣятельнаго сознанія. Въ движеніяхъ рефлективныхъ, производимыхъ врожденно или привычно (другими словами, по филогенетической или онтогенетической привычкѣ), не приходится и говорить о психологическомъ ходѣ отъ сознанія къ движенію; тамъ, гдѣ живое сознаніе при рефлективныхъ дѣйствіяхъ наблюдается, его наличность можно объяснить только обратнымъ процессомъ отъ движенія къ сознанію. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ концепція физіологической школы, очевидно, вѣрна. Двигательный разрядъ вызываетъ въ сознаніи соотвѣтственное эмоціональное содержаніе. Другая сторона эмоціи объясняется элементами новыми, воспринимаемыми впервые даннымъ индивидуальнымъ сознаніемъ. Новыя, непривычныя реакціи характеризуются съ психологической стороны живымъ дѣятельнымъ сознаніемъ. Болдуинъ полагаетъ, что въ новыхъ приспособительныхъ реакціяхъ содержаніе сознанія обусловливается не отраженіемъ двигательнаго разряда, а непосредственно дѣйствіемъ начальнаго раздраженія. Содержаніе сознанія уже въ свою очередь обусловливаетъ двигательный разрядъ. [2]) Кромѣ ощущеній, вызываемыхъ непосредственнымъ раздраженіемъ, самая дѣятельность сознанія обусловливаетъ цѣлый рядъ другихъ ощущеній. Центральный фактъ сознанія,

---

[1]) Baldwin Handbook of Psychology II p. 49, Wundt, Völkerpsychologie B. I. S. 41, Physiol. Psychol. B. II Cap. XX, Grundriss der Psychol. S. 227, f. Джемсъ. Психологія, стр. 100 и слѣд.

[2]) Легко замѣтить, что въ отношеніи этой стороны эмоціи взглядъ Болдуина близко подходитъ къ теоріи Вундта. Хотя сами авторы, повидимому, не замѣчаютъ близости своихъ воззрѣній, но объ теоріи связываютъ содержаніе сознанія непосредственно съ начальнымъ раздраженіемъ; только Болдуинъ вполнѣ опредѣленно ограничиваетъ сферу этой теоріи одной стороною эмоціи, Вундтъ избѣгаетъ столь точнаго отграниченія.

его главное орудіе, какъ это признано почти всѣми психологами, есть вниманіе. Джемсъ и Болдуинъ [1]) посредствомъ чрезвычайно тонкаго анализа вниманія доказали, что его основы заложены въ моторной системѣ. Принимая вмѣстѣ съ физіологической школой, что измѣненія двигательной иннервацiи отражаются особыми ощущеніями въ сознаніи, мы должны прійти къ выводу, что какъ весь процессъ вниманія, такъ въ частности и его качественная сторона должны вызвать соотвѣтственныя измѣненія въ сознаніи. Поэтому въ содержаніи эмоціи должны имѣть мѣсто слѣдующіе элементы: ощущенія отъ привычной реакціи, ощущенія отъ новыхъ элементовъ, и ощущенія отъ болѣе или менѣе привычнаго напряженія вниманія [2]). Механизмъ подражанія идти можетъ тѣмъ или другимъ путемъ, соотвѣтственно конкретнымъ условіямъ [3]). Либо преобладаетъ ассоціація двигательнаго выраженія другого индивидуума со своими переживаніями и вызываетъ сходный двигательный разрядъ, либо непосредственно передается моторный импульсъ, который и отражается въ сознаніи содержаніемъ эмоціи. Существеннымъ моментомъ въ обоихъ случаяхъ является, какъ мы видѣли, сходство организмовъ, совершающаго дѣйствіе и подражающаго ему. Всѣ господствующія теоріи двигательныхъ выра-

---

[1]) Джемсъ Научныя основы психологіи гл. XI, Болдуинъ. Дух. развит. дѣтс. индив. и челов. рода т. II гл. XV.

[2]) Болдуинъ op. cit. ч. I, стр. 244 и слѣд.

[3]) Ibid. ч. II стр. 50. Случай съ картиной. Насъ интересуютъ только тѣ факты, въ которыхъ проявляется „подражаніе“ въ обыкновенномъ словоупотребленіи, въ смыслѣ перехода состоянія сознанія и двигательнаго выраженія отъ одного индивидуума къ другому. Чрезвычайно широкое понятіе „подражанія“, вводимое Болдуиномъ, сливается съ полнымъ объемомъ „круговой реакціи“ (т. е. такой реакціи, разрядъ которой стремится поддержать вызвавшее ее раздраженіе) Ibid. ч. I стр. 305, 321—23 и въ такой формѣ включаетъ многіе моменты, въ которыхъ нѣтъ даже зародыша будущихъ соціальныхъ отношеній, которые не затрагиваютъ принциповъ группировки индивидуумовъ и потому не могутъ интересовать соціолога.

женій сходятся на томъ пунктѣ, что двигательныя выраженія по существу своему представляютъ приспособительныя реакціи, сохраняющія свою полезность до настоящаго времени или, по крайней мѣрѣ, полезныя въ прежнія эпохи [1]). Сходныя приспособительныя реакціи могли быть полезны для сходныхъ организмовъ, и въ силу естественнаго отбора онѣ и вырабатывались у сходныхъ организмовъ.

---

[1]) Принципъ полезности, какъ опредѣляющій моментъ въ происхожденіи двигательныхъ выраженій, намѣчавшійся еще Беллемъ (The Anatomy and Physiology of. Expression conneted of the fine Arts 1844 г.), составляетъ основной тезисъ труда Дарвина: О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Этотъ тезисъ поддерживаетъ и Спенсеръ (Основанія психологіи т. IV гл. IV), а по частнымъ вопросамъ Мантегацца (Physiologia del piacere и Physiologia del dolore) и Мосso (La paura 1886, L'espressione del dolore 1889). Очень близко къ этимъ воззрѣніямъ на природу приспособительной реакціи подходитъ теорія Вундта. Вундтъ указываетъ, что главнымъ характернымъ признакомъ въ природѣ двигательныхъ выраженій является стремленіе къ удержанію удовольствія и устраненію страданія (Völkerpsych. B. I Cap. I). Но это составляетъ, какъ мы видѣли (см. выше стр. 20), отличительный признакъ приспособительной реакціи. Сами двигательныя выраженія, по мнѣнію Вундта, представляютъ ни что иное, какъ смягченныя волевыя дѣйствія (Völkerpsych. B. I S. 83). Къ взгляду Вундта присоединились многіе авторы, въ томъ числѣ Фулье (L'evolutionnisme des ideés—forces p. 99). Болдуинъ считаетъ двигательныя выраженія частнымъ проявленіемъ закона динамогенезиса (Op. cit. гл. VIII). Но мы видѣли выше (см. выше), что законъ динамогенезиса, въ силу естественнаго отбора въ теченіе эволюціи видовъ, совершенно сливается съ закономъ приспособительной реакціи. Изслѣдованія Шнейдера (Der thieriche Wille) доказываютъ происхожденіе всѣхъ моторныхъ реакцій отъ первоначальныхъ движеній расширенія и сокращенія, которыя, какъ упоминалось, представляютъ основную генетическую почву приспособительной реакціи. Такимъ образомъ, можно считать въ настоящій моментъ господствующимъ взглядъ на природу двигательныхъ выраженій, какъ на приспособительную реакцію имѣющую или, по крайней мѣрѣ, имѣвшую свою полезность для индивидуума и вида.

Такимъ образомъ, къ какой бы изъ трехъ теорій механизма подражанія мы ни присоединились, мы неизмѣнно придемъ къ одному и тому же выводу: сходство организмовъ—это необходимое условіе, безъ котораго нѣтъ почвы для подражанія.

Сходныя двигательныя выраженія, неразрывно связанныя съ опредѣленнымъ эмоціональнымъ содержаніемъ, по самой природѣ своей, представляютъ почву для общенія. Начальная стадія этого общенія была, вѣроятно, непроизвольной и представляла стихійное распространеніе эмоціи отъ одного индивидуума къ другому. Нѣчто подобное можно наблюдать и до сихъ поръ во многихъ птичьихъ стаяхъ. Чѣмъ больше мы приближаемся къ высокимъ стадіямъ развитія, въ особенности къ человѣческому развитію, тѣмъ больше общеніе имѣетъ характеръ произвольности. Съ другой стороны, на человѣческой стадіи развитія выраженіе непосредственнаго ощущенія уступаетъ первенство указанію на связанное съ нимъ представленіе. Представленіе, намѣренно передаваемое другому индивидууму, вызываетъ у этого послѣдняго рядъ новыхъ ассоціированныхъ представленій; эти новыя представленія, намѣренно передаваясь, обусловливаютъ собою отвѣтъ [1]). Языкъ знаковъ естественно возникаетъ на почвѣ сходныхъ двигательныхъ выраженій, связанныхъ съ опредѣленнымъ психическимъ содержаніемъ.

Въ жизни первобытнаго человѣка языкъ знаковъ играетъ большую роль. Тейлоръ свидѣтельствуетъ о значительномъ его распространеніи у первобытныхъ народовъ [2]). Въ генезисѣ языка и мысли Гейгеръ придаетъ большее значеніе зрительнымъ воспріятіямъ, нежели слуховымъ [3]). Роменсъ считаетъ, что въ тѣ отдаленныя эпохи, когда языкъ словъ едва только возни-

---

[1]) Wundt Völkersych. B. I S. 134.

[2]) Тейлоръ. Исторія первобытнаго человѣчества.

[3]) Geiger, Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft, Stuttgardt 1868—72.

калъ, неразвитое слово совершенно не могло обойтись безъ помощи языка знаковъ [1]). Пользуясь онтогенетическимъ развитіемъ для иллюстраціи филогенетическаго, этотъ взглядъ можно подтвердить еще тѣмъ фактомъ, что дѣти легче и скорѣе научаются понимать знаки, нежели слова. Ассоціація между словомъ и обозначаемымъ имъ предметомъ воспринимается не сразу, а посредствомъ предшествующихъ ассоціацій между знакомъ и предметомъ и между знакомъ и словомъ [2]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ колоссальномъ значеніи, которое долженъ былъ имѣть языкъ знаковъ въ первобытной жизни. Хотя языкъ знаковъ почти повсюду въ значительной степени вытѣсненъ развитіемъ слова, но все же въ исключительныхъ условіяхъ онъ сохранился и до нашего времени. Такъ напр., развитой языкъ знаковъ существуетъ у неаполитанцевъ [3]). Очень развитъ этотъ способъ общенія у краснокожихъ индѣйцевъ [4]). Значительнаго развитія достигаетъ онъ также у современныхъ арабовъ [5]). Характерную особенность языка знаковъ составляетъ его болѣе или менѣе непосредственная связь съ конкретнымъ представленіемъ, почти исключающая передачу абстрактнаго понятія. Живая связь знаковъ съ конкретными представленіями обусловливаетъ взаимное пониманіе людей различныхъ національностей и сравнительно малую измѣняемость въ различныя историческія эпохи. Индѣйцы различныхъ

---

[1]) Романесъ. Духовная эволюція человѣка, Библіот. самообр. XXXIII стр. 182—186; 595 и слѣд. ср. Wundt Völkerpsych. Гл. II.

[2]) Wundt op. cit. гл. о дѣтскомъ языкѣ Романесъ, о значеніи жестовъ въ языкѣ дѣтей op. cit. 315—317.

[3]) Andrea de Jorio La mimica degli antichi investigata nel gestire neapolitano 1832.

[4]) G. Mallery Signe Laguage among North America Indians First annuel Report of the Bureau of Ethnology Smittsonian Institution 1879—80.

[5]) Goldzieher Über Gebärden und Zeichensprache bei den Araben. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft XVI.

племенъ, нарѣчія которыхъ отличаются крайнимъ разнообразіемъ, легко понимаютъ другъ друга при помощи знаковъ. Индѣйцы, привозимые въ Европу, легче объясняются съ глухо-нѣмыми, привыкшими говорить знаками [1]). Даже мы, культурные европейцы, пользуемся знаками, чтобы объясниться въ чужой странѣ, когда не знаемъ языка. Знаки античнаго міра сравнительно мало измѣнились въ языкѣ современныхъ неаполитанцевъ [2]). Понятно, тамъ, гдѣ языкъ знаковъ сохранился до настоящаго времени, на него вліяло развитіе слова. Но самыя условія, при которыхъ языкъ знаковъ сохранился, въ значительной степени были исключительными, ибо слово, какъ болѣе легкій и удобный способъ общенія, должно было его вытѣснить.

Слово по своему происхожденію есть ни что иное, какъ частный случай двигательнаго выраженія. Таковымъ, собственно, является первый зародышъ слова—крикъ. Двигательное выраженіе эмоціи, производя измѣненія въ процессѣ дыханія, опредѣляетъ между прочимъ и суженіе или расширеніе горловой щели. Отсюда характерный для каждой эмоціи—звукъ [3]). Условія развитой психической организаціи опредѣляютъ пользованіе разнообразными сочетаніями этихъ звуковъ для выраженія самыхъ разнообразныхъ представленій и отношеній между ними. Оба эти свойства физіологическое и психологическое въ своемъ сочетаніи даютъ человѣческую членораздѣльную рѣчь [4]).

Конечно, развитіе рѣчи совершенно неотдѣлимо отъ совмѣстной жизни. Элементарный, хотя бы стихійный, непроизвольный способъ общенія составляетъ ея необходимую предпосылку. Но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію вліяніе совмѣстной жизни на дальнѣйшее развитіе способовъ общенія. Главная полез-

---

[1]) Mallery op. cit. p. 320.

[2]) A. Jorio op. cit. ср. Wundt Völkerpsych. B. I. S. 151.

[3]) Wundt op. cit. S. 252.

[4]) ср. Романесъ op. cit. pass особенно резюме.

ность рѣчи заключается въ легкомъ и удобномъ общеніи. Поэтому рѣчь вырабатывалась тамъ, гдѣ это общеніе представлялось существенной необходимостью, т. е. въ совмѣстной жизни. Дальнѣйшее развитіе языка, конечно, зависитъ отъ общихъ условій развитія всей психической жизни. Основная роль языка въ соціальной психологіи, какъ способа передачи переживаній, какъ мѣры ощущеній и импульсовъ [1]), по удачному замѣчанію Тарда, необходимо связываетъ развитіе языка съ дальнѣйшимъ развитіемъ психологіи человѣка. Языкъ слова, какъ и языкъ знаковъ, возникаетъ тамъ, гдѣ есть сходство въ психофизической организаціи. Подобно всѣмъ двигательнымъ выраженіямъ, [2]) издаваемый звукъ подходитъ подъ общій законъ приспособительной реакціи.

Въ современной біологіи считается трюизмомъ тѣснѣйшая связь выполняемой функціи съ структурой органа. Здѣсь существуетъ полная взаимная зависимость: функція съ теченіемъ времени развиваетъ или измѣняетъ органъ; съ другой стороны, структура органа опредѣляетъ непосредственное функціональное отправленіе. Отсюда вытекаетъ, что сходныя функціи двухъ или нѣсколькихъ организмовъ тѣсно связаны со сходствомъ ихъ структуръ. Другими словами, тождественныя двигательныя выраженія бываютъ только у животныхъ одного вида. Мы видѣли, что сходство двигательныхъ выраженій, связанныхъ съ опредѣленнымъ психическимъ содержаніемъ, составляетъ основное, необходимое условіе подражанія. Съ логической неизбѣжностью приходимъ мы къ тому выводу, что подражаніе наиболѣе легко и естественно возникаетъ у животныхъ одного вида.

Тѣми же предѣлами вида ограничивается и по-

---

[1]) Tarde. Logique sociale p. 91.

[2]) Звукъ какъ двигат. выраж. см. Wundt Völkerpsych. B. I 248; см. также Steinthal, Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. S. 376 и Urspruns der Sprache S. 368.

лезность подражанія: на низшихъ стадіяхъ полезность подражанія сводится къ тому, что подражательный импульсъ, присоединяясь къ основному, усиливаетъ приспособительную реакцію. Понятно, что здѣсь подражаніе можетъ быть полезнымъ лишь постольку, поскольку подражательный импульсъ тождественъ съ основнымъ, т. е. лишь подъ условіемъ сходства организмовъ.

На болѣе высокихъ стадіяхъ подражаніе передаетъ всѣ приспособленности и навыки, пріобрѣтенные другими особями въ теченіе индивидуальнаго развитія. Само собою понятно, что приспособленія, оказавшіяся полезными для особи, впервые ихъ достигшей, окажутся столь же полезными для другихъ особей лишь въ томъ случаѣ, если онѣ обладаютъ сходной структурой и функціями, имѣютъ, слѣдовательно, сходныя потребности и ведутъ одинаковый образъ жизни. Эти новые навыки, пріобрѣтаемые особями, представляютъ, обыкновенно, новое, болѣе или менѣе удачное примѣненіе особенностей ихъ организацій. Поэтому подражаніе имъ будетъ полезно и возможно только для индивидуумовъ, обладающихъ тѣми же особенностями организма. Другими словами, высшія формы подражанія полезны также лишь въ предѣлахъ вида. А такъ какъ полезность совмѣстной жизни неразрывно связана съ полезностью подражанія, то и совмѣстная жизнь естественно возникаетъ только среди особей одного вида. Это именно и есть та совмѣстная жизнь животныхъ одного вида, которую мы знаемъ на самыхъ разнообразныхъ стадіяхъ зоологическаго развитія.

Итакъ, совмѣстная жизнь совершенно естественно развивается въ теченіе эволюціи видовъ. Основное условіе ея возникновенія есть полезность подражанія и его біологическая предпосылка сходства особей [1]).

---

[1]) Лишь частный случай этого закона представляетъ пользовавшаяся столь усиленнымъ, пожалуй, даже незаслуженнымъ вниманіемъ въ литературѣ, совмѣстная оборона жи-

Совмѣстная жизнь, оказавшись полезной для индивидуума и вида, должна была развиваться и укрѣпляться въ теченіе эволюціи. Апогеемъ ея развитія является сложная кооперація человѣческихъ обществъ. Біологія указываетъ намъ естественную почву ея возникновенія и развитія. Проникнуть въ сущность, уловить основной принципъ и всѣ особенности развитой соціальной кооперації—составляетъ задачу соціологической доктрины.

вотныхъ одного вида. Поскольку нападающая особь или группа принадлежитъ къ другому виду, мы несомнѣнно имѣемъ здѣсь одинъ изъ случаевъ самопроизвольнаго возникновенія кооперації: совмѣстная оборона нѣсколькихъ особей вполнѣ объясняется естественнымъ подражаніемъ сходному обороняющемуся индивидууму. Уже по общимъ законамъ полезности подражанія (см. выше стр. 20) такая совмѣстная оборона должна была быть упрочена естественнымъ отборомъ; но кромѣ того, здѣсь прибавляется еще филогенетическая полезность обороны нѣсколькихъ, по простой ариѳметикѣ, болѣе сильной, нежели оборона одного. Что же касается совмѣстной обороны противъ нападающихъ особей своего вида, то очевидно, что въ данномъ случаѣ однѣ біологическія предпосылки совершенно не могутъ опредѣлить какой изъ двухъ особей—нападающей или обороняющейся—будутъ подражать остальныя особи того же вида. Если не происходитъ общей свалки, если наблюдается какая бы то ни была правильность стадной группировки, то это должно имѣть свои основы не въ сходствѣ структуры и функцій, а въ предшествующей совмѣстной жизни, другими словами, не въ видѣ, а въ стадѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Природа соціальной связи.

Общеніе и общественность. Теоріи Тарда и Болдуина о соціальной связи. Адэкватность этихъ теорій лишь болѣе широкому факту общенія и необходимость ограничительнаго признака для общественности. Процессъ общенія въ его трехъ стадіяхъ. Непригодность проэктивной и субъективной стадій, для характеристики общественности; исключеніе всѣхъ стадій кромѣ эективной. Необходимость фактическаго подтвержденія эективаціи для ея соціальнаго значенія. Эективація подражательно пріобрѣтеннаго содержанія сознанія, какъ теоретическая природа соціальной связи. Субъективный корреллатъ соціальности—групповое сознаніе. Теорія Гиддингса и ея неадэкватность; императивный характеръ, какъ необходимая черта группового сознанія. Природа императива и соціальныя условія его возникновенія. Структура общества; пересѣкающіеся и концентрическіе круги соціальности. Эмпирическій характеръ закона соціальной структуры у Тарда.

Въ предыдущей главѣ мы уже видѣли тѣ основанія, по которымъ всякая теорія общественности должна начинать съ изслѣдованія общенія [1]). Но было бы ошибкой думать, что объяснивъ процессъ общенія, мы тѣмъ самымъ имѣли бы готовое исчерпывающее объясненіе природы общественности. Подражательное общеніе составляетъ необходимую почву общественности,

[1]) См. выше стр. 16.

но обнимаетъ сферу гораздо болѣе широкую. Уже было упомянуто, что біологически подражаніе неизбѣжно возникаетъ между особями, обладающими сходными структурами и функціями. Поскольку организмы обладаютъ одинаковыми потребностями и одинаковыми способами ихъ удовлетворенія, поскольку функціональный отборъ вырабатываетъ однѣ и тѣ же реакціи— постольку неминуемо создается почва для подражанія.

Такимъ образомъ, подражательное общеніе во всемъ его объемѣ есть чисто біологическій фактъ, непосредственно вытекающій изъ общихъ законовъ жизни и непосредственно управляемый этими законами. Уже по одному этому можно съ логической неизбѣжностью сказать, что онъ долженъ быть шире, нежели сфера соціальности. Къ тому-же выводу можно прійти и эмпирическимъ путемъ. Мы увидимъ ниже, что до извѣстной степени правильна точка зрѣнія проф. Гиддингса, считающаго показателемъ наличности соціальныхъ отношеній „групповое сознаніе“ [1]) (consiousness of kind, of espece, conscience de l'espece). Между тѣмъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что подражаніе можетъ происходить въ столь широкихъ предѣлахъ, въ которыхъ никакого группового сознанія констатировать нельзя. Подраженіе между людьми низшихъ ступеней культуры, принадлежащихъ къ разнымъ народамъ и расамъ, подражаніе между человѣкомъ и обезьяной или даже другими животными и т. п. факты служатъ наглядным подтвержденіемъ этого положенія. А если подражательное общеніе возможно безъ группового сознанія, то, слѣдовательно, происходитъ въ сферѣ болѣе широкой, нежели сфера общественности.

Уже изъ одного этого съ неизбѣжностью слѣдуетъ, что теоріи, кладующія въ основу своего постро-

[1]) Giddings Principes de sociologie p. 16. Насколько Гиддингсъ объяснилъ сущность этой связи—вопросъ другой; но ея симптоматическое значеніе въ сознаніи личности (см. VI гл.) едва ли можно отрицать.

енія подражаніе во всемъ его объемѣ, не могутъ дать адэкватнаго объясненія соціальности. И дѣйствительно, ни въ воззрѣніяхъ Тарда, ни въ воззрѣніяхъ Болдуина мы такой адэкватной соціальной доктрины не найдемъ. По мнѣнію Тарда [1]), вся соціальная жизнь сводится къ подражанію. Новое индивидуальное переживаніе, которое Тардъ называетъ „изобрѣтеніемъ“ (invention), возникаетъ путемъ соединенія въ мозгу изобрѣтателя двухъ или нѣсколькихъ предшествовавшихъ подражаній. Въ изобрѣтеніи Тардъ различаетъ два психологическихъ элемента, двѣ главныя психическія силы, лежащія въ его основѣ: вѣрованіе (croyance) и желаніе (désir). Они то именно и распространяются путемъ подражанія. Сходныя вѣрованія и желанія различныхъ индивидуумовъ, сталкиваясь, усиливаются въ каждомъ индивидуальномъ сознаніи и пріобрѣтаютъ ту силу и сплоченность, которыя наблюдаются въ соціальной жизни; наоборотъ, столкновенія противорѣчащихъ вѣрованій и желаній двухъ или многихъ индивидуумовъ соотвѣтственно ослабляютъ другъ друга. Подражаніе есть, такимъ образомъ, тотъ основной факторъ, который уравниваетъ содержаніе индивидуальныхъ сознаній.

Легко замѣтить, что въ этой блестящей, столь же глубокой, сколько остроумной теоріи еще совершенно не дано рѣшеніе вопроса о природѣ общественности. Роль подражанія, какъ уравнивающаго психологическаго фактора, неизбѣжно вытекаетъ изъ его біологической основы и потому не можетъ служить критеріемъ для видовыхъ отличій подражанія, происходящаго въ соціальной группѣ. Логическая предпосылка теоріи Тарда, какъ и всей психологической школы въ современной соціологіи, именно роль общенія, какъ основного момента соціальности, уже заключаетъ въ себѣ

[1]) Тардъ. Законы подражанія pass. Logique sociale 2 изд. Paris 1898 pass., особенно стр. 19—22.

уравнивающее значеніе подражанія, какъ данное. Знаменитая тардовская „ариѳметика вѣрованій и желаній“ также не выходитъ изъ предѣловъ общаго біологическаго ученія о подражаніи. Всѣ эти сложенія и вычитанія вполнѣ объясняются вліяніемъ подражательнаго импульса на моторные разряды. Особенно ясно это можно видѣть въ явленіяхъ толпы, гдѣ сложенія и вычитанія сказываются съ наибольшей интенсивностью. Единственное явленіе въ этой ариѳметикѣ, которое не всецѣло сводится къ біологической основѣ, то, что усиленіе и ослабленіе вѣрованій и желаній происходятъ (напр., черезъ печать) и безъ прямого контакта между индивидуумами, дающаго возможность непосредственно воспринять чужой моторный разрядъ. Тардъ этого явленія совершенно не объясняетъ, и съ точки зрѣнія его теоріи, оно едва ли можетъ быть объяснено. Тардъ только констатируетъ, что „эта связь—присущее имъ всѣмъ единство убѣжденія или страсти, сознаніе того, что такая то идея, такое то чувство общи имъ всѣмъ“ [1]) и только принимаетъ связь, какъ данную, но даже не пытается объяснить ея природу и возникновеніе. Оно и неудивительно. Связь эта составляетъ специфическое явленіе общественности. Въ той своей формѣ связи безъ контакта, которая возникаетъ только въ обществѣ и является, какъ мы видимъ, внѣшнимъ признакомъ общественности, она естественно базируетъ на уже предполагаемомъ понятіи общества и можетъ быть объяснена только изъ адэкватной теоріи общества. Широкое понятіе „подражанія“, которое Тардъ и въ этомъ вопросѣ совершенно не дифференцируетъ, такой адэкватной теоріи не даетъ.

Тардъ нѣсколько разъ подступаетъ къ вопросу о природѣ общественности. Въ „Законахъ подражанія“ Тардъ то опредѣляетъ соціальную группу, какъ „Собраніе существъ, поскольку они готовы подражать другъ

[1]) Тардъ. Соціальные этюды. Петербургъ, 1902 стр. 84.

другу или поскольку они, не подражая другъ другу теперь, походятъ другъ на друга"; [1]) то онъ провозглашаетъ, что „общество это—подражаніе"; [2]) то онъ полагаетъ, что изобрѣтеніе и подражаніе составляютъ лишь основной процессъ общественности, ставитъ вопросъ: „въ чемъ состоитъ та субстанція, выраженіемъ которой является этотъ процессъ?" и считаетъ такой субстанціей вѣрованія и желанія [3]).

Эти воззрѣнія природы общественности совершенно не опредѣляютъ. Тардовское опредѣленіе соціальной группы столь расплывчато, что совершенно сливается съ біологическими предѣлами подражанія; Тардъ, повидимому, самъ чувствовалъ, что природа общества не опредѣляетъ, и замѣчаетъ, что онъ имѣлъ въ виду socialitas, а не societas. Но въ такомъ случаѣ ни о какой соціальной группѣ говорить не приходится: socialitas есть способность къ общественности, потенціальная возможность общества, но не его реальное осуществленіе, и поэтому опредѣляетъ почву возникновенія, а не природу общественности. Далѣе, опредѣленіе общества, какъ реально происходящаго подражанія, страдаетъ прежде всего неполнотой. Это сознавалъ самъ Тардъ и счелъ нужнымъ ввести понятіе субстанціи общества—вѣрованія и желанія. Но и съ этой оговоркой ограничительный характеръ опредѣленій остается у Тарда недостигнутымъ. Самый фактъ вѣрованія и желанія, въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ онъ ихъ понимаетъ, именно, въ качествѣ основныхъ феноменовъ познавательнаго и волевого процесса, едва-ли не сливается съ общими предѣлами жизни. Во всякомъ случаѣ, если существуетъ еще споръ относительно низшихъ организмовъ, то на болѣе высокихъ стадіяхъ біологической организаціи біологическая необходимость этихъ основныхъ феноменовъ познавательнаго и волевого процесса не подлежитъ со-

---

[1]) Тардъ. Законы подражанія, Петербургъ 1892 стр. 68.
[2]) Ibid стр. 74.
[3]) Ibid. стр. 149—151.

мнѣнію. Самъ Тардъ неоднократно признаетъ, что корни фактовъ вѣрованія и желанія лежатъ въ біологіи. Если они такимъ образомъ совпадаютъ съ проявленіями жизни или, по крайней мѣрѣ, ея высшихъ формъ, то становится неяснымъ, гдѣ же тотъ признакъ, который ограничиваетъ соціальную субстанцію, выдѣляетъ соціальный моментъ изъ общаго біологическаго? Во всей теоріи Тарда мы не найдемъ отвѣта на этотъ вопросъ. Его нельзя восполнить и изъ общаго смысла теоріи. Основной моментъ въ теоріи Тарда, тотъ моментъ, которымъ онъ характеризуетъ общество—подражаніе, ничего не даетъ для даннаго вопроса. Нельзя считать соціальнымъ признакомъ ни потенціальную способность даннаго вѣрованія или желанія къ подражательному распространенію, ни фактическое его распространеніе въ данной средѣ. Первый признакъ неудовлетворителенъ потому, что къ подражательному распространенію способны въ принципѣ всѣ вѣрованія и всѣ желанія, какъ это съ обстоятельной мотивировкой признаетъ и самъ Тардъ.[1]) Что-же касается второго признака, то понятіе вѣрованія и желанія, „распространеннаго въ средѣ“, является настолько неопредѣленнымъ и субъективнымъ, что не можетъ дать серьезной грани; не говоря уже о томъ, что это понятіе чисто эмпирическое, а не теоретическое. Тѣмъ болѣе нельзя приписывать Тарду такой точки зрѣнія, что онъ самъ вполнѣ опредѣленно отказывается отъ этого требованія и считаетъ существеннымъ, именно согласіе и *разногласіе* вѣрованій, взаимно укрѣпляемыхъ и *взаимно-ограничиваемыхъ*[2]), именно, согласіе и *разногласіе* желаній и потребностей“. „Согласіе между собою потребностей и идей“ Тардъ относитъ не къ природѣ соціальной группы, а къ соціальному типу, и спеціально оговариваетъ, что „необ-

---

[1]) Ibid. loc. cit. также Opposition universelle Paris 1897 p. 165—181.

[2]) Тардъ. Законы подражанія стр. 150.

ходимо ясно отличать соціальную группу отъ соціальнаго типа". [1]) Очевидно, только этотъ конкретный соціальный типъ и опредѣляется черезъ извѣстныя комбинаціи вѣрованій и желаній. Что-же касается теоретической природы самой соціальной группы, то ее въ теоріи Тарда найти нельзя.

Приблизительно тѣ же возраженія можно привести противъ сходной со взглядами Тарда теоріей Болдуина [2]). Основное ихъ различіе сводится къ тому, что Болдуинъ, пользуясь не историческимъ методомъ, какъ Тардъ, а психологическимъ, конструируетъ весь подражательный процессъ на основномъ фактѣ человѣческой психологіи сознающей себя мысли, вторичнымъ слѣдствіемъ которой являются вѣрованія и желанія [3]). „Матеріей общества" мысль становится не при самомъ своемъ возникновеніи, а лишь тогда, когда „общество, т. е. другіе члены соціальной группы или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ ее думаютъ, ее знаютъ, поставлены о ней въ извѣстность" [4]). Это тотъ же эмпирическій признакъ „распространенности въ обществѣ", которымъ грѣшитъ теорія Тарда. Впрочемъ, Болдуинъ пытается прибавить къ этому эмпирическому признаку и теоретическій. Сознаніе себя образуется, по мнѣнію Болдуина, главнымъ образомъ, изъ элементовъ, воспринятыхъ отъ окружающихъ личностей, среди которыхъ однимъ изъ ингредіентовъ являются и отношенія личностей между собою. Преломляясь сквозь субъективное сознаніе, взаимоотношенія людей даютъ индивидууму возможность смотрѣть на самого себя, съ точки зрѣнія всякаго другого члена среды, абстрагируя отъ тождества оцѣнивающей и оцѣниваемой личности. Только

---

[1]) Ibid. стр. 68.

[2]) Baldwin. Interpretation sociale et morale des principes du developpement mental pass.

[3]) Ibid. pass. особенно стр. 483.

[4]) Ibid. стр. 482.

мысль, обладающая этимъ „публичнымъ“ моментомъ, является мыслью соціальной [1]).

Что же представляетъ изъ себя этотъ элементъ публичности? Въ изслѣдованіяхъ Болдуина объ онтогенетическомъ развитіи личности самымъ подробнымъ образомъ описывается вліяніе мнѣнія другихъ членовъ среды на наши нравственныя сужденія. Тонко подмѣчено, какъ мы сами себя начинаемъ иначе оцѣнивать подъ вліяніемъ похвалъ или порицаній, которыя мы слышимъ отъ окружающихъ. Правильно указано, что постоянное общеніе съ окружающими оживляетъ это сознаніе „публичности“ и, наоборотъ, сравнительная изолированность способствуетъ ослабленію этого чувства. Всѣ эти факты представляютъ тонкое наблюденіе опытнаго ученаго. Но все это эмпирическіе факты. Когда же мы подходимъ къ теоретической природѣ „публичности“, то мы видимъ одно только основаніе, которымъ Болдуинъ пытается ее объяснить: субъективное сознаніе своего „я“ складывается, главнымъ образомъ, изъ элементовъ, воспринимаемыхъ подражательно отъ другихъ „я“ окружающей среды; отсюда возникаетъ общее абстрактное понятіе о членѣ данной среды. Съ этимъ понятіемъ Болдуинъ и связываетъ чувство „публичности [2]). Но это совершенно не объясняетъ именно основныхъ свойствъ природы этого сознанія. Сознаніе публичности“ не исчерпывается однимъ представленіемъ о сходствѣ: оно заключаетъ въ себѣ моментъ обязательности. Именно, этотъ моментъ составляетъ основную характерную черту сознанія публичности и отличаетъ его отъ простого наблюденія; и самъ Болдуинъ признаетъ это, приписывая сознанію публичности моральный характеръ. Эта характерная черта не можетъ быть выведена въ свою очередь изъ одного только наблюденія сходства. Сходство особей, какъ явленіе біологическое, можетъ

---

[1]) Ibid. стр. 489—494.

[2]) Ibid. p. 306—314, 485 suiv., 493 suiv.

вызвать только стихійный подражательный импульсъ, но абсолютно не имѣетъ отношенія къ сужденію объ обязательности подражанія. Европеецъ никогда не станетъ оцѣнивать свою личность съ точки зрѣнія тѣхъ негрскихъ племенъ, среди которыхъ ему приходится путешествовать; если онъ наблюдаетъ и изслѣдуетъ ихъ нравы, то исключительно изъ этнографическаго интереса. Именно, такимъ этнографическимъ интересомъ ограничивались бы мы въ отношеніи къ себѣ подобнымъ, если бы не какая то иная связь, помимо одного только сходства. Въ чемъ же сущность этой связи и какимъ образомъ характеръ обязательности изъ нея вытекаетъ? Второй изъ этихъ вопросовъ, какъ легко замѣтить, зависитъ отъ перваго: нельзя выяснить слѣдствій связи, не выяснивъ ея природы. Но здѣсь мы опять возвращаемся къ начальному вопросу. Мы видѣли, что сходство внѣ-общественное никакой обязательной связи не создаетъ; такимъ образомъ, если и можно усмотрѣть такую связь въ сходствѣ соціальномъ, то она лежитъ именно во второмъ присоединяющемся моментѣ, въ его соціальной природѣ. Пытаясь объяснить публичность соціальнымъ сходствомъ, мы при этомъ implicite предполагаемъ природу общества уже объясненной, и обязательную силу сознанія публичности вытекающей изъ этой природы. А принимая моментъ публичности за критерій „соціальной матеріи", долженствующей опредѣлить природу общества, мы впали-бы въ ошибку, которую логика называетъ: idem peridem.

Характеръ обязательности, который составляетъ основную черту сознанія публичности, совершенно не объяснимъ помимо соціальныхъ отношеній. [1]) Очевидно,

---

[1]) Какъ признаетъ самъ Болдуинъ (Ibid. p. 486), соціальныя отношенія развивающейся личности и окружающей ее психологической среды входятъ непосредственнымъ ингредіентомъ въ сознаніе своего „я". Эти отношенія абстрагируются отъ конкретныхъ личностей и преломляются въ субъективномъ сознаніи моментомъ публичности.

субъективное „сознаніе публичности“ должно имѣть исходнымъ моментомъ природу соціальныхъ отношеній. Соціальныя отношенія, преломляясь сквозь индивидуальное сознаніе, и даютъ тотъ субъективный корреллатъ, который мы называемъ „моментомъ публичности“. Настоящій причинный рядъ идетъ отъ объективнаго факта соціальныхъ отношеній, черезъ призму индивидуальнаго сознанія къ субъективному корреллату этихъ отношеній, сознанію публичности. Нельзя отрицать нѣкоторыхъ методологическихъ основаній, начинать съ эмпирическаго обозначенія сознанія публичности. Генетическаго процесса образованія общества историческія науки намъ не даютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ психологіи *соціальной* личности долженъ быть сильный отпечатокъ соціальныхъ отношеній. Поэтому изслѣдованіе содержанія субъективнаго сознанія и отысканіе субъективнаго корреллата соціальности можетъ дать нѣкоторыя наводящія указанія по вопросу объ ихъ объективной природѣ отношеній. По существу этотъ методъ изслѣдованія содержанія субъективнаго сознанія, съ цѣлью найти какія-либо указанія относительно объективнаго факта, имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ, который подробно разработанъ де-Роберти и названъ имъ „обратно телеологическимъ.“ [1]) Но при этомъ нужно постоянно имѣть въ виду, что исходнымъ пунктомъ для такого изслѣдованія служитъ конечный моментъ причиннаго ряда, и весь путь изученія направленъ отъ конца къ началу. Поэтому причинный рядъ въ непосредственномъ видѣ получается въ обратномъ порядкѣ и при окончательномъ выводѣ его необходимо возстановить. Болдуинъ, избирая, какъ методъ, путь онтогенетическаго развитія, неминуемо долженъ былъ начать съ изслѣдованія содержанія субъективнаго сознанія и обозначить субъективный корреллатъ соціаль-

---

[1]) Де-Роберти. Новая постановка основныхъ вопросовъ соціологіи стр. 76—7 л. III и стр. 266—268.

ныхъ отношеній. Но примѣняя затѣмъ данныя, добытыя изъ онтогенетическаго развитія къ филогенезису, въ ихъ непосредственномъ видѣ, мы получимъ причинный рядъ въ обратномъ порядкѣ. Это и замѣчается въ попыткѣ опредѣлить „соціальную матерію“ моментомъ публичности.

Третьимъ недостаткомъ въ предложенномъ Болдуиномъ критеріи является его крайняя неопредѣленность. По Болдуину, „матерію соціальной организаціи“ составютъ лишь тѣ мысли, которыя отмѣчены печатью сознанія публичности; сознаніе же публичности непосредственно вытекаетъ изъ соціальныхъ отношеній, вошедшихъ ингредіентомъ въ субъективное сознаніе своего „я“. Далеко не всѣ мысли, по мнѣнію Болдуина, подпадаютъ подъ дѣйствіе сознанія публичности. Мысли, продуманныя съ точки зрѣнія частной, не входятъ въ „матерію соціальной организаціи“. Этотъ пунктъ представляется неопредѣленнымъ до послѣдней крайности. Всякая мысль имѣетъ однимъ изъ своихъ основныхъ элементовъ субъективное сознаніе своего „я“. Это именно тотъ элементъ, который отличаетъ мысль отъ простого воспріятія. Субъективное же сознаніе своего „я“, понимаемое не исключительно въ смыслѣ ощущенія физическаго существованія, а въ смыслѣ сознанія, включающаго и элементы духовнаго развитія, [1]) является синтезомъ всѣхъ воспринятыхъ знаній и всѣхъ переживаній. Поэтому каждое новое свѣдѣніе, каждая новая конкретная комбинація, доступная индивидуальному сознанію, вызываетъ измѣненія въ сознаніи своей личности. Но сознаніе своего „я“, какъ мы уже неоднократно видѣли, неразрывно связано съ воспринимаемыми соціальными отношеніями, и въ частности, съ отношеніями своего „я“ къ окружающимъ. Всякая новая мысль, всякое новое измѣненіе въ своемъ „я“, вызываетъ соотвѣтственныя измѣненія и въ отношеніяхъ

[1]) Какъ Болдуинъ доказываетъ очень подробно Ibid. pass.

съ окружающими. Это особенно наглядно можно видѣть на примѣрѣ дѣтей, у которыхъ духовный ростъ своего „я“ и измѣненіе отношеній къ окружающей психологической средѣ идутъ параллельно. Такъ какъ сознаніе публичности складывается изъ отношеній своего „я“ съ окружающими и этихъ окружающихъ между собой, то всѣ измѣненія въ субъективномъ сознаніи должны отразиться и въ сознаніи публичности. Съ этой точки зрѣнія, всякая мысль, всякое дѣйствіе можетъ подлежать публичной оцѣнкѣ. Одно сознаніе о воспрещенности или не воспрещенности даннаго дѣйствія правомъ, о предосудительности или не предосудительности данной мысли со стороны морали—одно это сознаніе, связанное со всякимъ проявленіемъ личности, уже доказываетъ, что въ принципѣ публичная оцѣнка примѣнима ко всякому дѣйствію, ко всякой мысли. Поэтому можно говорить только о степени, въ которой каждая данная мысль санкціонируется сознаніемъ публичности, но врядъ ли правильно выдѣлять особую категорію мыслей, отмѣченныхъ этимъ сознаніемъ. Мысль совершенно не затрагиваетъ сознанія публичности, только въ тѣхъ случаяхъ, когда по какимъ либо причинамъ, это сознаніе вообще атрофировано у индивидуума. Но здѣсь мы уже имѣемъ, съ соціальной точки зрѣнія, патологическое явленіе. Такимъ образомъ, выдѣленіе изъ общей массы особой рубрики мыслей, отмѣченныхъ признакомъ публичности, врядъ ли представляетъ реальную грань.

Остается одинъ только эмпирическій признакъ „соціальной мысли“. Какъ говоритъ Болдуинъ, „при ихъ (мыслей) возникновеніи ихъ нельзя назвать „соціальной матеріей“ потому, что онѣ свойственны индивидууму. Онѣ становятся соціальными лишь тогда, когда общество, т. е. другіе члены соціальной группы или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ ее думаютъ, ее знаютъ, поставлены о ней въ извѣстность. Этотъ признакъ по существу своему чрезвычайно туманный. Во

первыхъ, понятіе общества въ немъ берется, какъ нѣчто данное, совершенно не объясняя его природы. Если же исключить это апріорное понятіе общества, то возникаютъ большія затрудненія. Какимъ критеріемъ опредѣлять мысль, какъ „соціальную матерію“? Количественнымъ критеріемъ, числомъ индивидуумовъ, подражающихъ данной мысли? Такой критерій многочисленности былъ бы крайне субъективнымъ и произвольнымъ, да и приписывать подобную идею Болдуину совершенно нѣтъ основаній. Болдуинъ вполнѣ опредѣленно говоритъ, что если только нѣкоторые индивидуумы подражаютъ данной мысли, то этимъ самымъ она уже становится соціальной. Повидимому, моментъ превращенія мысли изъ индивидуальной въ соціальную надо искать въ самомъ фактѣ перехода мысли изъ одного сознанія въ другое. Но тогда естественно возникаетъ вопросъ: какіе же новые признаки прибавились къ этой мысли? Почему мысль индивидуальная, пока ее думалъ одинъ человѣкъ, вдругъ становится соціальной, какъ только ее воспринимаетъ также другой индивидуумъ? На этотъ вопросъ, мы у Болдуина отвѣта не найдемъ. Да и легко видѣть почему: вопросъ о вліяніи каждаго новаго ингредіента на взаимоотношеніе сознаній непосредственно затрагиваетъ природу общества, самую сущность соціальной связи. А природы общества, теорія Болдуина не даетъ.

Слѣдствіемъ этого является исключительно эмпирическое изслѣдованіе основныхъ явленій соціальной жизни, какъ, напр., традиція, общественное мнѣніе. Къ факту традиціи Болдуинъ подходитъ съ совершенно эмпирической точки зрѣнія: всѣ индивидуумы рождены, чтобы обучаться одному и тому же [1]). Болдуинъ доказываетъ это положеніе фактомъ исключенія изъ общественной среды людей, не поддающихся этому общеобязательному обученію и ссылается на самое существованіе традиціи и общества, какъ на доказа-

[1]) Ibid. p. 71, 74 suiv.

тельство его непреложности. Эта точка зрѣнія явно эмпирическая. Другой вопросъ, общественнаго мнѣнія „соціальнаго сужденія“, какъ его называетъ Болдуинъ, изложенъ чрезвычайно кратко и нѣсколько туманно. Болдуинъ, предварительно изслѣдовавъ стадіи подражательнаго процесса, указавъ, какимъ образомъ личность воспринимаетъ матеріалы своего развитія изъ окружающей среды, по вопросу о соціальномъ сужденіи, ограничивается однимъ лишь краткимъ замѣчаніемъ, что взаимное вліяніе личностей и создаетъ соціальное сужденіе [1]). Но весь вопросъ тутъ заключается, именно, въ природѣ соціальнаго сужденія, почему оно имѣетъ такую силу, единство, сплоченность, что хотя и мыслится многими различными индивидуальными сознаніями, но мыслится ими до того сходно, что даетъ право говорить, какъ это дѣлаетъ самъ Болдуинъ, о единомъ, цѣльномъ, „соціальномъ“ сужденіи? Эта особенная природа соціальнаго сужденія подмѣчена исключительно эмпирически, какъ окончательный результатъ происходящаго въ обществѣ взаимодѣйствія индивидуальныхъ сознаній. Но совершенно не указано, какимъ процессомъ достигается это единеніе и почему, и въ какихъ размѣрахъ, по какимъ принципамъ окончательный результатъ долженъ сложиться именно въ сторону объединенія индивидуальныхъ сознаній.

Само собой понятно, что помимо природы общества, невозможно опредѣлить характеръ тѣхъ основаній, тѣхъ принциповъ дѣятельности, которые индивидуумъ заимствуетъ изъ окружающей его соціальной среды. Болдуинъ называетъ эти принципы „санкціями“, и опредѣляетъ „соціальныя санкціи“, какъ „мотивы дѣйствія, которыя индивидуумъ находитъ въ своей соціальной средѣ“ [2]). Эти „санкціи“ чрезвычайно тонко классифицированы, подробно описаны, но природа ихъ не дана и, главное, теоретически не объяснено

[1]) Ibid. p. 84.
[2]) Ibid. p. 397.

сознаніе обязательности, которое присуще соціальнымъ санкціямъ". Соціальныя санкціи, начиная съ религіозныхъ и нравственныхъ и кончая условно регулирующими мелкія приличія, сознаются индивидуумомъ, какъ непреложная обязанность поступать именно даннымъ опредѣленнымъ способомъ. Это сознаніе обязанности совершенно не объясняется съ точки зрѣнія теоріи Болдуина. Остается одинъ только эмпирическій фактъ, что, именно, такъ воспринимаетъ личность изъ своей соціальной среды нѣкоторые основные мотивы своей дѣятельности. Эмпирическая разработка всѣхъ этихъ фактовъ подчеркиваетъ съ особенной силой, что теорія Болдуина природы общества не даетъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что conditio sine qua non всякой соціальной жизни есть процессъ общенія. Но мы уже видѣли, что процессъ подражательнаго общенія въ полномъ своемъ объемѣ является слишкомъ широкимъ, охватываетъ и такіе случаи, которые къ соціальной жизни явно не относятся.

Ясно поэтому, что до построенія соціальной теоріи необходимо проанализировать процессъ общенія, чтобы найти въ немъ ту, именно, форму, тотъ именно моментъ, который адэкватенъ соціальности.

Въ процессѣ подражанія, какъ онъ проявляется у развивающейся личности, различаются три существенныхъ момента: моментъ пріобрѣтенія личностью свѣдѣній и свойствъ отъ окружающей психологической среды, или моментъ проэктивный; преломленіе этихъ пріобрѣтенныхъ знаній и свойствъ въ личномъ сознаніи, или субъективный моментъ; и, наконецъ, предположеніе этихъ субъективно преломленныхъ свойствъ и у окружающихъ личностей, или моментъ эективный [1]).

---

[1]) Подражательный процессъ чрезвычайно тонко изслѣдованъ Болдуиномъ. Interpretation sociale et morale des principes du developpement mental pass. особенно стр. 7—9, а также Духовное развитіе дѣтскаго индивид. и человѣч. рода ч. I. стр. 20, ч. II стр. 52—55.

Развитіе личности, начиная съ самаго нѣжнаго возраста, показываетъ ярко и опредѣленно способъ пріобрѣтенія свойствъ: это—подражаніе, которое на высшихъ стадіяхъ обученія переходитъ въ настойчивое сознательное подражаніе. Въ примѣненіи къ отношеніямъ между личностями проэктивный моментъ означаетъ фактъ воспріятія мысли отъ другого личнаго сознанія или что то же фактъ перехода содержанія одного сознанія въ другое сознаніе. Необходимой почвой, непосредственнымъ орудіемъ въ процессѣ подражанія у ребенка является его активное тѣлесное „я“. Замѣчено, напр., что маленькія дѣти научаются распознавать путемъ подражанія характеръ эмоціи по ея двигательному выраженію. Къ свойствамъ личности, воспринимать подражательно, очень скоро въ сознаніи ребенка присоединяется вся группа органическихъ ощущеній, ощущеніе удовольствія, боли, напряженія силы и т. д. Когда же ко всему этому прибавляется наиболѣе ранній изъ элементовъ хотѣнія,—чувство усилія, то этотъ элементъ сильно повышаетъ въ сознаніи ребенка чувство активности. Какъ только къ серіи подражательно воспринятыхъ свойствъ личности и къ группѣ органическихъ ощущеній присоединяется чувство усилія,—появляется у ребенка, хотя еще грубое, сознаніе своей личности, своего „я“. Въ теченіе дальнѣйшаго развитія къ первоначальнымъ ингредіентамъ личнаго самосознанія присоединяются еще другіе, которые представляютъ большей частью дальнѣйшія пріобрѣтенія, заимствованныя изъ окружающей психологической среды. Они дополняютъ и расширяютъ сознаніе своей личности. Самый интересный, самый крупный фактъ, основное явленіе сознательной жизни—это ея цѣльность, ея систематичность. Всѣ отдѣльныя знанія, воспріятія, переживанія систематизируются въ одинъ цѣльный синтезъ. Характеризуя личность, съ точки зрѣнія ея духовнаго развитія, мы скажемъ словами Болдуина: „The person is the whole of

organization of knowledge“ (личность есть цѣльная организація знаній) [1]). Индивидуальное сознаніе синтезируетъ всѣ пріобрѣтенныя знанія и приспособленности; этотъ синтезъ, осуществляемый съ извѣстной полнотой, самъ, въ свою очередь, отражается въ субъективномъ сознаніи и вызываетъ особое цѣльное, синтетическое сознаніе своей личности, своего „я“, съ извѣстной полнотой. Осуществленный синтезъ переживаній и субъективное отраженіе этого синтеза въ видѣ сознанія цѣльнаго, единаго „я“ характеризуетъ субъективный моментъ. Субъективное сознаніе своего „я“ есть наиболѣе постоянный элементъ въ процессѣ индивидуальнаго развитія и на всемъ его протяженіи даетъ Аріаднину нить.

Такимъ образомъ, переходъ отъ проэктивнаго момента къ субъективному совершается черезъ подражаніе, черезъ процессъ уравниванія сознаній, черезъ переходъ переживаній къ ребенку отъ окружающей его психологической среды. Ребенокъ постоянно ощущаетъ свое сходство въ переживаніяхъ со средой. Проэктивно воспринимаемые аттрибуты чужой личности онъ переноситъ на себя. Когда у ребенка появляется свое субъективное „я“, у него одновременно является и болѣе точное представленіе объ окружающихъ его личностяхъ: онъ переноситъ обратно на другихъ свойства своего „я“. Это происходитъ потому, что изъ всѣхъ личностей извѣстныхъ ребенку, онъ наиболѣе полно знаетъ свое „я“, вслѣдствіе чисто субъективнаго характера всей группы органическихъ ощущеній. Представленія о „себѣ“ и о „другомъ“, „я“ и „онъ“ появляются вмѣстѣ въ индивидуальномъ сознаніи. Свойства, приписываемыя своему „я“ и другому „я“ по существу одни и тѣ же. Для индивидуальнаго сознанія оба эти понятія „я“ и „онъ“ заполнены тождественнымъ содержаніемъ.

---

[1]) Developpement and Evolution p. 268. См. также о синтетичности самосознанія Höffding op. cit S. 171.

Критеріемъ для „я“ на всѣхъ стадіяхъ его развитія является „онъ“, свойства, воспринимаемыя у другихъ. Критеріемъ для „онъ“ является „я“, ибо „онъ“ мыслится, какъ другое „я“, аналогичное со своимъ субъективнымъ „я“. Исходнымъ пунктомъ этой аналогіи между другимъ и собой служитъ постоянно ощущаемая связь между переживаніями ребенка и окружающей его среды, подражательное воспріятіе свойствъ отъ окружающихъ его личностей. Это перенесеніе по аналогіи свойствъ „я“ на другого характеризуетъ третій, эективный моментъ. Проэктивный и эективный моменты представляютъ два полюса личнаго самосознанія. На проэктивномъ полюсѣ данный индивидуумъ воспринимаетъ свойства другихъ личностей, приспособляется къ окружающей психологической средѣ. Онъ пріобрѣтаетъ свойство другого „я“, критеріемъ для „я“ служитъ „онъ“. На эективномъ полюсѣ, наоборотъ, свое субъективное „я“ является для данной личности критеріемъ, примѣняемымъ къ другимъ личностямъ. „Я“ заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ свойства, которыя составляютъ аттрибуты личности, и всякая другая личность должна ихъ имѣть. Роли перемѣнились. Безпрестанное повтореніе этихъ моментовъ и постоянный переходъ „я“ отъ проэктивнаго къ эективному полюсу составляетъ общій законъ развитія личности. Сущность этого развитія состоитъ въ томъ, что ребенокъ, который обладаетъ очень малымъ количествомъ врожденныхъ приспособленностей, воспринимаетъ свойства и навыки изъ окружающей соціальной среды и становится ея вполнѣ развитымъ членомъ. Поэтому и процессъ общенія между ребенкомъ и его соціальной средой долженъ подчеркнуть съ особой силой тѣ процессы общенія, которые постоянно и непрерывно происходятъ въ обществѣ. Мы видѣли, что предпосылка соціальной связи лежитъ въ процессѣ подражательнаго общенія; но съ другой стороны, мы видѣли, что подражаніе во всемъ своемъ объемѣ, ограниченное только

біологическими рамками, захватываетъ область слишкомъ широкую. Чтобы подойти ближе къ природѣ соціальной связи, намъ не доставало какого то ограничивающаго условія. Посмотримъ теперь, не можетъ ли какая-либо изъ трехъ стадій подражательнаго процесса дать намъ это ограничивающее условіе. Возьмемъ первый, проэктивный моментъ.

Проэктивный моментъ по существу своему долженъ въ объемѣ равняться объему всего понятія подражанія. Мы называли „проэктивнымъ моментомъ“ подражательное воспріятіе чужого состоянія сознанія. Если этого перехода содержанія одного сознанія въ другое сознаніе не произойдетъ, то не будетъ и подражанія. Если же фактъ перехода имѣется, то подражаніе есть, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и проэктивный моментъ, характеризующій воспринимающее сознаніе. Объемъ проэктивнаго момента совершенно сливается съ полнымъ объемомъ подражанія. Оно и понятно: подражательный процессъ можетъ не дойти до своего логическаго конца, но первую стадію онъ неминуемо долженъ пройти, иначе начальнаго факта подражанія не будетъ. Поэтому искать въ проэктивномъ моментѣ ограничивающаго условія нельзя.

Второй моментъ, субъективный болѣе узокъ. Личное самосознаніе представляетъ единый синтезъ всѣхъ воспріятій и переживаній. Всякій вновь воспринимаемый элементъ долженъ найти свое мѣсто въ этой цѣльной организованной системѣ. Но далеко не всякій элементъ, преподносимый окружающимъ міромъ, можетъ его найти. Для того, чтобы быть пріобщеннымъ къ этому единому синтезу, вновь входящій элементъ не долженъ противорѣчить всей системѣ; иначе уже упрочившійся, утвердившійся синтезъ возьметъ верхъ и отброситъ ненужное, мѣшающее новшество. Критерій, выражающій цѣльный синтезъ личнаго самосознанія, такой критерій, которому подвергаются всѣ новые для сознанія элементы, имѣется у индивиду-

ума. Это критерій вѣры. Всѣ элементы, которые находятся въ согласіи съ уже осуществленнымъ синтезомъ, подвергаясь этому критерію, выдерживаютъ его. Они принимаются и отражаются въ субъективномъ сознаніи вѣрой. Противоположные элементы, противорѣчащіе общему синтезу, отвергаются и вызываютъ въ субъективномъ сознаніи отношеніе невѣрія. Европеецъ, присутствующій при колдовствѣ шамановъ, сознательно восприметъ внѣшніе факты, быть можетъ, въ силу стихійнаго подражательнаго импульса заразится настроеніемъ толпы, но онъ не повѣритъ во внутреннюю связь шамана съ духомъ. Слишкомъ это противорѣчитъ его личному самосознанію, утвердившемуся синтезу, всѣмъ упрочившимся элементамъ, входящимъ въ этотъ синтезъ. Субъективный моментъ обнимаетъ, такимъ образомъ, болѣе узкую область, нежели проэктивный моментъ. Но можетъ ли намъ дать субъективный моментъ, то ограничительное условіе, котораго мы ищемъ? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Субъективный моментъ по самому существу своему замыкается въ духовномъ мірѣ личности. Фактъ воспріятія содержанія сознанія отъ другихъ сознаній характеризуетъ проэктивный моментъ. Фактъ реакціи личности на окружающую ее психологическую среду выражается въ эектівномъ моментѣ, субъективный же моментъ даетъ только содержаніе субъективнаго сознанія, сознаніе своей личности. Всѣ субъективные корреллаты объективныхъ фактовъ нужно искать въ субъективномъ моментѣ. Но при анализѣ процесса общенія субъективный моментъ можетъ имѣть значеніе лишь постольку, поскольку онъ опредѣляетъ дальнѣйшее теченіе подражательнаго процесса.

Третій и послѣдній моментъ подражательнаго процесса есть эективный. Эективный моментъ представляетъ перенесеніе на другую личность тѣхъ личныхъ свойствъ, которыя преломились въ субъективномъ самосознаніи. Эективный моментъ по самому существу

своему заимствуетъ свое внутреннее содержаніе отъ субъективнаго. Поэтому содержаніе субъективнаго сознанія своего „я“ имѣетъ рѣшающее значеніе въ отношеніи эективаціи. Тѣ самыя личныя свойства, которыя мыслятся въ содержаніи своего „я“, переносятся и на другія личности. Эективный моментъ, получая свое содержаніе отъ субъективнаго, поэтому также болѣе узокъ, чѣмъ проэктивный. Съ другой стороны, эективный моментъ не замыкается въ личномъ самосознаніи, подобно субъективному, а представляетъ реакцію личности на окружающую ее психологическую среду. Поэтому ограничивающее условіе, заключающееся еще въ субъективномъ моментѣ въ третьей стадіи подражательнаго процесса въ эективаціи, уже непосредственно вліяетъ на самый процессъ общенія.

Легко видѣть, что эективація составляетъ необходимую основу совмѣстной дѣятельности. Всякая совмѣстная дѣятельность въ конечномъ итогѣ сводится также, какъ и изолированная, къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Вся разница между согласованной и несогласованной дѣятельностью состоитъ въ томъ, что при дѣятельности согласованной каждая личность разсчитываетъ на дѣйствія всѣхъ остальныхъ, какъ на ингредіентъ, какъ на слагающую силу въ отношеніи результатовъ собственныхъ дѣйствій. Ясно, что о такомъ разсчетѣ не могло бы быть и рѣчи, если бы дѣятельность другихъ лицъ представляла для насъ величину, абсолютно неизвѣстную, нѣчто совершенно темное, не поддающееся даже приблизительному опредѣленію, нѣчто такое, о чемъ наши догадки не имѣли бы за собой даже вѣроятности. Согласованіе дѣятельности, а слѣдовательно, и какія бы то ни было соціальныя отношенія возможны только въ томъ случаѣ, если каждый индивидуумъ имѣетъ хотя бы въ основныхъ чертахъ представленіе объ окружающихъ его личностяхъ. Для того, чтобы имѣть это представленіе, каждый инди-

видуумъ долженъ имѣть какой нибудь, хотя бы приблизительный критерій сознательной жизни и дѣятельности другихъ. Мы видѣли выше, что по общимъ законамъ подражательнаго процесса такимъ критеріемъ является его собственное „я“.

Съ генетической стороны возникновеніе эективаціи предполагаетъ процессъ перехода содержанія одного сознанія въ другое сознаніе, ощущеніе связи своихъ переживаній съ переживаніями другихъ индивидуумовъ; иначе не было бы почвы для представленія о сходствѣ своего субъективнаго сознанія съ другими „я“. Логически по своей природѣ эективный моментъ всецѣло опредѣляется субъективнымъ. Индивидуумъ, приписываетъ другимъ личностямъ мотивацію, сходную съ собою. Между тѣмъ, синтезъ личности, свое субъективное „я“, слагается изъ подражательно пріобрѣтеннаго содержанія сознанія. Этимъ подражательно пріобрѣтеннымъ содержаніемъ сознанія опредѣляется и мотивація. Врядъ ли приходится говорить о подражательныхъ моментахъ, заключающихся въ высшихъ формахъ мотиваціи. Высшая цѣлевая мотивація, утонченное удовлетвореніе своихъ желаній можетъ опредѣлиться только изъ всего синтеза личности [1]), уже по одному этому основана на подражательныхъ элементахъ, входящихъ въ субъективное сознаніе. Высшая причинная мотивація, императивы, какъ увидимъ дальше, также необходимо требуетъ субъективнаго сознанія своего „я“ и подражаній, входящихъ въ его составъ. Но не только эти высшія формы цѣлевой и причинной мотиваціи, даже стремленіе къ удовлетворенію низшихъ потребностей въ совмѣстной жизни сознающихъ себя личностей претерпѣваетъ измѣненіе, рефракцію со стороны субъективнаго самосознанія. Эта рефракція выражается въ элементѣ „вкуса“, „прихоти“,

---

[1]) Ср. Baldwin Interp. soci et. mor. des princ. du devel. ment. p. 354—385, 483.

который опредѣляетъ конкретный способъ удовлетворенія низшихъ потребностей въ данной средѣ, и этотъ способъ удовлетворенія имѣетъ подражательный характеръ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ вдаваться здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого интереснаго вопроса, и поневолѣ приходится ограничиться нѣсколькими краткими замѣчаніями.

Даже наиболѣе элементарныя потребности, вліяющія на дѣятельность человѣка въ совмѣстной жизни, слагаются изъ двухъ моментовъ: абстрактнаго потребность въ пищѣ вообще, какъ средство утоленія голода, жилища вообще, какъ прикрытія отъ перемѣнчивой погоды, и момента конкретнаго, тотъ или иной избираемый способъ для удовлетворенія. Оба момента въ своей совокупности и составляютъ конкретную потребность, непосредственно вліяющую на дѣятельность человѣка въ совмѣстной жизни. Біологическая природа человѣка опредѣляетъ только абстрактный моментъ, не предрѣшая конкретнаго способа удовлетворенія. А между тѣмъ, конкретный характеръ потребности зависитъ именно отъ способа удовлетворенія. Присматриваясь къ конкретнымъ способамъ удовлетворенія потребностей, приходится прежде всего отмѣтить общность, единообразіе, распространеніе въ средѣ. Способъ удовлетворенія потребности характеризуетъ больше среду, нежели индивидуума. Доказательствомъ этому служатъ явленія моды на извѣстные сорта пищи, устройство и расположеніе жилищъ, одежду, мебель, утварь и т. д. Вся наука археологія имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ характерность конкретной потребности для данной среды. Самый фактъ существованія міровыхъ рынковъ является для послѣдняго времени лучшей иллюстраціей громаднаго развитія единообразія конкретныхъ потребностей. Это единообразіе нельзя объяснить ни общей біологической природой человѣка, ни тѣмъ болѣе какими либо мѣстными условіями, что опровергается громаднымъ единообразіемъ конкрет-

ныхъ потребностей, по своему происхожденію и распространенію совершенно не связанныхъ съ мѣстными условіями (напр., кофе у европейцевъ). Не зависящее отъ біологической природы человѣка, не связанное съ окружающими условіями существованія это единообразіе конкретныхъ потребностей является чистымъ продуктомъ совмѣстной жизни сознающихъ себя личностей. Поэтому объясненіе его нужно искать въ процессѣ общенія, въ процессѣ подражанія [1]). Подражательный характеръ конкретнаго способа удовлетворенія потребности доказывается хотя бы и тѣмъ параллелизмомъ, который существуетъ между ростомъ общенія, отражающемся въ развитіи путей сообщенія и расширеніемъ рынка. Несомнѣнный фактъ, много разъ констатированный экономической наукой, что съ развитіемъ путей сообщенія происходитъ постепенный переходъ отъ городского къ національному рынку и даже міровому. Фактъ этотъ ярко иллюстрируетъ подражательный характеръ конкретнаго способа удовлетворенія потребности. Конечно, большая или меньшая утонченность въ удовлетвореніи низшихъ потребностей зависитъ отъ примѣси момента „изысканности“, непосредственно обусловливаемаго всѣмъ личнымъ синтезомъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, можно сказать, что даже удовлетвореніе низшихъ потребностей въ совмѣстной жизни сознающихъ себя личностей заключаетъ въ себѣ несомнѣнные элементы подражанія. Эти подражательные элементы опредѣляютъ потребность, именно въ ея конкретной формѣ, какъ мотивъ дѣятельности. Одинъ индивидуумъ, эективируя на другого опредѣленную мотивацію, необходимо эективируетъ эти подражательные элементы.

Какая бы мотивація ни эективировалась, высшая или низшая, подражательные элементы составляютъ

[1]) Ср. Tarde Logique sociale (глава объ экономической дѣятельности).

необходимый моментъ. Подражательно пріобрѣтенное содержаніе сознанія составляетъ тотъ матеріалъ, который заполняетъ эективацію. Если бы этого матеріала не было, если бы эективація ограничивалась только нѣкоторымъ біологическимъ сходствомъ структуръ и функцій, то разумѣется, не могло бы быть у каждаго индивидуума критерія субъективнаго сознанія и вытекающей изъ него мотивации дѣятельности другихъ окружающихъ „я“. Наоборотъ, какъ только произойдетъ эективація подражательно пріобрѣтеннаго содержанія сознанія, появится опредѣленный критерій сознательной жизни и дѣятельности другихъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо появится и разсчетъ на эту дѣятельность другихъ, слѣдовательно, будетъ и внутренній принципъ кооперации.

Итакъ, эективація подражательно пріобрѣтеннаго содержанія сознанія (для краткости будетъ называть ее эективаціей подражанія), объясняя согласованіе дѣятельности, *заключаетъ въ себѣ искомую теоретическую природу соціальной связи.*

Лишь недавно эта необходимость эективации для совмѣстной дѣятельности была отмѣчена не соціологомъ, а юристомъ. Одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего времени, авторъ новаго швейцарскаго кодекса проф. Е. Губеръ подчеркнулъ ее въ статьѣ „Über soziale Gesinnung“ [1]).

Нельзя не сожалѣть о томъ, что проф. Губеръ не поставилъ своей задачей опредѣленіе природы общественности ни въ другихъ своихъ работахъ, ни въ частности въ цитируемой статьѣ, „Wir unternehmen es nicht, theoretisch das Wesen der Geselligkeit des Menschen zu untersuchen... Wir setzn vielmehr in Gedanken das ganze Gebäude einer solchen Theorie bereits voraus und greifen nur eine einzelne in der Geselligkeit gegebene Erschei-

[1]) Prof. Dr. E. Huber Über soziale Gesinnung (Politisches Jahrbuch der schweizer. Eidgenossenschaft 1912).

nung heraus um an sie einige Betrachtungen zu knüpfen“ [1]). Этимъ ограниченіемъ задачи объясняется, почему Губеръ совершенно обошелъ теоретическій вопросъ о природѣ общества, совершенно отказался отъ всякаго теоретическаго изслѣдованія предпосылокъ общественности, и лишь мимоходомъ бросилъ геніальное замѣчаніе: „Von dem Bewusstsein des „Ich“ aus wird die Existenz der Anderen als Tatsache gesetzt, damit aber zugleich auch die Gemeinschaft mit den Andern im Bewusstsein hergestellt“ [2]). Правильность этого тезиса очевидна сама собою послѣ предыдущаго изложенія. Остается только сожалѣть, что столь глубокій мыслитель, какъ проф. Губеръ, не далъ намъ цѣльной теоріи по интересующему насъ вопросу. Но основной фактъ онъ подмѣтилъ вѣрно: процессъ психологическаго взаимодѣйствія, ведущій къ согласованію дѣятельности, имѣетъ своимъ центральнымъ моментомъ эективацію.

Вполнѣ понятно, что перенесеніе моментовъ субъективнаго сознанія на другое „я“ можетъ быть длительнымъ только въ томъ случаѣ, если факты, повседневной опытъ не обнаруживаютъ рѣзкаго неподтвержденія, не опровергаютъ пригодности субъективнаго критерія своего „я“ для измѣренія сознательной жизни и дѣятельности другихъ. Если бы разсчеты индивидуума на дѣятельность окружающихъ не оправдывались, то такая эективація была бы прервана, прекратилась бы. Длительные процессы эективаціи и длительная совмѣстная дѣятельность возможны только въ томъ случаѣ, если факты повседневности убѣждаютъ личность въ правильности ея сужденія о другихъ окружающихъ ее сознаніяхъ.

Остается разсмотрѣть необходимыя условія этого соотвѣтствія. Представимъ себѣ двухъ субъектовъ, дѣйствующихъ согласованно. Если субъектъ *A* экти-

[1]) Ibid. S. 9.
[2]) Ibid. S. 35.

вируетъ извѣстную мотивацію и обусловливающее эту мотивацію содержаніе сознанія на *B*, то его собственное содержаніе сознанія должно въ точности отвѣчать эективируемому; съ другой стороны въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ *B* долженъ *A* субъективно усмотрѣть подтвержденіе своихъ ожиданій, иначе эективація прекратится. Длительная эективація неминуемо требуетъ длительнаго подтвержденія ожиданій *A*. Принимая во вниманіе активность *B*, громадное количество и разнообразіе выполняемыхъ имъ дѣйствій, источникомъ которыхъ является его субъективное сознаніе *B*, между тѣмъ, какъ совпадать они должны съ субъективнымъ ожиданіемъ *A*, мы увидимъ всю трудность подобнаго соотвѣтствія. Но вопросъ еще осложняется тѣмъ, что *B* также эективируетъ на *A* содержаніе своего субъективнаго сознанія и въ многочисленныхъ и разнообразныхъ дѣйствіяхъ послѣдняго долженъ *B* также субъективно усмотрѣть постоянное подтвержденіе своихъ ожиданій. Очевидно, что постоянныя совпаденія, повторяющіяся фантастическое число разъ и при томъ не въ отношеніи одного индивидуума, а многихъ, (одно и то же дѣйствіе должно одновременно совпасть съ ожиданіями многихъ индивидуумовъ) совершенно не мыслимы безъ точки опоры въ реальной дѣйствительности. Такой точкой опоры является реальное сходство субъективныхъ сознаній. Тогда эективное сознаніе *A*, отвѣчая его субъективному сознанію, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовать и субъективному сознанію *B*, а слѣдовательно, и вытекающей изъ этого сознанія дѣятельности *B*. Дѣйствіе *B* одновременно удовлетворитъ ожиданія всѣхъ сходныхъ съ *B* личностей, въ томъ числѣ и *A*. Только значительное сходство субъективныхъ сознаній можетъ дать прочный фундаментъ для этихъ соотвѣтствій и создать прочныя длительныя соціальныя отношенія между личностями.

Здѣсь намъ приходитъ на помощь общее ученіе о подражаніи. Подражаніе уравниваетъ содержаніе ин-

дивидуальныхъ сознаній; оно есть способъ перехода содержанія одного сознанія въ другое. Уравниваніе содержанія индивидуальныхъ сознаній путемъ подражанія имѣетъ своимъ результатомъ то, что свойства, которыя синтезируются каждымъ индивидуумомъ въ субъективномъ сознаніи своего „я“, въ дѣйствительности общи многимъ индивидуумамъ. Поэтому концепціи своего „я“ у всѣхъ этихъ индивидуумовъ получатся сходными.

Сходствомъ субъективныхъ сознаній обусловливается совпаденіе дѣятельности субъекта *B* съ ожиданіями субъекта *A*. Послѣдующіе факты заставятъ *A* убѣдиться въ правильности своего сужденія и упрочатъ эективацію въ дальнѣйшемъ.

Едва ли нужно повторять, что для достиженія подобныхъ результатовъ, эективація должна относиться по своему содержанію къ тѣмъ, именно, признакамъ, въ которыхъ субъективныя сознанія реально сходны. Таковы, какъ мы только что убѣдились, признаки, пріобрѣтенные подражательнымъ путемъ, подвергшіеся долговременному уравниванію черезъ взаимное подражаніе. Принципъ подражанія даетъ намъ генетическую основу эективаціи, характеръ матеріала составляющаго ея содержаніе и, наконецъ, условіе ея длительности; онъ даетъ намъ потенціальную возможность соціальной связи; непосредственной же ея сущностью является *эективація, подражательно пріобрѣтеннаго содержанія сознанія* [1]).

Такимъ путемъ приходимъ мы къ ясному представленію объ отношеніи соціальныхъ и біологическихъ явленій. Эективація подражанія, выражая сущность соціальной связи, требуетъ для своего возникновенія уравниванія содержанія индивидуальныхъ созна-

---

[1]) Пользуясь мѣткой терминологіей Тарда, можно было бы сказать, что подражаніе создаетъ socialitas, эективація подражательно пріобрѣтеннаго содержанія сознанія—societas.

ній путемъ подражанія. Самая возможность подражанія имѣетъ свои корни въ біологіи. Какъ мы видѣли, біологическое сходство структуръ и функцій является необходимымъ условіемъ подражанія. Съ другой стороны, полезность подражательныхъ заимствованій также обусловливается біологическими сходствами организмовъ. Біологія указываетъ намъ естественныя условія возникновенія подражанія въ эволюціи видовъ. Накопленіе и подражательное распространеніе привычекъ и приспособленностей создаетъ почву для соціальной связи, для эективаціи подражанія.

Конечно, съ точки зрѣнія основныхъ моментовъ, сложныхъ психологическихъ явленій, существеннѣйшимъ элементомъ подражательно пріобрѣтеннаго содержанія сознанія является элементъ познавательной мысли. Высшія чувствованія представляютъ собой соединеніе мысли, представленій съ низшими эмоціями; волевой актъ непосредственно направляется мыслью и чувствованіями. Низшія эмоціи, всецѣло зависящія отъ біологической организаціи, способны только къ стихійному подражательному распространенію и находятся въ прямой связи біологическихъ условій подражанія; наоборотъ, подражательное распространеніе мысли имѣетъ сходства структуръ и функцій лишь отдаленной своей почвой и находится въ непосредственной зависимости отъ условій развитія личнаго синтеза; каждое новое пріобрѣтеніе служитъ здѣсь основой, фундаментомъ для послѣдующихъ. Одно пріобрѣтеніе предопредѣляетъ возможность или невозможность другого. Поэтому, именно, въ области мысли и ея производныхъ соединеній кроются культурныя различія между разными соціальными сферами. Съ извѣстной точки зрѣнія нельзя не признать справедливость взгляда нѣкоторыхъ соціологовъ, какъ напр., Болдуинъ, а еще болѣе де-Роберти, которые считаютъ мысль первенствующимъ и чуть ли не единственнымъ элементомъ сознанія, интересующимъ со-

ціолога [1]). Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю свою глубину и основательность, подобный взглядъ, проведенный систематически, является болѣе философскимъ, нежели соціологическимъ. Въ процессѣ эективаціи подражанія можетъ имѣть значеніе не только наличность данной мысли, но и степень ея силы, ея значенія или опредѣленное ея эмоціональное сочетаніе. Это вполнѣ доказывается эективаціей сложныхъ чувствованій, какъ напр., религіознаго благоговѣнія, семейныхъ привязанностей, любви къ ближнему и т. п. Эективируя чувствованіе, мы придаемъ особый характеръ данной мысли, заключающійся въ опредѣленномъ эмоціальномъ сочетаніи. Также при эективаціи дѣйствій, мы эективируемъ не только наличность мысли, лежащей въ основѣ даннаго дѣйствія, но и ея интенсивность, ея стимулирующую силу, столь значительную, что за ней неминуемо слѣдуетъ соотвѣтственное дѣйствіе. Въ виду того, что для соціолога всѣ эти оттѣнки являются далеко не безразличными, то думается, что формула „эективаціи подражательно пріобрѣтеннаго содержанія сознанія“ является болѣе точной, нежели спеціальное указаніе на мысль, какъ на основу эективаціи.

Въ субъективномъ сознаніи соціальная связь отражается тѣмъ замѣченнымъ въ концѣ прошлаго вѣка явленіемъ, которое соціологи называютъ „сознаніемъ группы“, Гиддингсъ построилъ на этомъ явленіи свою теорію соціальности. Природы этого субъективнаго сознанія группы, его сущности, и процесса возникновенія въ индивидуальномъ сознаніи—Гиддингсъ не прослѣдилъ. Онъ ограничился краткимъ замѣчаніемъ, что индивидуумы, констатируя сходство между собой, проникались симпатіей другъ къ другу; это и привело къ „сознанію вида“. Понятно само собою, что

---

[1]) Четырехчленная формула эволюціи Е. де-Роберти построена исключительно на взаимоотношеніи разновидностей мысли op. cit. гл. IV.

этотъ туманный критерій еще не даетъ соціальной теоріи, тѣмъ болѣе, что по объему онъ гораздо шире соціальности [1]). Болдуинъ разработалъ теорію субъективнаго сознанія группы полнѣе и, главное, подчеркнулъ моментъ сознанія обязательности, составляющій существенный ингредіентъ группового сознанія. Но природы самаго сознанія обязательности Болдуинъ не объяснилъ и объяснить не могъ. Этимъ пробѣломъ подрывается теоретическое значеніе всей доктрины. Нѣкоторыя указанія о природѣ императивнаго сознанія мы можемъ почерпнуть только изъ принципа эективаціи подражанія.

Каждый индивидуумъ, находясь въ соціальной связи съ другими индивидуумами, является центромъ многочисленныхъ эективацій со стороны окружающихъ. Эти эективаціи имѣютъ однородное содержаніе, ибо какъ мы видѣли, въ соціальной средѣ индивидуальныя сознанія сходны; сходствомъ же субъективныхъ сознаній обусловливается сходство эективацій. Каждый членъ общества чувствуетъ себя точкой, на которой сходятся безчисленныя однородныя по содержанію эективаціи другихъ членовъ соціальной среды. Будучи самъ членомъ общества, т. е. имѣя въ своемъ субъективномъ „я“ критерій, пригодный для распознаванія содержанія этой эективаціи, каждый индивидуумъ ясно себѣ представляетъ ея содержаніе въ конкретныхъ случаяхъ и поэтому можетъ предвидѣть ее заранѣе. Каждая личность предвидитъ, какъ окружающіе должны отнестись къ извѣстному ея дѣйствію Здѣсь имѣется двойная эективація. Случай этотъ значительно болѣе сложенъ, нежели тотъ, который мы имѣли въ виду до сихъ поръ. Мы говорили прежде объ эективаціи субъективнаго сознанія. Такая эективація заключается въ приписываніи другой личности извѣстнаго содержанія субъективнаго созна-

---

[1]) Giddings op. cit. pass. особенно стр. 16—17, 101 и предисловіе къ 3 америк. изд стр. XIII.

нія; субъективное подтвержденіе ея обусловливается дѣйствительной наличностью соотвѣтственнаго субъективнаго сознанія у члена общества, къ которому эективація относится. Но среди свойствъ, приписываемыхъ субъектомъ *А* субъекту *В*, можетъ находиться и такое свойство, по которому *В* долженъ въ свою очередь эективировать на *А* извѣстное содержаніе сознанія. Получается эективація, какъ бы вторичная, эективація не субъективнаго сознанія *В*, а его эективнаго сознанія. Субъективное подтвержденіе такой эективаціи заключается въ соотвѣтственныхъ проявленіяхъ эективнаго сознанія субъекта *В*, въ томъ, что отношеніе *В* къ дѣйствіямъ *А* соотвѣтствуетъ ожиданіямъ послѣдняго. Чѣмъ же опредѣляется отношеніе *В* къ дѣйствіямъ *А*. Очевидно, отношеніе *В* будетъ различно, въ зависимости отъ того, соотвѣтствуетъ-ли дѣйствіе *А* ожиданіямъ самого *В*, подтверждаетъ ли онъ его собственное эективное сознаніе. Если дѣйствіе *А* точно совпадаетъ съ содержаніемъ эективнаго сознанія *В*, съ тѣмъ, чего *В* ожидаетъ отъ всякаго члена своего общества, въ частности отъ *А*, то, конечно, *В* будетъ считать такой поступокъ нормальнымъ, правильнымъ. Если же поступокъ *А* разойдется со всякимъ ожиданіемъ, то онъ покажется субъекту *В* по меньшей мѣрѣ страннымъ, неестественнымъ.

Однако, въ этомъ послѣднемъ случаѣ отношеніе *В* можетъ и осложниться. Уже было упомянуто, что сущность согласованной дѣятельности, характеризующей соціальную жизнь, заключается въ разсчетѣ каждаго члена соціальной среды на дѣйствія другихъ членовъ, какъ на ингредіентъ въ достиженіи результатовъ своей собственной дѣятельности. Понятно, что въ разсчетъ будутъ приниматься, именно, тѣ дѣйствія, которыя эективируются въ данной общественной средѣ, которыя являются общественно-нормальными. Чѣмъ болѣе интенсивной и увѣренной будетъ эта эективація, съ тѣмъ большей увѣренностью люди будутъ строить свои раз-

счеты на несомнѣнномъ съ ихъ точки зрѣнія дѣйствіи другого лица. Если такая увѣренная эективація, съ которой уже связаны всѣ дальнѣйшіе разсчеты, вдругъ не подтвердится, то, понятно, это должно вызвать агрессивную реакцію, которая въ эмоціональной сферѣ отражается бурной вспышкой гнѣва. Стихійный гнѣвъ въ соединеніи съ высшими интеллектуальными элементами неодобренія принимаетъ форму бурнаго возмущенія противъ неестественнаго поступка. Сила этого возмущенія пропорціональна съ одной стороны степени важности связанныхъ съ нарушенными разсчетами интересовъ, а съ другой—степени неожиданности нарушающаго поступка.

Если съ данной интенсивной эективаціей связывается у членовъ общества возмущеніе противъ поступка, нарущающаго ихъ ожиданія, то ясно, что нашъ субъектъ *A*, приписывая другимъ членамъ извѣстное содержаніе эективнаго сознанія, будетъ приписывать и это возмущеніе, въ случаѣ оказавшагося реальнаго несоотвѣтствія; другими словами, онъ будетъ сознавать, что эективація со стороны членовъ общества имѣетъ характеръ не простого предположенія, а категорическаго требованія. Онъ будетъ эективировать на всякаго другого члена то содержаніе эективнаго сознанія, въ силу котораго всякій будетъ требовать отъ субъекта *A* даннаго поступка.

Намъ остается добавить одинъ только штрихъ, чтобы природа императива была очерчена. Мы видѣли, что вслѣдствіе тѣсной связи эективаціи съ субъективнымъ сознаніемъ, подтвержденіе ожиданій эективирующаго члена среды будетъ казаться ему общественно-нормальнымъ, правильнымъ. Поэтому субъектъ *A*, эективируя на другихъ членовъ среды требованіе извѣстнаго поступка, найдетъ это требованіе нормальнымъ. Будучи самъ членомъ среды, онъ естественно приписываетъ и самому себѣ то же нормальное требованіе къ своему собственному поступ-

ку, которое предъявляютъ къ его поступку другіе члены среды. Онъ самъ какъ бы раздваивается въ своемъ сознаніи, самъ къ себѣ предъявляетъ требованіе и свѣряетъ правильность своего конкретнаго поступка съ этимъ абстрактнымъ требованіемъ. [1]) Въ этомъ—сущность императива.

Правовое и нравственное сознаніе, какъ и вообще всѣ отдѣльныя формы императивнаго сознанія, представляютъ частные случаи такого требованія къ самому себѣ. Одинъ изъ величайшихъ философовъ міра Кантъ формулируетъ сущность морали тезисомъ: „поступай такъ, чтобы норма твоего поведенія могла служить принципомъ всеобщаго законодательства". Рѣшеніе даннаго индивидуума, что извѣстная норма пригодна для этой роли, заключаетъ въ себѣ утвержденіе ея соціальной нормальности, ея соотвѣтствія эективному сознанію соціальной среды. Но если такъ, то, очевидно само собою, что провѣрка конкретнаго намѣренія по этому масштабу, размышленіе о томъ, соотвѣтствуетъ ли проэктируемый поступокъ соціально-нормальному принципу, представляетъ ни что иное, какъ провѣрку его съ эективнымъ сознаніемъ среды, эективацію этого сознанія на самого себя и обращенное къ себѣ соотвѣтственное требованіе.

Аналогичную природу можно замѣтить и въ правовомъ сужденіи. Въ правѣ провѣрка конкретнаго правового сужденія съ общими нормами эективнаго сознанія соціальной среды значительно затемняется необходимостью и достаточностью провѣрки съ позитивно фиксированною нормою закона. Но тамъ, гдѣ рѣшеніе о правѣ имѣетъ въ основѣ не законъ, а что либо иное, такая природа императива очерчивается ясно и въ примѣненіи къ правовой области. Уже обычное право представляетъ яркую иллюстрацію для этого тезиса.

---

[1]) Только этотъ послѣдній моментъ изъ всего психологическаго процесса образованія императива отмѣтилъ Болдуинъ. Iterpret. soc. et mor. des princ. du develop. ment. 309—312.

Извѣстна громкая контроверза юристовъ о грани между обычаемъ, обязательнымъ для суда, и простымъ обыкновеніемъ. Въ настоящее время этотъ вопросъ единогласно рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что соблюдаемый порядокъ становится обязательной для суда нормой тогда, когда къ нему присоединяется убѣжденіе среды въ необходимости его соблюденія. [1]) Такимъ образомъ, рѣшеніе, постановленное на основаніи обычнаго права, есть тоже непосредственное примѣненіе эективнаго сознанія среды къ образованію конкретной нормы поведенія въ обсуждаемомъ случаѣ; а внутренній императивъ обычнаго права представляетъ основанное на такомъ примѣненіи требованіе къ самому себѣ. Съ еще большей яркостью выступаетъ природа правового императива въ томъ случаѣ, когда ни въ законѣ, ни въ обычномъ правѣ не имѣется прямого указанія для рѣшенія конкретнаго вопроса. Новый швейцарскій кодексъ, впервые принципіально указавшій судьѣ выходъ изъ этого положенія, постановляетъ въ знаменитой 1 ст.: „Kann dem Gesetze keine Vorschrift entnommen werden, so soll der Richter nach Gewohnheitsrecht und, wo ein solches fehlt nach der Regel entcheiden, die er als Gesetzgeber aufstellen würde“. Легко видѣть, что это постановленіе представляетъ точное примѣненіе къ праву кантовской идеи этики; слѣдовательно, оно въ такой же мѣрѣ иллюстрируетъ природу императива, какъ требованія къ самому себѣ, основаннаго на эективаціи эективнаго сознанія среды.

Къ сожалѣнію, мы здѣсь не можемъ углубиться въ болѣе широкое разсмотрѣніе этого интереснаго вопроса, который сейчасъ не относится непосредственно къ нашей задачѣ. Ограничимся только однимъ замѣчаніемъ: существенно-необходимымъ условіемъ императи-

---

[1]) Во всѣхъ учебникахъ гражданскаго права можно теперь найти это положеніе ср., напр, Шершеневичъ, учебникъ Русскаго Гражданскаго права стр. 36, 39.

ва является однородность эективнаго сознанія въ данной соціальной средѣ. Если членъ общества, обсуждая свой поступокъ, будетъ думать, что этотъ поступокъ встрѣтитъ въ обществѣ самыя разнородныя оцѣнки и самыя различныя отношенія, то его эективація эективнаго сознанія не будетъ имѣть цѣльности, ни одной изъ оцѣнокъ онъ не будетъ эективировать на всякаго члена среды (въ томъ числѣ и на самого себя), слѣдовательно, ни одна изъ нихъ не будетъ имѣть для него безусловной связывающей силы.

Исторія возникновенія и распаденія императивныхъ нормъ на каждомъ шагу подтверждаетъ это положеніе. Общепризнана въ настоящее время теорія Іеринга о возникновеніи обычнаго права: оно происходитъ изъ смѣлаго распоряженія энергичнаго новатора черезъ постепенное распространеніе подражанія, которое со временемъ при благопріятныхъ условіяхъ становится всеобщимъ и именно, на этой стадіи пріобрѣтаетъ обязательность. Чрезвычайно характернымъ въ этомъ смыслѣ является одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ правовой исторіи Европы—рецепція римскаго права. Какъ извѣстно, никогда ни одинъ законодатель не издавалъ предписанія объ обязательной силѣ Юстиніанова кодекса. Весь Corpus Juris и вся основанная на немъ система Gemeines Recht была „правомъ юристовъ". Первоначально въ качествѣ третейскихъ судей, а затѣмъ пользуясь своимъ вліяніемъ въ коронныхъ судахъ, юристы начали примѣнять римское право къ рѣшенію отдѣльныхъ представлявшихся имъ случаевъ, пока такой способъ рѣшенія не сдѣлался всеобщимъ, и римское право не пріобрѣло значенія субсидіарнаго источника, обязательнаго для судей при отсутствіи нормы въ Landrecht [1]). Не только возникновеніе, но и прекращеніе дѣйствія императивныхъ нормъ подчинено

[1]) Ср. относительно этого процесса С. Муромцевъ, Рецепція римскаго права на Западѣ, Москва 1886 г. стр. 1—80.

тому же закону. Кровавая месть потеряла свою безусловную нравственную обязательность съ того времени, когда подъ вліяніемъ христіанства участились случаи отказа отъ нея; утрата безусловной правовой силы обычаемъ (а по мнѣнію многихъ юристовъ и закономъ) вслѣдствіе desuetudo, принадлежитъ къ той-же категоріи явленій.

Самое содержаніе императивныхъ нормъ больше относится къ области исторіи, нежели соціологіи. Содержаніе императивныхъ нормъ различно въ разныхъ обществахъ и въ разныя историческія эпохи. Происходя изъ эективаціи подражанія, императивъ въ содержаніи своемъ опредѣляется тѣми подражаніями, которыя эективируются въ данной соціальной средѣ. То, что въ данной средѣ является обязательнымъ, въ другой средѣ и въ другую эпоху не только не имѣетъ императивности, но сплошь и рядомъ даже воспрещается. Изъ теоретической природы общества непосредственно вытекаетъ не конкретное содержаніе отдѣльныхъ нормъ, а только общая форма императива.

Степень объединенія сознательной жизни и согласованія дѣятельности прямо пропорціональна количеству и психологическому значенію эективируемыхъ подражаній. Мы видѣли, что какъ необходимой предпосылкой, такъ и условіемъ длительности эективаціи является подражательное общеніе, сходство субъективныхъ сознаній, чтобы сознаніе своей личности могло постоянно служить для каждаго индивидуума субъективнымъ критеріемъ окружающихъ. Само собою понятно, что чѣмъ точнѣе является этотъ критерій, тѣмъ больше открывается возможность понимать содержаніе другого сознанія, предвидѣть и разсчитывать дѣятельность окружающихъ, тѣмъ значительнѣе будетъ этотъ ингредіентъ чужой дѣятельности въ достиженіи намѣченныхъ результатовъ своей собственной дѣятельности. Чѣмъ тѣснѣе подражательное общеніе, чѣмъ больше сходство субъективныхъ сознаній, тѣмъ глубже совершается объединеніе сознательной жизни и согласованіе дѣятельности, тѣмъ тѣснѣе соціальная связь. Какіе же

отличительные признаки характеризуютъ сходство индивидуальныхъ сознаній?

Субъективное сознаніе своей личности является, какъ уже упоминалось, синтезомъ всѣхъ знаній и переживаній. Составные элементы этого синтеза пріобрѣтаются по большей части подражательно. Вполнѣ понятно, чѣмъ больше подражаній накопилось въ данной психологической средѣ, тѣмъ большее количество составныхъ элементовъ пріобрѣтается каждымъ субъективнымъ сознаніемъ подражательно и составляютъ его общее достояніе съ другими сознаніями, тѣмъ болѣе значительны сходства каждаго индивидуальнаго сознанія съ окружающими.

Съ другой стороны, субъективное сознаніе своего „я“ не простая сумма знаній и переживаній, а ихъ синтезъ, цѣльная организованная система, въ которой каждый изъ входящихъ элементовъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто. Поэтому, какъ во всякой организованной системѣ, далеко не всѣ связанныя между собою составныя части равноцѣнны. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ доминирующее значеніе и составляютъ основу, другія имѣютъ болѣе привходящій характеръ и лишь дополняютъ общую картину. Строй личности опредѣляется, конечно, не въ одинаковой степени элементами обѣихъ категорій. А такъ какъ эективное сознаніе по самому существу своему опредѣляется содержаніемъ субъективнаго момента, то свойства, имѣющія преобладаніе въ синтезѣ личнаго самосознанія, сохранятъ свое первенствующее значеніе и въ эективномъ моментѣ. Происходящая эективація первостепенныхъ свойствъ, означаетъ соціальную связь, не возникновеніе ихъ эективаціи равносильно невозможности соціальной связи между соотвѣтственными индивидуумами въ данный моментъ. Оно и понятно: только эективація признаковъ въ синтезѣ личности главныхъ, основныхъ, неотъемлемыхъ, можетъ дать каждому индивидууму субъективный критерій, опредѣляющій въ общихъ

чертахъ сознательную жизнь и дѣятельность другихъ. Само собою разумѣется, чѣмъ большее преобладаніе имѣетъ данный признакъ въ синтезѣ личности, тѣмъ большее значеніе онъ имѣетъ и въ эективномъ сознаніи и тѣмъ сильнѣе вліяетъ на соціальную связь. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда общность переживаній одного индивидуума съ другими настолько слаба, что не допускаетъ эективаціи ни одного изъ основныхъ моментовъ и чертъ личнаго самосознанія, не можетъ быть рѣчи о соціальной связи, ибо, очевидно, субъективное „я“ каждаго изъ этихъ сознающихъ свое несходство индивидуумовъ не можетъ служить ему критеріемъ другихъ личностей. Поэтому, если даже какія либо свойства, мелкія по своему психологическому значенію подражательно распространены и общи этимъ, существенно несходнымъ индивидуумамъ, то эективироваться, переноситься въ виду несомнѣнной аналогіи другой личности со своею на эту другую личность они не будутъ, вслѣдствіе отсутствія критерія, а можетъ быть только—простое констатированіе этихъ отдѣльныхъ общихъ чертъ.

Характерное это явленіе наблюдалось весьма часто, такъ, напр., при столкновеніи европейцевъ съ совершенно чуждой имъ соціальной средой; они иногда даже заимствовали отъ этой среды отдѣльныя подражанія, но дѣйствительной эективаціи и обусловленной ею соціальной связи возникнуть не могло. При открытіи Новаго Свѣта европейцы заимствовали у краснокожихъ индѣйцевъ употребленіе многихъ полезныхъ растеній, напр., картофеля, табака, не говоря уже о болѣе мелкихъ заимствованіяхъ. Но эти подражанія, среди которыхъ иныя сыграли впослѣдствіи весьма крупную экономическую роль, по своему психологическому значенію, были не существенны особенно въ тотъ моментъ. Поэтому они констатировались въ видѣ чисто внѣшнихъ наблюденій, были совершенно недостаточны, чтобы сблизить двѣ различныя соціальныя

сферы. Субъективное „я“ европейца не могло служить ему критеріемъ для пониманія сознательной жизни индѣйца; поэтому эективація не находила реальной почвы, и въ тотъ историческій моментъ соціальной связи между европейцемъ и индѣйцемъ возникнуть не могло. И дѣйствительно, европейцы совершенно не признавали за краснокожими личности, считали по отношенію къ нимъ все дозволеннымъ. Такое полное отсутствіе какихъ либо императивныхъ нормъ въ обращеніи съ индѣйцами служитъ яснымъ доказательствомъ отсутствія соціальной связи, ибо, какъ уже упоминалось, императивъ является прямымъ необходимымъ ея слѣдствіемъ.

То же явленіе замѣчалось у китайцевъ при ихъ первыхъ столкновеніяхъ съ европейцами до 1842 г. [1]) Китайцы при всей своей отчужденности и патріархальности спорадически воспринимали отдѣльныя подражанія изъ европейской культуры; однако, европейцы, не только въ то время, но и значительно позже открытія портовъ оставались для Китая „бѣлыми дьяволами“, и соціальной связи не могло возникнуть.

Эти случаи ярко указываютъ, что одни только мелкія по своему психологическому значенію подражанія, сами по себѣ безъ основныхъ моментовъ синтеза личнаго самосознанія, эективаціи не создаютъ, ибо въ этихъ случаяхъ субъективное самосознаніе не можетъ служить субъективнымъ критеріемъ для сознающихъ свое несходство индивидуумовъ. Тѣмъ не менѣе, накопляясь въ большемъ количествѣ, эти мелкія подражанія, могутъ до извѣстной степени подготовить почву для соціальной связи, когда основные моменты личнаго синтеза заимствуются въ средѣ, въ которой предварительно распространялись въ большомъ количествѣ мелкія подражанія, субъективное сознаніе сходствъ

[1]) Открытіе пяти портовъ для европейской торговли см. Исторію человѣчества подъ редакціей проф. Гельмольта т. II, стр. 97.

получается очень многостороннее, и соціальная связь, какъ мы видѣли, становится болѣе глубокой.

Процессъ постепеннаго уравниванія до полнаго сліянія двухъ чуждыхъ другъ другу соціальныхъ группъ представляетъ, какъ легко убѣдиться, частный случай того общаго закона объ уравнивающемъ значеніи подражанія, который подробнѣй былъ обозначенъ выше. Подражательно распространяясь, признаки, общіе обѣимъ группамъ, возрастаютъ въ количествѣ и значеніи; постепенно увеличивается потенціальная способность соціальной связи, socialitas, какъ удачно назвалъ ее Тардъ. Когда же подражательное общеніе, связь индивидуальныхъ сознаній становится настолько значительной, что субъективное сознаніе каждаго члена одной группы является для него критеріемъ сознательной жизни членовъ другой группы, тогда неизбѣжно возникаетъ длительная эективація общихъ подражаній и socialitas превращается въ societas въ реальный фактъ соціальной связи. Этотъ ходъ развитія съ замѣчательной яркостью сказывается въ процессѣ эллинизаціи восточнаго міра; не менѣе яркой иллюстраціей можетъ служить также романизація Запада. Въ ближайшее время по окончаніи этого процесса полное соціальное сліяніе провинціаловъ съ римскими гражданами было констатировано самимъ законодателемъ, который въ знаменитомъ эдиктѣ Каракаллы призналъ права римскаго гражданства за всѣмъ культурнымъ населеніемъ Имперіи. Почти на нашихъ глазахъ тотъ же ходъ развитія повторился въ Японіи, когда она воспринимала европейскую цивилизацію и въ послѣднее время окончательно сдѣлалась равноправнымъ членомъ въ культурномъ общеніи европейскихъ государствъ.

Такъ происходитъ переходъ отъ socialitas къ societas. Съ того момента, когда подражательное общеніе индивидуальныхъ сознаній настолько значительно, что субъективное сознаніе каждаго индивидуума служитъ ему приблизительнымъ критеріемъ для другихъ лично-

стей—съ этого момента неизбѣжно возникаетъ длительная эективація подражанія, т. е. упрочивается соціальная связь. Для наступленія этихъ условій, очевидно, не требуется обязательно, чтобы эективація подражанія распространялась на всѣ основныя свойства личности. Каждый изъ основныхъ моментовъ личности частично опредѣляетъ сознательную жизнь и дѣятельность. Поэтому каждое изъ основныхъ свойствъ даетъ нѣкоторый, частичный критерій личности и ея дѣятельности въ извѣстной сферѣ. Конечно, этотъ частичный критерій будетъ мало точнымъ, если онъ останется изолированнымъ. Даже въ сферѣ его примѣненія эективація будетъ гораздо болѣе точной, если къ нему присоединится правильный критерій и въ отношеніи другихъ подражаній. Поэтому такой односторонній критерій можетъ создать лишь приблизительно подтверждающуюся эективацію, ограниченную при томъ областью господствующаго значенія даннаго признака. Въ тѣхъ же предѣлахъ возможна и нѣкоторая односторонняя соціальная связь. Разительнымъ примѣромъ въ этомъ смыслѣ могутъ служить міровыя религіи. Католицизмъ съ его всемірными тенденціями, съ его объединеніемъ различныхъ расъ, національностей, государствъ и культуръ, является блестящимъ подтвержденіемъ только что высказаннаго взгляда. Чѣмъ, кромѣ религіи, объединены принадлежащіе къ католической церкви римскій кардиналъ, ирландскій землепашецъ, колоніальный негръ и китайскій кули? Еще въ болѣе рельефной формѣ выступало подобное объединеніе въ прошедшіе вѣка. Все средневѣковье, съ его папской гегемоніей, съ его теоріей примата духовнаго меча, съ его Крестовыми походами, съ его „Божьимъ міромъ“ и т. д., представляетъ яркую картину соціальной связи громаднаго напряженія, основанной всецѣло на религіи. Да и въ наше время такая связь проявляется не менѣе сильно въ монашескихъ орде-

нахъ, которые объединяютъ на религіозной почвѣ людей различныхъ во всемъ остальномъ.

Другой, не менѣе яркій примѣръ односторонняго объединенія представляетъ государственная власть. Подобно религіи, она объединяетъ въ общемъ принципѣ подчиненія даннымъ законамъ и властямъ людей самыхъ различныхъ культурныхъ уровней, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ національностямъ и профессіямъ. Изъ современныхъ великихъ державъ ни одна не является абсолютно однородной по своему этнографическому, культурному и экономическому составу. Если же мы не ограничимся однимъ европейскимъ материкомъ, а примемъ во вниманіе и колоніи, то насъ прямо поразитъ пестрота состава массъ „равныхъ передъ закономъ“. Мы остановились на примѣрахъ религіи и государства потому, что они представляютъ громадный интересъ и въ другомъ отношеніи: они показываютъ съ полной наглядностью, какъ линіи односторонней соціальности пересѣкаются между собою. Ни объ одной изъ этихъ двухъ соціальныхъ сферъ нельзя сказать, что она шире или уже другой: онѣ просто несоизмѣримы. Къ каждой религіи могутъ принадлежать подданные разныхъ государствъ; въ каждомъ государствѣ могутъ находиться вѣрующіе разныхъ религій.

Причину этого явленія не трудно видѣть. Если взаимная эективація каждаго изъ существенныхъ моментовъ личности достаточна для наличности соціальной связи, то, очевидно, одинъ и тотъ же индивидуумъ можетъ принадлежать къ разнымъ соціальнымъ группамъ по различнымъ моментамъ своего субъективнаго „я“. Въ этомъ смыслѣ, каждая личность представляетъ точку пересѣченія множества соціальныхъ линій. Не только религія и государство, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, но и многочисленныя другія сферы соціальности могутъ пересѣкаться между собою. Національность, профессія, сословіе, политическая партійность, научныя и художественныя школы,—все это такія сферы, которыя не исключаютъ и не предопредѣ-

ляютъ другъ друга. Итакъ, линіи соціальности, образованныя существенными въ синтезѣ личности подражаніями, пересѣкаются между собой. Къ этимъ основнымъ моментамъ присоединяются и другія подражанія, болѣе мелкія по своему психологическому значенію. Эективироваться самостоятельно эти второстепенныя подражанія не могутъ, потому что они одни помимо основныхъ не могутъ дать даже приблизительно правильнаго критерія другой личности. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ общность одного изъ основныхъ подражаній имѣется, и, слѣдовательно, эективація подражанія возможна вообще, сходство второстепенныхъ подражаній естественно должно увеличить точность критерія. Отсюда вытекаютъ два слѣдствія; съ одной стороны, эективація второстепенныхъ признаковъ, присоединяясь къ эективаціи основныхъ, увеличиваетъ количество эективируемыхъ подражаній и дѣлаетъ, какъ мы видѣли, соціальную связь болѣе глубокой. Съ другой стороны, способствуя большей точности критерія, эективація второстепенныхъ подражаній дѣлаетъ болѣе увѣреннымъ разсчетъ на дѣйствія другой личности и придаетъ этимъ соціальной связи болѣе интенсивныя формы. Такимъ образомъ, соціальная связь становится и болѣе глубокой, и болѣе сильной. Религіозная связь вѣрующихъ всегда тѣснѣе въ сектѣ, нежели въ міровой религіи; политическая связь гражданъ тѣснѣе въ государствѣ—городѣ, нежели въ великой державѣ; профессіональная связь ремесленниковъ тѣснѣе въ средневѣковомъ цехѣ, нежели въ громоздкихъ современныхъ союзахъ.

На этихъ двухъ принципахъ пересѣкающихся и концентрическихъ соціальныхъ круговъ основана вся структура общества. Какъ правильно указываетъ Тардъ, мы каждымъ своимъ дѣйствіемъ и каждой своей потребностью примыкаемъ къ цѣлому кругу соціальныхъ единицъ, имѣющихъ ту же потребность. [1]) Эективація

[1]) Тардъ. Соціальные этюды стр. 94.

этихъ различныхъ потребностей, различныхъ содержаній сознанія создаетъ разные круги соціальной связи. Если эективируется подражаніе сравнительно мелкое, въ синтезѣ личности второстепенное, то это, очевидно, возможно только на основѣ и въ предѣлахъ эективаціи одного изъ главныхъ моментовъ личности; слѣдовательно, очерченный эективаціей мелкаго подраженія соціальный кругъ неизбѣжно покрывается концентрическимъ кругомъ главнаго момента. Наоборотъ, если эективируется одинъ изъ основныхъ элементовъ содержанія сознанія, то его эективація происходитъ самостоятельно, независимо отъ какого либо иного признака; значитъ, совпаденіе соціальныхъ круговъ, образуемыхъ двумя такими эективаціями, можетъ возникнуть лишь случайно, въ принципѣ же это—круги пересѣкающіеся. Эективація самыхъ различныхъ подражаній можетъ вызвать такія первичныя и вторичныя, пересѣкающіяся и концентрическія объединенія. Профессіональные союзы, политическія партіи, религіозныя секты, всевозможныя общества, учрежденія, клубы представляютъ отдѣльныя группы, образовавшіяся эективаціей соотвѣтственныхъ подражаній въ предѣлахъ болѣе широкихъ экономическихъ, политическихъ, религіозныхъ и культурныхъ объединеній. Каждый членъ общества, эективируя на разныхъ лицъ различныя подражанія, входящія въ синтезъ его личности, принадлежитъ къ различнымъ соціальнымъ группамъ. Этотъ основной принципъ соціальной структуры непосредственно вытекаетъ изъ закона эективаціи подражанія: какое бы подражаніе мы ни взяли, мы всегда найдемъ соотвѣтствующую его эективаціи соціальную группу.

Совершенно эмпирически подошелъ къ вопросу соціальной структуры Тардъ. Основной законъ „соціальной логики“, какъ полагаетъ Тардъ, сводится къ ариѳметикѣ вѣрованій и желаній: сходныя вѣрованія и желанія усиливаютъ другъ друга, противорѣчащія ослабляютъ другъ друга. Структура общества не тре-

буетъ непремѣнно, чтобы всѣ вѣрованія и желанія всѣхъ членовъ были сходны между собой; полное единеніе можетъ ограничиться только нѣкоторыми изъ нихъ, за исключеніемъ которыхъ могутъ сталкиваться въ обществѣ самыя противорѣчащія другъ другу вѣрованія и желанія и происходить разслоеніе по болѣе тѣснымъ группамъ [1]).

Намъ уже приходилось упоминать, что „ариѳметика вѣрованій и желаній совершенно не объясняется изъ теоріи Тарда. Характерную для общества связь безъ непосредственнаго контакта, когда не можетъ быть рѣчи объ усиленіи моторныхъ разрядовъ, теорія Тарда принимаетъ какъ эмпирическій фактъ, не объясняя его. Теоретически объяснить „ариѳметику“ Тарда въ этой ея части можно только изъ принципа эективаціи подражанія. Индивидуумъ эективируетъ на себя эективное сознаніе другихъ личностей. Онъ знаетъ въ настоящемъ или предвидитъ въ будущемъ сужденіе другихъ членовъ. Причисляя себя самого къ данной соціальной средѣ, онъ становится въ положеніе всякаго другого члена данной группы и приписываетъ самому себѣ тотъ же взглядъ, что и другимъ членамъ. Если это эективируемое на себя самого содержаніе сознанія сходно съ первоначальнымъ вѣрованіемъ или желаніемъ даннаго индивидуума, то естественно, что этотъ новый психологическій моментъ, присоединяясь къ старому, усилитъ первоначальное вѣрованіе или желаніе. Если, наоборотъ, первоначальное вѣрованіе противорѣчитъ эективируемому на себя самого содержанію сознанія, то отъ присоединенія этого новаго момента получится психологическая двойственность, нерѣшительность, т. е. ослабленіе первоначальнаго вѣрованія или желанія. Въ первомъ случаѣ индивидуумъ разжигаетъ самого себя, во второмъ самого себя сдерживаетъ.

---

[1]) Tarde. Logique sociale p. 207.

Въ классическихъ образахъ литературы эти психологическіе моменты выступаютъ съ особенной силой и рельефностью. Величавыя фигуры шекспировскихъ трагедій то раскрываютъ передъ нами глубины внутренней борьбы, то поражаютъ насъ стремительнымъ потокомъ чувства, поддерживаемаго эективнымъ сознаніемъ общества. Неувядаемый Гамлетъ, терзаемый мучительнымъ противорѣчіемъ между природной мягкостью его натуры и лежащей на немъ по тогдашнимъ понятіямъ обязанностью мстить за отца кровавой местью, колеблется, не можетъ принять никакого рѣшенія, не перестаетъ упрекать себя за свою слабость, приходитъ къ полной двойственности и, наконецъ, убиваетъ короля, почти случайно, подъ вліяніемъ горячей минуты. Честолюбіе Макбета, лелѣявшее мысль о коронѣ, какъ завѣтную грезу, въ послѣднюю минуту сдерживается отвращеніемъ эпохи къ убійству гостя и короля; Макбетъ колеблется и не можетъ поднять кинжала. Съ другой стороны Брутъ и Кассій, страстно ненавидящіе тирана Цезаря, находятъ поддержку въ свободолюбивомъ Римѣ; ихъ рѣшимость становится твердой и непоколебимой. Задушевный образъ пушкинской поэзіи— нѣжный мечтатель Ленскій, поддерживаетъ свою юношескую запальчивость императивнымъ сознаніемъ той эпохи, мыслью объ обязанности защитить Ольгу дуэлью отъ коварнаго Онѣгина. Во всѣхъ этихъ случаяхъ „ариѳметика вѣрованій и желаній“ происходитъ именно отъ воздѣйствія на первоначальное желаніе эективнаго сознанія среды.

Тардъ обозначилъ только выводъ, не прослѣдивъ теоретической природы своей „ариѳметики“. Вслѣдствіе этого, теорія Тарда въ вопросѣ соціальной структуры ограничивается только эмпирическимъ обозначеніемъ. Почему нѣкоторыя подражанія должны вызывать полное единеніе всѣхъ членовъ, тогда какъ другія допускаютъ разногласія? Чѣмъ отличается соціально-психологическая природа этихъ необходимо всеоб-

щихъ подражаній отъ другихъ? Какое значеніе для соціальной группировки имѣютъ подражанія, допускающія разногласія? Всѣ эти теоретическіе вопросы теорія Тарда даже не затрагиваетъ; она только чисто эмпирически констатируетъ фактъ неполной однородности общества. Въ дѣйствительности эти вопросы объясняются, какъ мы только что убѣдились, принципомъ пересѣкающихся и концентрическихъ соціальныхъ круговъ. Вся внутренняя структура общества раскрывается передъ нами изъ закона эективаціи подражанія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Преемственность соціальной связи.

Традиція въ обществѣ. Біологическая необходимость передачи приспособленностей изъ поколѣнія въ поколѣніе. Характеръ воспріятія традиціонныхъ подражаній; его біологическое и соціальное значеніе. Традиція, какъ необходимый моментъ во всякой соціальной группѣ. Вліяніе традиціи на роли старшаго и младшаго поколѣнія въ обществѣ. Столкновеніе поколѣній на почвѣ различной оцѣнки традицій. Распространеніе соціальной связи на предковъ черезъ традицію. Императивы изъ соціальной связи съ прежними поколѣніями. Піэтетъ къ древности. Соціальная семья, какъ передатчица традиціи, и ея роль въ обществѣ. Отношеніе соціальной семьи къ біологической. Особая спеціальная группировка внутри семьи. Основы повсемѣстно распространеннаго представленія о сходствѣ членовъ семьи между собою. Традиція, какъ соціальная инерція, и новое изобрѣтеніе, какъ элементъ движенія въ обществѣ. Психологическая сущность изобрѣтенія. Условія распространенія новаго изобрѣтенія въ обществѣ; критерій вѣры, какъ сумма всего синтеза личности. Принятіе и отверженіе изобрѣтенія. Роль привычки къ подражанію въ принятіи новыхъ изобрѣтеній. Различія въ оцѣнкѣ изобрѣтенія между отдѣльными членами общества. Моменты, вызывающіе отклоненіе въ критеріи вѣры и обусловливающемъ его синтезѣ личности: различія соціально-біографическихъ условій и комбинаціи этихъ двухъ факторовъ. Рефракція изобрѣтеній при ихъ принятіи. Соціальный предѣлъ индивидуальныхъ отклоненій.

Преемственность соціальной связи изъ поколѣнія въ поколѣніе представляетъ одинъ изъ самыхъ яркихъ, самыхъ разительныхъ фактовъ всякой общественной

жизни. Она обусловливается тѣмъ, что процессъ уравниванія содержанія сознаній черезъ подражаніе не ограничивается однимъ только поколѣніемъ. Накопленныя старшимъ поколѣніемъ пріобрѣтенія и приспособленности перенимаются молодыми особями подражательнымъ путемъ. Уравнивающее значеніе подражанія не только не прерывается съ переходомъ отъ одного поколѣнія къ другому, а, пожалуй, даже возрастаетъ, ибо каждое поколѣніе присоединяетъ новыя изобрѣтенія и приспособленности къ уже воспринятымъ. Этотъ комплексъ эективируемыхъ подражаній, передающійся изъ поколѣнія въ поколѣніе и все возрастающій на своемъ пути, это явленіе „традиціи“ и создаетъ преемственность соціальной связи.

Съ точки зрѣнія эволюціи вида необходимость подражательной передачи изъ поколѣнія въ поколѣніе извѣстнаго контингента привычекъ, въ особенности у человѣка, не подлежитъ сомнѣнію. Человѣкъ является высшимъ представителемъ типа разумно-волевого приспособленія. Ребенокъ, какъ уже упоминалось, пріобрѣтаетъ почти всѣ свои приспособленности въ теченіи индивидуальнаго развитія. По общимъ законамъ біологическаго приспособленія, развитіе это должно совершаться, очевидно, въ направленіи наибольшаго приспособленія къ условіямъ существованія. Чѣмъ же регулируется направленіе индивидуальнаго развитія? Наслѣдственно-фиксированный типъ передачи имѣетъ такой регуляторъ: индивидуумъ, выжившій вслѣдствіе благопріятныхъ особенностей своего организма, закрѣпляетъ эти особенности въ филогенезисѣ; молодое поколѣніе является на свѣтъ уже приспособленнымъ. Наоборотъ, разумно-волевой типъ исключаетъ такую врожденную передачу пріобрѣтеній. Почти всѣ приспособленности достигаются здѣсь въ теченіи индивидуальнаго развитія; молодое поколѣніе является на свѣтъ совершенно неприспособленнымъ. Привычки и навыки пріобрѣтаются постепенно, или, другими словами, разумность, со-

ставляющая основу эстетики, достигаетъ своего полнаго объема въ теченіи индивидуальной жизни. Поэтому во время процесса пріобрѣтенія приспособленностей, когда разумность на первыхъ этапахъ индивидуальнаго развитія весьма несовершенна, индивидуумъ почти неминуемо приспособлялся бы неправильно и погибъ бы. Далѣе, если бы индивидуумъ былъ предоставленъ самому себѣ и его развитіе происходило бы безъ вліянія старшаго поколѣнія, то выживаніе одного индивидуума нисколько бы не обезпечивало выживанія его потомства; процесса филогенетическаго приспособленія не возникало бы, и каждое новое поколѣніе, по сравненію съ предыдущимъ, было бы нисколько не болѣе ограждено отъ разрушающаго дѣйствія естественнаго отбора. Однимъ словомъ, разумно-волевой типъ приспособленія совершенно не могъ бы существовать, если бы индивидуальное развитіе ничѣмъ не регулировалось. Такимъ регулирующимъ факторомъ и является традиція. Она представляетъ соціальную передачу комплекса приспособленностей, тѣхъ приспособленностей, благодаря которымъ выжили предыдущія поколѣнія. Традиція вводитъ молодое поколѣніе въ русло болѣе или менѣе правильнаго процесса приспособленія. Она охраняетъ молодыхъ индивидуумовъ отъ тѣхъ промаховъ, которые неминуемо случились бы при совершенно самостоятельномъ приспособленіи. Этимъ традиція ограждаетъ ихъ отъ разрушающаго дѣйствія отбора. Съ другой стороны, традиція есть тотъ путь, посредствомъ котораго возможенъ для разумно-волевого типа процессъ филогенетическаго приспособленія, то, что біологи называютъ „опредѣленно направленнымъ развитіемъ“. Теорія „органическаго отбора“, съ которой мы уже встрѣчались, вполнѣ обстоятельно объясняетъ, какимъ образомъ новое приспособленіе, достигнутое какой-либо одной особью, становится достояніемъ филогенезиса черезъ традицію. Этотъ вопросъ въ настоящее время вполнѣ разработанъ въ литературѣ и останавли-

ваться на немъ подробнѣе врядъ ли нужно. Не менѣе существенное значеніе имѣетъ и другое свойство традиціи: она открываетъ возможность количественнаго накопленія изобрѣтеній.

Болдуинъ опредѣляетъ традицію, какъ своего рода филогенетическую привычку [1]). Этому опредѣленію нельзя отказать въ совершенной правильности. Привычка основана на принципѣ экономіи силъ. Новая приспособленность, требующая сначала сильнаго сосредоточенія сознанія, путемъ повторенія переходитъ въ привычку, т. е. совершается безсознательно, автоматически и этимъ даетъ возможность сосредоточить сознаніе на другихъ пріобрѣтаемыхъ приспособленностяхъ. Аналогичное явленіе можно прослѣдить и въ традиціи. Каждое новое изобрѣтеніе воспринимается сначала обстоятельно съ его полнымъ логическимъ обоснованіемъ. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, оно переходитъ какъ бы въ привычку, громоздкое обоснованіе выпадаетъ, остается краткая формула. Процессъ подражанія происходитъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ. Вначалѣ воспринимается изобрѣтеніе полностью, со всѣмъ своимъ обоснованіемъ. Такое подражательное воспріятіе вызываетъ наиболѣе сильную реакцію со стороны сознанія. Физіологически оно исходитъ отъ центра сознательной жизни мозговой коры, т. е. является „кортикальнымъ подражаніемъ“ [2]). Процессъ такого подражанія приблизительно совпадаетъ съ тѣмъ, что Тардъ называетъ „логическими законами подражанія“: [3]) изобрѣтеніе воспринимается при наивысшемъ напряженія сознанія или же, другими словами, новое изобрѣтеніе, входя въ сознаніе, вызываетъ въ немъ высшее напряженіе всего уже осуществленнаго синтеза личности, того еди-

[1]) Болдуинъ. Дух. раз. дѣтск. индив. и челов. рода т. II стр. 72. Также объясняетъ традицію принципомъ выпавшихъ звеньевъ Геффдингъ op. cit. стр. 93.

[2]) Болдуинъ op. cit. т. II стр. 70.

[3]) Тардъ. Законы подражанія т. V.

наго синтеза, въ системѣ котораго должно занять мѣсто это новое изобрѣтеніе. Таковъ приблизительно процессъ, пока изобрѣтеніе ново. По мѣрѣ же перехода изобрѣтенія на степень привычки, оно уже не вызываетъ такого напряженія сознательной жизни. Мѣсто даннаго изобрѣтенія въ синтезѣ личности уже опредѣлилось; поэтому принципъ экономіи силъ, имѣющій, благодаря естественному отбору и приспособленію, такое широкое примѣненіе въ біологіи и психологіи, требуетъ, чтобы не производилась каждый разъ на ново безполезная работа—опредѣленіе мѣста даннаго изобрѣтенія въ системѣ личности. Если изобрѣтеніе уже упрочилось въ системѣ, то нѣтъ надобности въ столь напряженномъ сознаніи: должно произойти ослабленіе въ степени сознанія, тѣмъ болѣе, что высшее напряженіе сознанія сильно замедляетъ окончательную реакцію. Это справедливо не только для онтогенезиса, но и для филогенезиса. Молодые индивидуумы, воспринимая подражательно изъ окружающей среды элементы личности, вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимаютъ и мѣсто, занимаемое этимъ элементомъ въ системѣ личнаго синтеза. Это низшее подражательное воспріятіе, простое внушеніе, которое исходитъ не отъ мозговой коры, а отъ низшихъ нервныхъ центровъ; это не кортикальное, а *субъ-кортикальное подражаніе* и, какъ удачно называетъ Болдуинъ, *„производно-субъ-кортикальное“* [1]). Производно-субъ-кортикальное подражаніе приблизительно совпадаетъ съ Тардовскимъ „обычаемъ“, который онъ называетъ „привычкой народа“ и „внѣ-логическимъ подражаніемъ“ [2]). Такой сокращенный подражательный процессъ имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ открываетъ возможность пріобрѣтенія несравненно большаго количества приспособленностей, чѣмъ это было бы возможно исключительно путемъ кортикальнаго подражанія. Къ этимъ положеніямъ можно

---

[1]) Болдуинъ Op. cit. т. II стр. 71 и слѣд.

[2]) Тардъ Op. cit. гл. VII.

присоединить еще одно соображеніе, на которое обращалось слишкомъ мало вниманія. Разумно-волевой типъ приспособленія не можетъ существовать безъ традиціи, главнымъ образомъ, потому что необходимъ факторъ, направляющій развитіе молодыхъ индивидуумовъ. Эти молодые индивидуумы на первыхъ стадіяхъ своего развитія обладаютъ крайне ограниченной разумностью. Ихъ личный синтезъ бѣденъ содержаніемъ; физіологическій центръ сознательной жизни, сѣрое вещество мозговой коры также не развито. Поэтому, если бы пріобрѣтенныя предыдущими поколѣніями приспособленности передавались исключительно путемъ высшаго напряженія сознанія, путемъ кортикальныхъ подражаній, то ясно, что молодые индивидуумы не могли бы воспринять этихъ приспособленностей. Субъ-кортикальность подражанія, путь простого внушенія, необходимъ. Но если бы эта субъ-кортикальность была первичнаго свойства, то она бы характеризовала низшій типъ приспособленія. Высшій разумно-волевой типъ въ основѣ своей имѣетъ болѣе адэкватное приспособленіе къ окружающей средѣ, именно путемъ разумности, характеризующейся съ физіологической стороны участіемъ мозговой коры, т. е. подражанія. Соединеніе этихъ двухъ принциповъ сложнаго процесса пріобрѣтенія и простого способа передачи достигается въ производно-субъ-кортикальномъ подражаніи. Только такимъ путемъ приспособленности, пріобрѣтенныя предыдущими поколѣніями, могутъ регулировать развитіе молодыхъ индивидуумовъ. Таковы условія возникновенія традиціи. Изобрѣтенія новыя обыкновенно требуютъ сильнаго напряженія сознанія; съ переходомъ въ традицію напряженность сознанія уменьшается. Давно замѣчено, что горячіе споры о научныхъ и философскихъ вопросахъ происходятъ только пока теорія нова. Принятая же теорія переходитъ изъ спеціальныхъ трудовъ въ учебники сначала высшей, затѣмъ средней и, наконецъ, низшей школы; она постепенно упрощается, теряетъ

въ тонкости своего философскаго обоснованія и пріобрѣтаетъ характеръ необходимаго свѣдѣнія, входящаго въ комплексъ обязательныхъ въ данной средѣ знаній.

Всѣ области человѣческой дѣятельности могутъ имѣть свою традицію, ибо во всякой области происходитъ постепенное накопленіе изобрѣтеній и приспособленностей; какую бы линію соціальности мы ни взяли, на какихъ бы подражаніяхъ мы ни остановились, вездѣ мы найдемъ соотвѣтственную традицію. Въ религіи сущность вѣры и обрядъ, ее выражающій, одинаково передаются традиціей. Въ политической жизни традиціей опредѣляется подданство, принадлежность къ тому или иному государственному союзу, подчиненіе тѣмъ или инымъ законамъ и властямъ. Традиціей же опредѣляется родной языкъ и въ значительной мѣрѣ національная принадлежность. Нормы нравственности и обычнаго права также передаются традиціей. Не приходится и говорить о всей области фольклора, гдѣ традиція представляетъ самый существенный, самый характерный моментъ. Школьное преподаваніе и вся сумма знаній, пріобрѣтаемая этимъ путемъ, представляютъ не что иное, какъ планомѣрную организованную традицію. Каждая профессія имѣетъ свою традицію, какъ въ видѣ особыхъ техническихъ пріемовъ, такъ и въ видѣ особой профессіональной этики. Существованіе классовой традиціи иллюстрируется всѣмъ ходомъ внутренней борьбы во всѣхъ государствахъ античнаго и современнаго міра; тамъ же, гдѣ существовали какія либо формы кастового порядка или даже простой сословности, эта классовая традиція получала особенное значеніе. Въ области политической партійности традиція сказывается въ преемственности партій и программъ на протяженіи цѣлыхъ столѣтій. То же явленіе наблюдается въ отношеніи философскихъ, научныхъ, литературныхъ и художественныхъ школъ.

Всѣ тѣ подражанія, эективація которыхъ образуетъ пересѣкающіеся и концентрическіе соціальные

круги, должны передаваться каждому новому члену, входящему въ данную соціальную группу. Этотъ новый членъ группы воспринимаетъ уже накопленныя подражанія и эективируетъ ихъ сходно съ другими членами группы. Если это распространеніе происходитъ не въ одномъ поколѣніи, а отъ старшихъ къ младшимъ, то мы имѣемъ типичное явленіе традиціи. Сущность традиціи въ основѣ своей сводится къ закону эективаціи подражанія. Молодые индивидуумы воспринимаютъ элементы синтеза личности отъ старшаго поколѣнія. Подражательное общеніе между старшимъ и молодымъ поколѣніемъ происходитъ непрерывно. Подражательное общеніе, связь индивидуальныхъ сознаній обусловливаетъ, какъ у старшихъ, такъ и молодыхъ членовъ возникновеніе субъективнаго представленія о сходствѣ своей личности съ личностями членовъ другого поколѣнія. Происходитъ длительная эективація подражанія.

Традиція неразрывно связана съ явленіемъ общественности, хотя бы потому, что каждая группа состоитъ изъ членовъ различныхъ возрастовъ, находящихся на разныхъ стадіяхъ индивидуальнаго развитія. Уравниваніе содержанія сознанія взрослаго и ребенка происходитъ путемъ обученія, т. е. подражательнаго преемства накопленныхъ изобрѣтеній, составляющихъ достояніе старшихъ. Такимъ путемъ эти изобрѣтенія становятся достояніемъ субъективнаго сознанія молодого поколѣнія, которое въ свою очередь передаетъ ихъ слѣдующему поколѣнію.

По своему психологическому содержанію, такая передача представляетъ много своеобразнаго. Какъ на сторонѣ обучаемаго младшаго поколѣнія, такъ и на сторонѣ обучающаго старшаго поколѣнія можно прослѣдить психологическія явленія, характерныя для этого процесса передачи накопленныхъ изобрѣтеній изъ поколѣнія въ поколѣніе. Младшіе члены воспринимаютъ то, что имъ преподносятъ старшіе. Основная роль

молодого поколѣнія сводится къ подражательному воспріятію; другими словами, у младшаго поколѣнія выступаетъ съ особой силой моментъ „проэктивный“ въ отношеніи опредѣленнаго содержанія сознанія. Старшее поколѣніе со своей стороны эективируетъ это сильное напряженіе проэктивнаго момента у молодежи. Старики сознаютъ, что они передаютъ накопленныя изобрѣтенія, молодежь воспринимаетъ эти изобрѣтенія. Поэтому старшее поколѣніе съ увѣренностью ожидаетъ сильнаго напряженія проэктивнаго момента у молодежи. Если эта эективація, этотъ разсчетъ на опредѣленное отношеніе молодежи не оправдывается, то возникаетъ возмущеніе. Возмущеніе это будетъ пропорціонально степени важности интересовъ, нарушенныхъ неподтвержденіемъ эективаціи и степени неожиданности отношенія молодежи, иначе выражаясь, сила возмущенія измѣряется степенью пертурбаціи, вносимой даннымъ дѣйствіемъ въ установившіяся соціальныя отношенія. Въ связи съ этой пертурбаціей возникаетъ, какъ мы видѣли выше, сильное, напряженное требованіе со стороны общества, какъ въ лицѣ учителей традиціи старшаго поколѣнія, такъ и въ лицѣ идущей за ними части младшаго поколѣнія, о твердомъ и нерушимомъ соблюденіи традиціи. Дальнѣйшее объясняется изъ общей теоріи императива: изъ эективаціи этого требованія на самого себя, какъ члена среды, возникаетъ въ отношеніи традиціи императивная форма сознанія.

Случаями такихъ императивовъ, возникшихъ исключительно путемъ традиціи, путемъ долговременнаго преданія, полна вся исторія. Вся область обычнаго права, какъ свѣтскаго, такъ и религіознаго, пріобрѣтаетъ свой императивный характеръ черезъ традицію. Извѣстна роль устнаго преданія въ религіи. Множество обрядовъ, догматическое толкованіе священныхъ текстовъ, иногда даже вопросы катехизисовъ разрѣшаются силою преданія. Апостольское преданіе въ христіанствѣ,

передаваясь устнымъ путемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, впослѣдствіи послужило основой для разрѣшенія цѣлаго ряда кардинальныхъ вопросовъ. Аналогичное явленіе наблюдалось и въ другихъ религіяхъ. Сунна, сдѣлавшаяся впослѣдствіи обязательной и даже священной книгой для большей части мусульманскаго міра, была первоначально устно передававшимся собраніемъ изреченій авторитетныхъ толкователей Корана— первыхъ халифовъ. Въ іудаизмѣ Талмудъ составился изъ толкованій авторитетныхъ учителей, и лишь впослѣдствіи, путемъ традиціи, пріобрѣлъ безусловно обязательную силу. Въ области свѣтскаго обычнаго права, какъ мы уже видѣли, безусловная правовая обязательность тоже развивается изъ всеобщаго традиціоннаго соблюденія. Древнѣйшія законодательства всѣхъ народовъ представляютъ лишь своды того, что изстари соблюдалось въ массахъ и жило въ нихъ устнымъ преданіемъ. Римскіе законы XII таблицъ, германскія „Правды“ (салическая, рибуарская, бургундская, алламандская, и др.), Русская Правда у насъ—все это кодексы изстари соблюдаемаго дѣдовскаго преданія. Еще значительно позже, въ самомъ расцвѣтѣ средневѣковой культуры, мы встрѣчаемъ то же явленіе. Эпоха Зерцалъ въ Германіи и соотвѣтственная эпоха Судныхъ Грамотъ у насъ представляютъ ту же кодификацію дѣдовскихъ обычаевъ, старыхъ „пошлинъ“, какъ прямо указываетъ Псковская Судная Грамота [1]). Во Франціи до самой Революціи большая часть государства состояла изъ pays de droit coutumier, гдѣ обычаи представляли главный, почти единственный источникъ права. Въ Англіи и Америкѣ такое юридическое состояніе продолжается до сихъ поръ.

Не только обыденные житейскіе интересы, регулированіе которыхъ составляетъ главное содержаніе обычнаго права, но и самые основные моменты госу-

[1]) Псковская Судная Грамота ст. 1.

дарственной жизни народовъ находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ императивнаго характера традиціи. Возникновеніе парламентовъ въ сословныхъ монархіяхъ (англійскихъ палатъ, французскихъ генеральныхъ штатовъ, испанскихъ кортесовъ и т. д.) служатъ тому яркой иллюстраціей. Вольные феодалы и представители вольныхъ городовъ первоначально созывались королями лишь для того, чтобы дать свое согласіе на новыя обложенія, которымъ нельзя было подвергнуть ихъ помимо ихъ воли. Выраженіе при этомъ всевозможныхъ пожеланій съ ихъ стороны и критика существующихъ порядковъ представляли скорѣе терпимое злоупотребленіе, нежели законное право; но короли, обыкновенно, спѣшили удовлетворить ихъ желаніямъ, чтобы добиться согласія на новыя подати. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе на протяженіи вѣковъ, это удовлетвореніе выраженныхъ пожеланій стало увѣренно эектпвироваться и превратилось въ обязанность короля. Подъ всѣмъ этимъ процессомъ не было никакой иной юридической основы, кромѣ императивности традиціи. Еще въ XVII в. короли изъ династіи Стюартовъ утверждали, что парламентскіе акты не имѣютъ никакой юридической обязательности для короля, ибо право высказываться есть только милость, дарованная парламенту прежними королями [1]). Аналогичное возникновеніе земскаго представительства можно отмѣтить и въ древней Руси. Первый земскій соборъ имѣлъ совершенно пассивную роль и былъ созванъ Іоанномъ Грознымъ, главнымъ образомъ, съ цѣлью объявить населенію, что отнынѣ править будетъ самъ царь, и всѣмъ неправдамъ будетъ конецъ [2]). Но постепенно земскіе соборы

[1]) Ср. напр. Всеобщая исторія съ IV в. до нашего времени подъ руковод. Лависса и Рамбо т. V, Москва, 1898 стр. 586—87.

[2]) См. Владимірскій—Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. 3 изд. Кіевъ 1900 г. стр. 190—191. Ср. С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С.-Петерб. изд. т. VI стр. 45.

созывались все чаще, съ ними совѣщались, они выражали пожеланіе, и эти пожеланія исполнялись. Увѣренная эективація такого исполненія въ послѣдующихъ поколѣніяхъ сдѣлала земскіе соборы законодательнымъ органомъ. Они избирали царей, они утверждали важнѣйшіе государственные акты, и „*Соборное*“ Уложеніе 1649 г. уже носитъ подписи всѣхъ членовъ собора, какъ законодателей.

Также изъ традиціи возникло основное явленіе въ духовномъ правительствѣ католической церкви, папство [1]). Первоначально римскій епископъ былъ равенъ со всѣми остальными. Мало по малу исключительное значеніе столичной римской общины, болѣе авторитетной и болѣе могущественной нежели остальныя, выдвигало роль ея епископа. Съ цѣлью помощи въ отдѣльныхъ трудныхъ случаяхъ римскій епископъ, сперва спорадически, а затѣмъ все чаще сталъ вмѣшиваться въ дѣла другихъ общинъ; путемъ традиціи его вмѣшательство въ трудныхъ случаяхъ стало увѣренно эективироваться, допущеніе этого вмѣшательства сдѣлалось обязательнымъ, и за Римомъ было признано „право на попеченіе“ о другихъ общинахъ. Въ многочисленныхъ контроверзахъ той бурной эпохи авторитетная римская община всегда выходила побѣдительницей. Мнѣнія, отстаивавшіяся ею, впослѣдствіи становились господствующими въ церкви, а мнѣнія противниковъ были осуждены, какъ еретическія. Продолжаясь въ теченіе столѣтій, передаваясь традиціей изъ поколѣнія въ поколѣніе, рѣшающее значеніе голоса римскаго епископа тоже стало эективироваться и пріобрѣло обязательность, несмотря на паденіе самого Рима, несмотря на варварскія завоеванія, несмотря даже на то, что политически Римъ со времени Юстиніана находился подъ властью Константинополя. Возникла увѣ-

[1]) Ср. объ этомъ процессѣ, Всеобщая исторія подъ рук. Лависса и Рамбо т. IV гл. V и гл. VI (конецъ 2 отдѣла и 3 отд.), а также Веберъ Всеобщая исторія т. IV стр. 610.

ренность, что правильно то мнѣніе, которое отстаиваетъ римскій епископъ; папа сдѣлался главою и учителемъ католической церкви, и почти на нашихъ глазахъ ватиканскій соборъ 1879 г. провозгласилъ уже опредѣленно догматъ папской непогрѣшимости.

Всѣ эти историческіе процессы, столь различные съ перваго взгляда, въ дѣйствительности представляютъ частные случаи одного и того же общаго закона императивной силы традиціи. Само собою понятно, что для императивности въ отношеніи традиціи требуется однородность эективнаго сознанія въ данной соціальной средѣ, какъ и для возникновенія императива вообще. Если этой однородности не будетъ и эективируемое на себя самого эективное сознаніе не будетъ имѣть цѣльности, формы императива не возникнетъ. Тогда является „свободное“ отношеніе къ традиціи, исполненіе ея не имѣетъ безусловной обязательной силы. Когда не всѣ передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе подражанія совмѣстимы въ единомъ синтезѣ личности съ новыми изобрѣтеніями, представляющими дальнѣйшую ступень, болѣе адэкватное приспособленіе къ окружающей физической и психологической средѣ, тогда происходитъ нарушеніе традиціи.

Всѣ великіе историческіе переломы носятъ такой характеръ. Реформація съ ея колоссальной ломкой традиціонныхъ представленій въ области религіи, политики и культуры произошла тогда, когда сознанію передовой части общества, воспринявшей гуманистическое теченіе XV и XVI вв., уже слишкомъ рѣзко противорѣчило тогдашнее состояніе католической церкви. Вся идеологія французской революціи, столь рѣзко измѣнившей міросозерцаніе и даже строй европейскаго общества, была прямымъ продолженіемъ умственныхъ теченій XVIII в., Вольтера, энциклопедистовъ и Руссо. Крушеніе въ 1806 г. традиціонной идеи „Священной Римской Имперіи“, которая въ теченіе девяти столѣтій оказывала громадное вліяніе на судьбы З. Евро-

пы, явилось прямымъ слѣдствіемъ ея несоотвѣтствія тому распаду, который произвели въ Имперіи наполеоновскія побѣды. Крушеніе принципа старшинства, на которомъ было основано право на великокняжескій столъ въ удѣльно-вѣчевой системѣ древней Руси, развитіе противоположнаго принципа, что „не голова къ мѣсту, а мѣсто къ головѣ", явилось прямымъ слѣдствіемъ измѣнившихся ооношеній въ княжескомъ родѣ, выдвигавшихъ личную доблесть каждаго князя, а не общую власть всего рода подъ руководствомъ старшаго. Смѣна династій подчинена тому же принципу. Тамъ, гдѣ она происходитъ безъ естественнаго прекращенія прежней, традиціонно властвовавшей династіи, она указываетъ на несоотвѣтствіе этой династіи представленіямъ эпохи о правителѣ, на болѣе адэкватную приспособленность новаго властелина. Вѣковое господство Стюартовъ въ Англіи уступило свое мѣсто Оранской, а затѣмъ Ганноверской династіи, когда „личный режимъ" Стюартовъ сдѣлался несовмѣстимымъ съ развитымъ правосознаніемъ эпохи. Стефанъ Баторій былъ избранъ польскимъ королемъ, прерывая длинную цѣпь королей—Ягеллоновъ, когда опасная война съ Москвою потребовала замѣны ихъ слабаго правленія трансильванскими дружинами Баторія. Даже отдѣльныя изобрѣтенія чисто техническаго свойства способны иногда вызвать крупнѣйшіе перевороты въ традиціонномъ строѣ общества. Паденіе феодализма, упадокъ рыцарской доблести, подчиненіе гордыхъ вассаловъ могуществу королей—все это въ значительной мѣрѣ обусловливалось такой простой технической перемѣной, какъ изобрѣтеніе пороха. Съ битвы при Кресси (1346 г.), гдѣ участвовала первая пушка, историки начинаютъ агонію феодализма. Нельзя не замѣтить, что въ этихъ и всѣхъ подобныхъ имъ случаяхъ паденіе традиціи по существу своему представляетъ моментъ субъективнаго отношенія къ тѣмъ или инымъ традиціоннымъ подражаніямъ, и совершенно не касается вопроса о соціо-

логическомъ значеніи традиціи въ принципѣ, какъ таковой. Безъ принципа передачи накопленныхъ изобрѣтеній въ теченіе многихъ поколѣній ни одно общество существовать не можетъ. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда взрослые индивидуумы восполняютъ недостаточно точную приспособленность традиціонныхъ подражаній новыми изобрѣтеніями, эти самыя изобрѣтенія, представляя дальнѣйшій шагъ въ процессѣ приспособленія, необходимо требуютъ переходныхъ ступеней отъ дѣтскаго лепета къ новаторской мысли ученаго или государственнаго дѣятеля. Традиція играетъ ту роль, что она, предохраняя индивидуумъ отъ гибели на раннихъ стадіяхъ развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяя содержаніе сознанія, даетъ извѣстный матеріалъ, на основѣ котораго возможны новыя болѣе точныя комбинаціи, т. е. новыя изобрѣтенія.

Интересный частный случай различныхъ субъективныхъ оцѣнокъ традиціонныхъ подражаній представляетъ раздѣленіе на этомъ вопросѣ по группамъ: старики, воспринявшіе традиціонныя подражанія и передающіе ихъ молодежи, переживаютъ ихъ въ императивной формѣ, молодое поколѣніе бравируетъ нарушеніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ подражаній. Каждый молодой членъ, бравирующій нарушеніемъ традиціонныхъ подражаній, эктивируетъ на самого себя подобное же отношеніе своихъ товарищей; поэтому получается совершенно своеобразный по содержанію императивъ. Съ другой стороны, каждый членъ старшаго поколѣнія, почитающій традицію, также эктивируютъ на самого себя такое же отношеніе другихъ членовъ, среды которое поэтому въ его сознаніи пріобрѣтаетъ императивную форму. На основѣ оцѣнки традиціи получается рѣзкое лагерное раздѣленіе въ обществѣ. Легко видѣть, что это различіе въ оцѣнкѣ можетъ коснуться одновременно только нѣкоторыхъ изобрѣтеній, а не традиціи въ ея полномъ объемѣ. Въ современной психологіи является аксіомой, что воспринято можетъ быть

лишь то изобрѣтеніе, подражаніе которому подготовлено предшествующимъ содержаніемъ сознанія. Если бы новое изобрѣтеніе сразу опрокинуло во всѣхъ областяхъ всю сумму традиціонно воспринятыхъ подражаній, весь синтезъ личности, то оно не могло бы войти въ сознаніе. Поэтому одновременное крушеніе традиціи во всѣхъ областяхъ представляетъ совершенный nonsens.

Даже въ моментъ наиболѣе крупныхъ историческихъ переворотовъ, даже тогда, когда въ обществѣ проявлялось самое рѣзкое отрицаніе традиціи и желаніе порвать со всѣмъ своимъ прошлымъ, оно было безсильно отрѣшиться отъ этого прошлаго. Великая Французская Революція, столь ненавидѣвшая все воспринятое изъ старой Франціи, что она мѣняла календарь и покрой одежды, въ дѣйствительности оставила совершенно нетронутыми длинный рядъ первостепенныхъ моментовъ въ синтезѣ личности каждаго француза. Французскій языкъ, политическое единство страны, централизація управленія, даже усилившаяся въ революціонную эпоху, сумма достигнутыхъ знаній и культурнаго уровня, литература и искусство старой Франціи—все это не было вырвано Революціей изъ духовной жизни французскаго народа; производство и обмѣнъ, не измѣнились въ своей экономической природѣ, а измѣнились только отдѣльныя нормы ихъ регламентаціи; въ области гражданскаго права измѣненіе свелось почти исключительно къ кодификаціи; въ области религіи попытка отмѣнить христіанство и провести культъ Разума разбилась объ устойчивость традиціонныхъ вѣрованій общества. Даже этотъ грандіозный историческій переворотъ не разорвалъ исторической и психологической преемственности, не уничтожилъ сразу всего воспринятаго изъ прошедшихъ столѣтій, и замѣнилъ только нѣкоторыя изъ традиціонныхъ подражаній группой новыхъ болѣе адэкватныхъ приспособленій.

На ряду съ императивностью характерную черту психологическаго содержанія процесса передачи со-

ставляетъ особый піэтетъ традиціи. Черезъ сходную со старшимъ поколѣніемъ эективацію подражаній устанавливается у молодежи связь съ тѣми предыдущими поколѣніями, которыя накопляли и соотвѣтственно эективировали эти подражанія, заимствованныя стариками. Поле дѣйствія эективаціи подражанія безмѣрно расширяется; сюда входятъ безчисленныя поколѣнія, накоплявшія и сходно эективировавшія подражанія.

Если въ художественной литературѣ возможны сюжеты изъ прошлыхъ вѣковъ, если возможны попытки найти психологическую послѣдовательность въ переживаніяхъ и дѣйствіяхъ предковъ, то это только потому, что мы предполагаемъ предковъ въ извѣстной степени сходными съ собою, что мы эективируемъ на нихъ подражанія изъ своего собственнаго субъективнаго сознанія. Поскольку исторія поддается для насъ объясненію, посколку мы въ состояніи проникнуть въ духъ и смыслъ прошлыхъ вѣковъ—постольку можно сказать, что между нами и предками существуетъ соціальная связь. Отрицаніе этой связи заключало бы въ себѣ отрицаніе всей исторической науки и значительной части художественной литературы. Быть можетъ, именно, по этой линіи будущая болѣе точная классификація наукъ проведетъ грань между прагматической наукой исторіей и описательной наукой археологіей. Постоянный субъективный корреллатъ соціальной связи, императивныя формы, основанныя на эективаціи эективнаго сознанія, также наблюдаются въ отношеніяхъ потомковъ къ предшествующимъ поколѣніямъ. Такія понятія, какъ „стыдно передъ предками“, „честь предковъ не позволяетъ извѣстнаго поступка“, служатъ тому яркимъ доказательствомъ. Въ литературѣ можно найти разительные примѣры этого рода. На этомъ построенъ захватывающій драматизмъ знаменитой сцены въ портретной галлереѣ въ „Эрнани“ В. Гюго. Герцогъ Сильва колеблется между обязанностью защитить гостя съ одной стороны, долгомъ вассала и личной ненавистью

къ Эрнани съ другой. Но портреты доблестныхъ предковъ, вѣрно хранившихъ завѣты рыцарскаго гостепріимства, охраняютъ гостя непреодолимой преградой. Долгъ передъ предками безсильны сломить и ненависть къ Эрнани, и любовь къ доннѣ Сольи. Въ романѣ Бласко Ибаньеса „Мертвые повелѣваютъ“ очерчено безсиліе молодой души, разбивающейся въ попыткѣ освободиться отъ власти мертвыхъ, неизмѣнно правящихъ своими потомками.

Вся гигантская лѣстница соціальной связи съ прошлыми поколѣніями построена такимъ образомъ, что у членовъ общества напряженность проэктивнаго сознанія возрастаетъ въ восходящемъ порядкѣ. Каждое молодое поколѣніе въ вопросахъ традиціи находится въ отношеніи своихъ родителей въ напряженномъ проэктивномъ состояніи. Но сами родители, въ свою очередь, находятся на проэктивномъ полюсѣ въ отношеніи дѣдовъ. Это проэктивное состояніе средняго поколѣнія которое естественно эективируется каждымъ изъ его членовъ на всѣхъ остальныхъ, начинаетъ эективироваться на членовъ средняго поколѣнія также и подрастающей молодежью по мѣрѣ ея вступленія въ сферу тѣхъ же соціальныхъ отношеній. Если молодое поколѣніе находится на проэктивномъ полюсѣ въ отношеніи своихъ отцовъ, то въ отношеніи дѣдовъ, напряженная проэктивность, къ которымъ эективируется даже на своихъ отцовъ, проэктивность внуковъ, разумѣется, возрастаетъ еще болѣе. Такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ восходящей линіи наростаетъ проэктивность. „Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе“ говоритъ русская пословица. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе съ наростающей силой, авторитетъ традиціи переходитъ въ преклоненіе у болѣе далекихъ потомковъ. Древнія преданія сѣдой старины, всегда съ особымъ обаяніемъ, съ особымъ преклоненіемъ воспринимаются потомками. Повсюду, гдѣ удавалось прослѣдить процессъ образованія религіозной миѳологіи, оказывалось, что она происходитъ

изъ древнихъ, освященныхъ вѣками, героическихъ сагъ. Еще въ историческое время преданія о Гераклѣ имѣли отчетливый героическій характеръ, а въ концѣ античнаго міра ему уже воздвигались храмы. Знаменитый Миносъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи въ греческой миѳологіи однимъ изъ трехъ судей преисподней, былъ исторически реальнымъ критскимъ царемъ. Героическія сказанія римлянъ о своихъ первыхъ царяхъ перешли въ послѣдующихъ вѣкахъ въ культъ Ромула и Нумы Помпилія. Германскія и особенно скандинавскія саги представляютъ ясную, очевидную переходную стадію отъ героическаго преданія къ миѳологическому. Наряду съ эпическими преданіями, такой же характеръ религіознаго почитанія пріобрѣтаютъ на протяженіи вѣковъ и этико-философскія системы. Ни буддизмъ, ни конфуціанство не были основаны, какъ религія: это были только философскія ученія великихъ мудрецовъ. Лишь послѣдующіе вѣка сдѣлали богомъ Будду и провозгласили религіей ученіе Конфуція. Даже въ европейскомъ мірѣ аналогичныя явленія возникали въ школѣ пиѳагорейцевъ и нео-платониковъ, отдаленныя поколѣнія которыхъ, преклоняясь передъ философскимъ преданіемъ своей школы, объявляли его религіей. Культъ предковъ, столь развитый на Востокѣ и въ античномъ мірѣ, господствующій до сихъ поръ у мало культурныхъ народовъ, представляющій, какъ устанавливаетъ современная наука, одинъ изъ первыхъ зародышей религіи вообще [1]) ярко иллюстрируетъ піэтетъ къ старинѣ, соціальная связь съ которою продолжается у потомковъ. Піэтетъ родовыхъ замковъ, старинныхъ портретовъ и преданій историческихъ руинъ—все это представляетъ частный случай того-же закона. Въ художественной литературѣ обаяніе прошлаго отразилось съ особенной силой въ романтическомъ теченіи. Постоянно

---

[1]) См. М. Ковалевскій. Соціологія т. II гл. IX, Тейлоръ. Исторія первобытнаго человѣчества.

обращаясь, постоянно взывая къ этому чувству обаянія былого, романтизмъ окружалъ прошедшіе вѣка красивой дымкой поэтической легенды. Онъ стремился слиться съ ними и вмѣсто того преклонился передъ ними. Во всѣхъ областяхъ духовной жизни преданіе, воспринятое потомками, почитается ими тѣмъ болѣе, чѣмъ оно древнѣе. И въ научныхъ трудахъ, и въ поэтическихъ твореніяхъ, и въ буряхъ политической борьбы, и въ игривомъ салонномъ разговорѣ—вездѣ мы можемъ встрѣтить одно и то же представленіе о преданіи *„освященномъ вѣками“*.

Особымъ обаяніемъ, которымъ окружена традиція и ея императивнымъ характеромъ объясняется трудность ея критики. Эта трудность еще увеличивается въ зависимости отъ самаго способа пріобрѣтенія традиціонныхъ подражаній. Способъ этотъ—простое внушеніе, путь производно-субъ-кортикальнаго подражанія. Поэтому моментъ критики, моментъ перехода отъ внушенія къ наивысшему напряженію сознательной жизни, по самому существу своему противорѣчитъ способу воспріятія традиціонныхъ подражаній индивидуальнымъ сознаніемъ. Тѣмъ болѣе, когда пріобрѣтенныя путемъ внушенія традиціонныя подражанія принимаютъ въ индивидуальномъ сознаніи форму императива, особымъ піэтетомъ, затруднительной становится критика.

Главной хранительницей традиціи въ обществѣ служитъ семья. Ея основная задача состоитъ въ воспитаніи молодого поколѣнія, въ передачѣ ему накопленныхъ изобрѣтеній и приспособленностей. Родители являются учителями, дѣти—учениками. Наиболѣе существенный моментъ семейной передачи—что въ семьѣ традиція не ограничивается какой-либо одной областью. Родители передаютъ дѣтямъ по возможности всѣ основныя и громадное количество второстепенныхъ подражаній. Этимъ обусловливается особо тѣсная связь, существующая между членами семьи. Семья въ соціологическомъ смыслѣ

образуется эективаціей не какого либо одного опредѣленнаго подражанія, а громаднаго количества самыхъ разнообразныхъ подражаній, въ особенности же основныхъ въ синтезѣ личности. Какое нибудь основное подражаніе и сопровождающія его болѣе мелкія достаточны для образованія соціальной связи между членами отдѣльныхъ соціальныхъ круговъ, напр., религіозныхъ, профессіональныхъ и т. д. Семья характеризуется еще несравненно болѣе сильной соціальной связью, нежели самый тѣсный изъ остальныхъ общественныхъ круговъ. Объединяя своихъ членовъ эективаціей значительной части содержанія ихъ личности, семья пересѣкаетъ громадное большинство линій соціальности. Если бы возможна была взаимная эективація всѣхъ подражаній, входящихъ въ синтезъ личности ея членовъ, то это былъ бы логическій предѣлъ соціальной семьи; соціальное сходство превратилось бы въ тождество. Но именно потому такое пересѣченіе семьею всѣхъ рѣшительно соціальныхъ линій невозможно. Какъ мы увидимъ ниже, личный синтезъ одного индивидуума не можетъ быть цѣликомъ перенесенъ на другое конкретное лицо. Такая эективація всего личнаго синтеза не можетъ имѣть длительнаго субъективнаго подтвержденія, иначе это означало бы, что двѣ или нѣсколько соціальныхъ личностей абсолютно тождественны, что, какъ увидимъ, невозможно [1]). Каждая личность имѣетъ свою біологическую индивидуальность, на основѣ которой происходитъ преимущественное пріобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ подражаній, преломленныхъ въ конкретной соціальной средѣ. Посредствомъ же эективаціи этихъ пріобрѣтенныхъ подражаній данная личность становится членомъ различныхъ пересѣкающихся и концентрическихъ соціальныхъ круговъ. Къ взаимодѣйствію этихъ элементовъ психо-физіологическаго и соціально-біографиче-

[1]) См. выше стр. 66.

скаго мы еще вернемся. Здѣсь же ограничимся только замѣчаніемъ, что эектпвація всѣхъ подражаній, входящихъ въ синтезъ личности, происходитъ только по частямъ, и тогда она образуетъ пересѣкающіеся и концентрическіе круги, *составленные изъ разныхъ лицъ*. Перенесеніе же своего личнаго синтеза полностью на другое лицо или, другими словами, тождество двухъ соціальныхъ личностей совершенно не мыслимо. Поэтому, какъ математическая перемѣнная величина никогда не можетъ достигнуть своего предѣла, такъ и семья, фактически существующая, никогда не можетъ дойти до той полной эективаціи всѣхъ подражаній, которыя составляютъ ея логическій предѣлъ. Можно говорить только о большей или меньшей близости къ нему, о болѣе или менѣе тѣсной связи въ зависимости отъ количества и психологическаго значенія эективируемыхъ подражаній.

Кромѣ этой особо тѣсной связи между членами семьи, изъ психологическаго содержанія процесса передачи вытекаетъ другая особенность этой формы соціальности: свойственная ей группировка, своеобразное распредѣленіе ролей между родителями и дѣтьми. Родители являются учителями, представителями традиціи въ отношеніи дѣтей. Все обаяніе традиціи, ея императивная форма придаютъ наставленіямъ родителей характеръ святости и нерушимости, и создаютъ особую добродѣтель дѣтей—послушаніе. Это послушаніе дѣтей лежитъ въ природѣ традиціи, и свойственные традиціи піэтетъ и императивность придаютъ ему въ субъективномъ сознаніи тотъ же оттѣнокъ обязательности и обаянія. Съ другой стороны, дѣти являются учениками своихъ родителей. Безпомощныя и неразвитыя на первыхъ стадіяхъ своей жизни, дѣти воспринимаютъ то, что имъ преподносятъ родители. Пріобрѣтая накопленныя изобрѣтенія, духовная личность дѣтей постепенно развивается до тѣхъ поръ, пока не уравнивается съ остальными взрослыми членами среды.

Съ того момента, когда воспитательная задача сознается старшимъ поколѣніемъ, каждый родитель эективируетъ на самого себя эективное сознаніе другихъ членовъ старшаго поколѣнія. Получается форма императива. Самая эта задача попеченія о дѣтяхъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и становится традиціоннымъ подражаніемъ. Каждый родитель эективируетъ эту задачу воспитанія дѣтей на своего отца, на своего дѣда, на безчисленное количество предшествовавшихъ поколѣній. Попеченіе о дѣтяхъ пріобрѣтаетъ въ сознаніи родителей императивность и піэтетъ традиціи.

Такимъ строемъ характеризуется соціальная семья въ теченіе всего періода воспитанія молодого поколѣнія. Когда же духовно развившіяся личности дѣтей уравниваются съ остальными членами среды, созрѣваютъ для самостоятельной жизни,—въ семьѣ естественно наступаетъ распаденіе. Напряженность проэктивнаго состоянія молодежи уменьшается; а въ связи съ этимъ увѣренная эективація этой проективности со стороны старшаго поколѣнія рѣзко ли, частично ли не подверждается. Въ какихъ формахъ протекаетъ это субъективное неподтвержденіе, насколько оно рѣзко и неожиданно, выливается ли въ острый конфликтъ или же въ медленный затяжной процессъ—это зависитъ, конечно, отъ конкретныхъ историческихъ и индивидуально-психологическихъ условій. Но конечный результатъ вездѣ одинъ: прекращеніе воспитательной роли соціальной семьи и соотвѣтственное распаденіе свойственной ей группировки.

Само собою понятно, что сложная соціальная группировка семьи всего естественнѣе должна была возникнуть на почвѣ біологической семьи. Семейное начало чрезвычайно распространено у животныхъ. Къ сожалѣнію, анализъ біологической семьи не входитъ въ нашу задачу въ настоящій моментъ. Думается, что явленіе семьи не составляетъ исключенія и можетъ

быть поставлено въ связь съ общимъ вопросомъ о сходствахъ и различіяхъ между человѣческими обществами и животными группами. Съ этимъ послѣднимъ вопросомъ мы еще встрѣтимся. Въ данный моментъ насъ интересуетъ исключительно соціальная природа семьи, а для нея являются въ высшей степени характерными особо тѣсная соціальная связь между ея членами и спеціальная вполнѣ сознаваемая членами семьи группировка на учителей—родителей и учениковъ—дѣтей.

Для существованія соціальной семьи нѣтъ безусловной необходимости въ кровномъ родствѣ. Кровное родство представляетъ только наиболѣе естественный путь ея возникновенія. Въ соціологическомъ смыслѣ семья будетъ вездѣ, гдѣ имѣется тѣсная соціальная связь по многимъ линіямъ, охватывающимъ значительную часть синтеза личности и спеціальная группировка, преломляющаяся въ сознаніи членовъ соотвѣтственными формами императива и піэтета. Яркой иллюстраціей этого положенія служитъ юридическій институтъ усыновленія. При усыновленіи кровная связь отсутствуетъ, а между тѣмъ соціальная семья безусловно образуется и сознается, какъ таковая, всей окружающей психологической средой, что и выражается соотвѣтственными юридическими послѣдствіями. Въ идеѣ своей соціальную семью безъ кровнаго родства представляютъ монастыри съ братіей—монахами и игуменомъ—отцомъ. Характеръ соціальной семьи въ идеѣ своей имѣютъ также закрытыя учебныя заведенія съ наставниками и воспитанниками; предполагая полное отсутствіе формализма, которое бы дало возможность установиться тѣсной соціальной связи, мы получили бы соціальную семью.

Непосредственная основа соціальной семьи—передача молодому поколѣнію накопленныхъ изобрѣтеній опредѣляетъ зависимость степени соціальнаго единенія между членами семьи отъ той роли, которую играютъ

традиціонныя подражанія въ синтезѣ личности молодыхъ членовъ. Если новыя изобрѣтенія, присоединяющіяся къ традиціоннымъ, незначительно измѣняютъ синтезъ личности, если измѣненіе этого синтеза происходитъ постепенно на протяженіи многихъ поколѣній, если преобладаніе въ синтезѣ личности имѣютъ традиціонныя изобрѣтенія, — тогда соціальная связь между отцами и дѣтьми наиболѣе тѣсная и полная, единеніе семьи находится въ своемъ апогеѣ. Наоборотъ, въ бурныя эпохи, когда новыя изобрѣтенія рѣзко измѣняютъ синтезъ личности, когда традиція служитъ только переходной ступенью, однимъ изъ этаповъ развитія, на почвѣ котораго выростаетъ другой синтезъ личности, знаменующійся преобладаніемъ новыхъ изобрѣтеній,—въ эти эпохи слабѣетъ связь между представителями традиціи—отцами, и реформаторами—дѣтьми, семья близится къ распаду. Таковы эпохи кризисовъ, затрагивающихъ сферу основныхъ въ опредѣленный историческій моментъ подражаній, напр., религіозныхъ, политическихъ и т. д. Во время ожесточенной борьбы Гвельфовъ и Гиббелиновъ, когда съ одной стороны традиціонное представленіе о священной всемірной власти римскаго императора столкнулось съ возвышавшимся папствомъ, а съ другой стороны традиціонныя идеи германскаго и итальянскаго феодализма встрѣтили энергичный отпоръ со стороны властолюбивыхъ Гогенштауфеновъ, кризисъ, разразившійся въ Германіи и Италіи, въ корнѣ разорвалъ единство семьи. Феодальные замки той эпохи были полны взаимными интригами, убійствами и отравленіями между родичами; члены одной семьи, принадлежавшіе къ разнымъ партіямъ, становились врагами и съ ненавистью встрѣчались на полѣ сраженія. Когда борьба между католиками и гугенотами раздирала Францію, взаимное ожесточеніе рвало всѣ семейныя узы, и въ проскрипціяхъ Варѳоломеевской ночи фигурировали ближайшіе родственники ея вдохновителей. Культурный кризисъ, проис-

шедшій въ половинѣ прошлаго вѣка у насъ въ Россіи всею своею тяжестью обрушился на единство семьи. Въ романахъ Тургенева столкновеніе между родителями и дѣтьми является одной изъ самыхъ животрепещущихъ темъ. „Рудинъ“, „Наканунѣ“ и особенно „Отцы и Дѣти“ съ ихъ драматической коллизіей, построенной всецѣло на столкновеніи двухъ поколѣній, навсегда запечатлѣли этотъ кризисъ въ литературѣ. Всѣ кризисы исторіи, сопровождаются внутреннимъ распадомъ въ семьѣ; и Христосъ, проповѣдуя свое ученіе, предсказывалъ такой распадъ, какъ результатъ коллизіи между язычниками и христіанами, когда говорилъ: „Отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца, мать противъ дочери и дочь противъ матери; свекровь противъ невѣстки своей и невѣстка противъ свекрови своей“ [1]).

Въ различныя историческія эпохи семья принимаетъ различныя формы, различна степень ея сплоченности и даже самая роль ея въ обществѣ. Но этотъ вопросъ относится уже къ области историческихъ категорій общества, и мы вернемся къ нему въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. Здѣсь же для насъ было важно только отмѣтить роль семьи, какъ хранительницы и и передаточнаго механизма традиціи. Отсюда объясняется представленіе, существующее у всѣхъ народовъ, по которому члены семьи особенно похожи другъ на друга, по которому доблести и пороки однихъ членовъ семьи общество приписываетъ и другимъ ея членамъ. Общеизвѣстное явленіе, что на отношеніе общества къ каждому члену вліяютъ (особенно въ древнія времена) заслуги и прегрѣшенія его родичей, происходитъ именно изъ этой причины. „По отцу и сыну честь“, говоритъ старая русская пословица; то же явленіе наблюдается у всѣхъ другихъ народовъ. Если у народовъ и племенъ съ монархическимъ устройствомъ власть переходитъ по смерти вождя или монарха

[1]) Евангеліе отъ Луки гл. 12 ст. 53.

именно къ членамъ его семьи, то объясненіе этому факту нужно искать въ представленіи общества о существенномъ сходствѣ членовъ семьи между собою. У негрскихъ племенъ, гдѣ отношенія вождя къ племени не опредѣляются никакими твердыми нормами, власть вмѣстѣ съ военнымъ предводительствомъ переходитъ къ сыну умершаго вождя или къ одному изъ доблестныхъ родственниковъ [1]). Также и у германскихъ племенъ переходъ предводительства къ сыну не былъ основанъ на какой либо юридической нормѣ, а происходилъ черезъ свободное поднятіе на щитъ [2]) въ силу презумпціи въ сходствѣ съ отцомъ. Такова первоначальная историческая основа династій. То же явленіе и связанное съ нимъ образованіе династій повторяется и въ значительно болѣе позднее время тамъ, гдѣ существовало свободное избраніе королей. Германскій имперскій сеймъ, нѣсколько разъ подрядъ избиравшій Люксенбурговъ, на протяженіи вѣковъ избиравшій подрядъ Габсбурговъ, юридически никогда не былъ связанъ въ своемъ правѣ выбора ни съ тою, ни съ другою семьей. Польша въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій имѣла королей изъ семьи Ягеллоновъ, а между тѣмъ, юридически сеймъ могъ избрать королемъ кого угодно и иногда, при исключительныхъ случаяхъ, даже пользовался этимъ своимъ правомъ. XIX столѣтіе обогатило исторію двумя новыми яркими примѣрами такого образованія династіи: только благодаря имени своего великаго дяди, Наполеонъ III достигъ императорскаго трона, только благодаря имени своего отца Филиппа Egalité, Луи Филиппъ былъ провозглашенъ въ 1830 г. королемъ Франціи. Та же презумпція, что сынъ будетъ продолжать традиціи, переданныя

---

[1]) Исторія человѣчества подъ ред. проф. Гельмольта т. III отд. 3 pass., также таблицы въ приложеніи.

[2]) Веберъ. Всеобщая исторія, перев. со 2 нѣмец. изд. Москва, 1886 т. IV, стр. 124, также 126—27.

ему отцомъ, лежитъ въ основѣ родовой аристократіи. Внѣшніе знаки аристократизма, преемственность почестей, титуловъ и гербовъ базируютъ на этой идеѣ.

Съ другой стороны, какой либо позоръ, какое либо безчестье, которому подвергся одинъ изъ членовъ семьи, также падаетъ на всѣхъ остальныхъ. Древнерусское мѣстничество порождено этимъ явленіемъ. Бояры скорѣе соглашались на царскую опалу и иногда даже на казнь, нежели на то, чтобы сѣсть ниже худороднаго, ибо это была бы „*pody* поруха“ Германская имперская опала (Keichsacht) падала не только на виновнаго, но и на его потомство. Библія осуждаетъ грѣшниковъ съ ихъ потомствомъ до третьяго и четвертаго поколѣній [1]). Въ мало развитомъ уголовномъ правѣ наказанія очень рѣдко падаютъ только на личность преступника, а почти всегда захватываютъ и его семью [2]). Восточные деспоты, обыкновенно осуждали на казнь всю семью преступника; въ древней Руси выдача „на потокъ и разграбленіе“ происходила съ женой и дѣтьми [3]).

При такомъ значеніи семейнаго происхожденія, понятно, почему у всѣхъ народовъ существуетъ стремленіе обозначить каждаго члена общества не только его собственнымъ именемъ, но также указаніемъ на его происхожденіе. Древніе римляне и народы современной Европы употребляютъ для этой цѣли особыя родовыя имена, общія всѣмъ членамъ рода. У народовъ семитическихъ, у древнихъ грековъ и у славянскихъ племенъ каждый человѣкъ обозначается, кромѣ его собственнаго имени, также именемъ его отца; повидимому, такой же способъ обозначенія существовалъ и у кельтовъ [4]). Во всѣхъ этихъ историческихъ явленіяхъ

[1]) Исходъ, гл. 34 ст. 7.

[2]) Таганцевъ. Лекціи по русскому уголовному праву. вып. III С-Петербургъ, 1890 г. стр. 1212—13.

[3]) Новгородская первая лѣтопись подъ 1209 г. и подъ 1230 г., ср. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, Кіевъ 1905 г. стр. 338.

[4]) См. Шотландскія кельтскія легенды.

смыслъ одинъ и тотъ же: презумпція особаго сходства между членами семьи, какъ воспринявшими одни и тѣ же подражанія черезъ общую семейную традицію.

Традиція представляетъ, такимъ образомъ, то начало косности сохраненія существующаго состоянія, которое, подобно инерціи въ физикѣ, поддерживаетъ соціальное равновѣсіе. Если правы біологи, называя наслѣдственность „органической инерціей“, то столь же правильно будетъ назвать традицію „соціальной инерціей“. Измѣняющій моментъ въ обществѣ представленъ вторымъ основнымъ явленіемъ соціальной жизни, творчествомъ, изобрѣтеніемъ.

Техническая сущность изобрѣтенія блестяще выяснена психологической школой въ соціологіи [1]). Изобрѣтеніе представляетъ собою комбинацію двухъ или нѣсколькихъ подражаній. Чтобы въ мозгу изобрѣтателя могла возникнуть комбинація, элементы этой комбинаціи, понятно, должны заключаться въ содержаніи его сознанія. Поэтому, чѣмъ большее количество накопленныхъ подражаній имѣется въ данной соціальной средѣ, тѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе будутъ новыя изобрѣтенія. Такова индивидуально-психологическая сторона дѣятельности изобрѣтателя.

Соціальная-же роль изобрѣтенія имѣетъ своимъ центральнымъ моментомъ его подражательное распространеніе въ обществѣ. Поэтому для соціолога основной задачей является выясненіе условій распространенія изобрѣтенія въ обществѣ.

Конечно, рѣшающая роль въ этомъ вопросѣ не можетъ принадлежать біологическимъ условіямъ распространенія подражанія. Съ біологической точки зрѣнія, какъ мы видѣли выше, крайнимъ предѣломъ подражательнаго распространенія новыхъ приспособленій является сходство структуръ и функцій, но

---

[1]) Tarde. Logique Sociale, les lois de l'invention V, VI. Baldwin Interpret. soc. et mor. des princ. du devel. ment. ch. III, IV, V.

въ обществѣ предѣлъ гораздо болѣе узокъ. Ни одна соціальная среда не является въ соціологическомъ смыслѣ tabula rasa. Каждая группа имѣетъ свое прошлое, свою традицію, свои накопленныя подражанія.

Въ принципѣ способно къ подражательному воспріятію лишь то изобрѣтеніе, къ которому данный воспринимающій субъектъ уже подготовленъ, которое не является абсолютно чуждымъ для его сознанія. Всякое изобрѣтеніе слагается изъ предшествующихъ подражаній, и новой является только комбинація. Очевидно, если эти составляющія подражанія, изъ комбинацій которыхъ слагается изобрѣтеніе, совершенно не входятъ въ содержаніе сознанія даннаго субъекта, совершенно ему неизвѣстны, то новая комбинація, созданная изобрѣтателемъ, будетъ для этаго субъекта terra incognita. Онъ не отнесется къ ней ни положительно, ни отрицательно: она просто его не коснется, не войдетъ въ его сознаніе. Таково, напр., отношеніе не спеціалиста къ наиболѣе тонкимъ спеціальнымъ изобрѣтеніямъ. Яркій примѣръ такого же рода можно найти въ извѣстномъ разсказѣ о финнахъ Тацита, который былъ совершенно неспособенъ воспринять дѣйствительную жизнь финновъ и полагалъ, что финны не имѣютъ боговъ, не боятся людей, не знаютъ никакихъ желаній и наслаждаются полнымъ блаженствомъ.

Все духовное богатство античнаго міра, поскольку его памятники сохранялись, въ эпоху среднихъ вѣковъ оставалось непонятымъ и невоспринятымъ. Изъ греческой философіи средневѣковые ученые заимствовали лишь нѣкоторые отрывки Аристотеля, богатство же платоновской системы дошло до эпохи Возрожденія даже не затронутымъ. Огромная Юстиніановская компиляція, сведшая во едино творенія римскаго правового генія за нѣсколько вѣковъ, оставалась совершенно не использованной до половины XII в., и, вмѣсто Corpus Juris, нелѣпыя конспективныя изложенія въ leges го-

manao barbarorum служили матеріаломъ для изученія псевдо-римскаго права; а позднѣе, когда глоссаторы обратились къ изученію того памятника, изъ котораго наша эпоха черпаетъ въ подавляющей массѣ свои обширныя знанія по римскому праву, представленія средневѣковыхъ юристовъ о римлянахъ все же напоминали представленія Тацита о финнахъ [1]). Памятники древняго искусства стояли у всѣхъ на глазахъ, но средневѣковье ихъ не восприняло, его собственныя художественныя попытки устремились въ направленіи готическаго искусства, а дивные дворцы, храмы и амфитеатры древняго Рима служили каменоломней для средневѣковыхъ мраморщиковъ. Аналогичныя явленія имѣли мѣсто съ высокой культурой мексиканскихъ ацтековъ при завоеваніи Новаго Свѣта испанцами.

Такіе случаи возможны только подъ условіемъ полной отчужденности отъ той конкретной сферы подражаній, изъ которой данныя изобрѣтенія возникаютъ. Въ этихъ случаяхъ соціальное значеніе изобрѣтенія относится къ совершенно иному соціальному кругу. Изобрѣтеніе не соотвѣтствуетъ и не противорѣчитъ содержанію сознанія даннаго субъекта, а просто съ нимъ соизмѣримо.

Но и въ случаяхъ соизмѣримости съ индивидуальнымъ сознаніемъ даннаго субъекта еще не предрѣшенъ вопросъ о субъективномъ отношеніи къ новому изобрѣтенію. Если составляющія подражанія входятъ въ содержаніе сознанія даннаго субъекта, это еще не предопредѣляетъ воспріятія конкретной новой комбинаціи тѣхъ же подражаній. Въ системѣ личности эти подражанія не стоятъ отдѣльно, внѣ связи съ другими подражаніями. Система личности представляетъ цѣль-

---

[1]) Ср. напр. Шершеневичъ. Исторія философіи права 2 изд. Петербургъ, 1907 г. стр. 183—85. С. Муромцевъ. Рецепція римскаго права на Западѣ стр. 28—29.

ный синтезъ всѣхъ уже осуществленныхъ приспособленностей. Постепенный процессъ приспособленія къ окружающей физической и психологической средѣ, отражаясь единымъ синтезомъ въ субъективномъ самосознаніи, вырабатываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и субъективный критерій этого приспособленія. Если приспособленіе совершалось болѣе или менѣе правильно, (правильность приспособленія доказывается въ отношеніи къ физической средѣ—выживаніемъ, въ отношеніи къ психологической—существованіемъ соціальной связи),— то полное отраженіе этого процесса въ сознаніи вызываетъ и сознаніе соотвѣтствія между осуществляемымъ приспособленіемъ и окружающей физической и психологической средой. Другими словами, случаи правильнаго приспособленія оставляютъ неизгладимый слѣдъ въ личномъ самосознаніи и служатъ субъективнымъ масштабомъ для дальнѣйшаго приспособленія. Синтезъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ подражаній, всѣхъ случаевъ правильнаго приспособленія образуетъ поэтому постоянный субъективный критерій, которому подвергаются всѣ новые элементы, входящіе въ сознаніе. Личность характеризуется, именно, въ силу своей систематичности своимъ субъективнымъ критеріемъ вѣры [1]). Въ силу принципа этого субъективнаго критерія каждый новый элементъ, входящій въ субъективное сознаніе, въ данномъ случаѣ, новая комбинація, составляющая изобрѣтеніе, можетъ быть принятъ лишь при соотвѣтствіи общему синтезу личности. Если изобрѣтеніе по существу чуждо сознанію даннаго лица, если составляющія подражанія ему не знакомы, то конкретная комбинація этихъ подражаній даже не дойдетъ до его сознанія, даже не за-

[1]) Къ этому же выводу приходитъ Болдуинъ въ его тонкой и блестящей теоріи моторнаго происхожденія абстрактныхъ понятій, всей системы мышленія и субъективнаго критерія вѣры. Thougth and. Things; Dev. and Evol. ch. XVII (Selective Thinking); Духовн. разв. дѣтск. индив. и челов. рода т. II гл. XI § 1. Handbook of Psychology II, p. 158—171.

тронетъ синтеза его личности, а потому и не подвергнется никакой оцѣнкѣ съ его стороны. Если же, наоборотъ, составляющія подражанія знакомы данному субъекту, то предлагаемая ему новая комбинація, непосредственно соприкасаясь съ уже осуществленнымъ синтезомъ личности, внося въ этотъ синтезъ новый элементъ, неизбѣжно вызоветъ реакцію со стороны индивидуума. Реакція эта выражается въ сильномъ напряженіи всего личнаго синтеза, въ критикѣ, въ оцѣнкѣ. Если изобрѣтеніе соотвѣтствуетъ синтезу личности, то оно критику выдержитъ и будетъ принято; если же оно противорѣчитъ этому синтезу, то оно будетъ отвергнуто. Когда буквальные тексты Священнаго Писанія занимали господствующее, подавляющее мѣсто въ духовной жизни, испанскіе прелаты текстами доказывали Колумбу, что земля не можетъ быть шаромъ, а римская курія видѣла ересь въ ученіяхъ Галлилея и Коперника. Братья Гракхи, идеи которыхъ въ слѣдующемъ за ними столѣтіи легли въ основу Цезаревской аграрной и муниципальной программы, въ свою эпоху были осуждены. Уиклифъ въ Англіи предвосхитилъ на полтора столѣтія реформацію и былъ отвергнутъ своимъ временемъ, какъ мечтатель. Объединеніе Германіи, мысль о которомъ въ первой половинѣ XIX в. преслѣдовалась прусскимъ правительствомъ, какъ революціонная фантазія, въ 60-хъ годахъ сдѣлалась его собственнымъ лозунгомъ. Почти на нашихъ глазахъ великій Гладстонъ погубилъ свою блестящую политическую карьеру на вопросѣ объ ирландскомъ гомрулѣ, который теперь стоитъ наканунѣ своего осуществленія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ новое изобрѣтеніе отвергалось только потому, что сознаніе эпохи еще не было къ нему подготовлено. Подражательное распространеніе изобрѣтеній, въ томъ или иномъ соціальномъ кругу, основано на существенномъ сходствѣ субъективнаго сознанія изобрѣтателя съ субъективнымъ сознаніемъ другихъ членовъ круга. Отсюда опредѣляет-

ся для каждаго изобрѣтенія особая область распространенія, согласно закону пересѣкающихся и концентрическихъ круговъ общественности.

Подражательное распространеніе изобрѣтенія еще облегчается, какъ справедливо замѣчаетъ Болдуинъ, громадной привычкой къ подражанію [1]). Весь процессъ индивидуальнаго развитія совершается посредствомъ подражательнаго пріобрѣтенія приспособленностей отъ окружающей среды. Полезность подражанія въ жизни индивидуума и вида вызываетъ его упроченіе въ теченіи эволюціи вида. Привычка къ подражанію, закрѣпленная естественнымъ отборомъ, передается путемъ наслѣдственности. Этой привычкой въ значительной степени обусловливается способность пріобрѣтать то громадное количество подражаній, которое характеризуетъ члена цивилизованнаго общества.

Привычка къ подражанію объясняетъ стихійное распространеніе нѣкоторыхъ новыхъ изобрѣтеній. Многія изобрѣтенія при своемъ распространеніи прививаются безъ сильнаго напряженія личнаго синтеза, безъ критики, исключительно простымъ внушеніемъ. Таковы явленія „моды“, которыя Тардъ наряду съ обычаемъ характеризуетъ, какъ „внѣ-логическія“ подражанія [2]). Въ сознаніи изобрѣтателя такое изобрѣтеніе имѣетъ большей частью свое обоснованіе, является продуманнымъ. Сокращенный же способъ распространенія въ періодѣ новизны изобрѣтенія объясняется привычкой подражать. Въ эпоху упадка древняго Рима, когда культы старыхъ боговъ перестали удовлетворять общество, и лучшіе умы обратились къ исканіямъ, культы различныхъ восточныхъ божествъ съ невѣроятной быстротой распространялись и смѣнялись въ Римѣ; Изида, Сераписъ, Ормуздъ и другіе боги Египта и Персіи со всѣми признаками моды слѣдовали одинъ за дру-

---

[1]) Болдуинъ. Дух. разв. дѣтск. индив. и челов. рода т. II стр. 72.

[2]) Тардъ. Законы подражанія гл. VII.

гимъ въ умахъ современниковъ. Увлеченіе итальянскими завоеваніями, которое было продуманнымъ у Франциска I и Фердинанда Католика, перешло въ чистую моду въ эпоху соперничества Габсбурговъ и Валуа. Едва ли не то же самое можно сказать о колоніальной политикѣ и связанномъ съ нею маринизмѣ у континентальныхъ державъ нашего времени. Аналогичныя явленія наблюдаются и въ другихъ областяхъ. Такъ напр., можно указать на увлеченіе магдебурскимъ правомъ, которое не только въ Германіи, но и въ Польшѣ воспринималось безъ всякой критики городами, находившимися въ совершенно иныхъ условіяхъ Въ наше время сходный примѣръ представляетъ повсемѣстное увлеченіе германскимъ гражданскимъ уложеніемъ. Въ философіи явленіе моды наблюдается въ каждую эпоху. Увлеченіе древними философами въ эпоху Возрожденія, филссофія XVIII в., позднѣйшія увлеченія Шеллингомъ, Гегелемъ, Дарвинымъ, Кантомъ, Бюхнеромъ и Молешоттомъ, Шопенгауеромъ, Ницше, наконецъ, въ настоящее время возрожденіе кантіанства—всѣ эти теченія далеко выходили изъ круга лицъ, дѣйствительно продумывавшихъ соотвѣтственныя философскія теоріи и превращались въ широкой публикѣ въ настоящую моду. Научная теорія раздѣленія властей, 20 лѣтъ продумывавшаяся ея творцомъ Монтескье, въ теченіе цѣлаго столѣтія воспринималась безъ всякой критики и безъ всякой критики переходила въ статьи конституцій. Блестящая доктрина Савиньи, глубоко продуманная его ближайшими преемниками, (Пухтой и др.) слѣпо принималась дальнѣйшими юристами, пока уничтожающая критика Іеринга не остановила этой моды. Физіократы въ политической экономіи, легкомысленное увлеченіе ихъ Адамомъ Смитомъ, подвергшееся даже осмѣянію въ художественной литературѣ [1]), представ-

[1]) Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ, гл. первая VII:
„Зато читалъ онъ Адамъ Смита
И былъ глубокій экономъ“.

ляетъ разительные примѣры моды въ области науки. Въ литературѣ самые заурядные авторы, увлеченіе которыми столь же быстро проходило, какъ и возникало, подъ вліяніемъ моды считались въ свою эпоху чуть ли не геніями. Эпоха Людовика XIV прославляла цѣлый рядъ писателей, творенія которыхъ давно забыты, и самыя имена которыхъ извѣстны больше всего изъ сатиръ Буало. У насъ въ Россіи бездарныя трагедіи Сумарокова считались въ свое время великими твореніями „россійскаго Расина". Въ эпоху романтизма второстепенные писатели дѣлили славу съ Шиллеромъ и Гете. При всемъ величіи Вагнера стихійное увлеченіе „вагнеризмомъ" со стороны различныхъ съ нимъ по характеру дарованія композиторовъ, а также со стороны мало понимающей части публики заключаетъ въ себѣ несомнѣнный элементъ моды. Въ живописи и скульптурѣ наряду съ преклоненіемъ передъ вѣчной неувядаемой красотой Рафаэля, Леонардо да Винчи, Рембрандта, Рубенса, Мурильо, Праксителя, Микель—Анджело, Канова замѣчается въ разныя эпохи увлеченіе различными второстепенными художниками модной школы. Архитектурные стили, строго продуманные великими строителями въ эпохи ихъ созиданія, впослѣдствіи избираются при каждой отдѣльной постройкѣ подъ значительнымъ вліяніемъ господствующей моды. Яркій примѣръ моды во всѣхъ областяхъ искусства представляетъ въ наше время непродуманное увлеченіе публики декадентствомъ.

Характерное для всѣхъ этихъ модныхъ изобрѣтеній быстрое распространеніе зависитъ отъ упрощеннаго ихъ перехода отъ одного сознанія къ другому. Естественно, что въ тѣсныхъ соціальныхъ сферахъ, гдѣ взаимное подражаніе является наиболѣе постояннымъ и наиболѣе всестороннимъ, привычка подражать дѣйствуетъ всего сильнѣе. Тѣсная соціальная связь, постоянныя взаимныя подражанія пріучаютъ каждую личность съ особенной легкостью подражательно вос-

принимать тѣ изобрѣтенія, которыя ей преподносятся членами этого круга.

Въ исторіи весьма часты случаи, когда новое изобрѣтеніе сперва распространяется съ большой быстротою въ какой-либо одной семьѣ, а затѣмъ постепенно переходитъ въ болѣе широкіе круги общества. Распространенная въ эпоху Возрожденія мода королевскаго и герцогскаго меценатства развилась первоначально въ семьѣ Медичи и лишь отъ нихъ перешла ко всѣмъ дворамъ Европы. Цѣлый рядъ модныхъ лозунговъ французской революціи былъ пущенъ клубами Якобинцевъ и Кордильеровъ, въ которыхъ они распространялись съ неимовѣрной быстротой. Въ области права извѣстно много случаевъ, когда нормы, созданныя въ профессіональномъ правѣ, переходили затѣмъ въ общегражданское; даже теперь этотъ процессъ наблюдается въ значительныхъ размѣрахъ въ отношеніи нормъ торговаго права.

У разныхъ личностей и для разныхъ изобрѣтеній различно комбинируются оба момента: принятіе изобрѣтеній „сознательное“, съ высшимъ напряженіемъ сознательной дѣятельности и „простая подражательность“, мѣткое житейское названіе, обозначающее привычку подражать.

Вытекающее изъ высшей сознательной дѣятельности отношеніе къ тому или иному изобрѣтенію, утвержденіе или отрицаніе его, принятіе или непринятіе зависитъ отъ всего уже осуществленнаго синтеза личности. Если критерій вѣры двухъ личностей можетъ создать различное ихъ отношеніе къ одному и тому же новому изобрѣтенію, то это указываетъ на различіе въ уже осуществленномъ синтезѣ личности.

Съ другой стороны, существенное сходство критерія въ обществѣ по основнымъ вопросамъ указываетъ на значительное сходство субъективныхъ со-

знаній. Какъ же примирить, какъ же разграничить эти два момента? Гдѣ грань между соціальнымъ сходствомъ и индивидуальнымъ различіемъ? Рѣшеніе этого вопроса лежитъ уже всецѣло въ области теоріи личности; и да проститъ читатель, если намъ придется сдѣлать небольшое отступленіе въ эту сторону.

Въ современной наукѣ стало трюизмомъ, что каждая личность, каждое живое существо имѣетъ свою біологическую индивидуальность. Въ теоріи Дарвина необходимымъ принципомъ наряду съ наслѣдственностью является варіація. Фактъ индивидуальной варіаціи неизмѣнно констатируется авторитетнѣйшими біологами. Труды Вейссмана направлены на объясненіе его біологическаго происхожденія [1]). Къ этимъ же вопросамъ обращается Геккель [2]). Наконецъ въ теоріи Ламарка индивидуальность въ пріобрѣтеніи привычки и ея вліяніи на организацію составляетъ одну изъ важнѣйшихъ основъ. Структуры и функціи живыхъ существъ могутъ быть сходны въ общихъ чертахъ, но это подавляющее сходство не исключаетъ болѣе мелкихъ деталей, особыхъ тонкостей, въ которыхъ каждая организація является единственной и неповторяемой. Это хорошо знаютъ медики съ ихъ страннымъ девизомъ: „нѣтъ болѣзней, а есть больные". Достаточно вспомнить, сколько конкретныхъ условій, начиная съ того или иного сочетанія наслѣдственныхъ чертъ и кончая мельчайшими измѣненіями въ физической средѣ, накладываютъ свою печать на развивающійся организмъ, чтобы убѣдиться въ совершенной неизбѣжности біологической индивидуализаціи.

---

[1]) Weissmann Die Kntinuitat des Kemplasmas als Gundlage einer Theorie der Vererbung.

[2]) Hekkel, Ziele und Wege des heutiugen Entwickelungsgeschichte 1875.

Съ фактомъ физіологической индивидуальности необходимо долженъ считаться и психологъ, ибо процессъ психологическаго развитія совершенно не отдѣлимъ отъ его физіологической основы. Основу психологической индивидуальности нужно искать прежде всего въ физіологіи. Такова общая точка зрѣнія всей современной психо-физіологіи. Вундтъ въ своемъ блестящемъ изслѣдованіи о темпераментахъ показалъ значеніе физіологическихъ особенностей организма въ психологическомъ процессѣ воспріятія [1]). Геффдингъ пошелъ еще дальше и присоединилъ къ самому процессу воспріятія, какъ общій фонъ, на которомъ протекаетъ воспріятіе, удовольствія или неудовольствія, отъ Gemein gefühl [2]). По существу своему общее самоощущеніе есть чувство синтетическое, непосредственно выражающее физіологическую сторону личности въ субъективномъ сознаніи. Въ этомъ смыслѣ оно является основой, фономъ, на которомъ проходятъ самые сложные психическіе процессы. Поэтому, именно, Вундтъ, [3]) Геффдингъ, [4]) Рибо [5]) и др. психологи считаютъ общее самоощущеніе перво-основой личнаго самосознанія. Поэтому, какъ справедливо замѣчаетъ Геффдингъ, оно должно имѣть участіе, во всѣхъ процессахъ воспріятія, служа въ ихъ фономъ удовольствія или страданія. Можно также сказать, что въ процессѣ воспріятія общее самоощущеніе должно отражать въ субъективномъ сознаніи особенности индивидуальной организаціи. Преимущественное напряженіе тѣхъ или иныхъ нервныхъ со-

---

[1]) Wundt Grundzüge der Physiol. Psychol. S. 347.

[2]) Höffding op cit. S. 445. Именемъ Gemeingefühl или Lebensgefühl нѣмецкая литература называетъ общее самоощущеніе получаемое отъ дѣятельности всѣхъ органовъ.

[3]) Wundt Vorlesungen über die Menschen u. Thieresseele B. II. S. 14 Grundzuge der Physiol. Psychol. B. I. 3 ausg. S. 532.

[4]) Höffding, op. cit. S. 172 uf.

[5]) Рибо, Болѣзни личности Москва 1887 pass., Психологическая наслѣдственность (послѣднія главы).

единеній, измѣненія кровообращенія, дыханія, степень легкости выполненія различныхъ группъ движеній—все это отражается въ измѣненіяхъ, въ оттѣнкахъ общаго самоощущенія. А такъ какъ всякое воспріятіе вызываетъ всѣ эти физіологическія измѣненія, то оно вліяетъ и на общій тонъ самоощущенія. На этой почвѣ возможны самыя широкія индивидуальныя различія. Въ зависимости отъ особенностей организаціи разныя лица оказываются въ различной степени приспособленными къ извѣстной группѣ воспріятій. Конечно, въ вопросахъ психологіи среди особенностей организаціи подавляющее исключительное значеніе имѣетъ нервная система съ ея центральнымъ органомъ головнымъ мозгомъ. Вся современная психо-физіологія исходитъ изъ соотвѣтствія между развитіемъ нервныхъ центровъ и духовной жизни. Теорія моторнаго происхожденія мыслительныхъ процессовъ, выдвинутая Болдуиномъ и Royce'омъ подчеркиваетъ эту связь между сложнѣйшими психологическими процессами и ихъ физіологической основой съ особенной силой [1]). Психо-физическая организація представляетъ единое цѣлое и потому всѣ особенности нервной системы имѣютъ свое значеніе въ отношеніи психической жизни индивидуума. Уже по одному этому біологическіе законы основного видового сходства и индивидуальныхъ варіацій должны находить примѣненіе и въ области психо-физической организаціи. Индивидуумъ представляетъ съ этой точки зрѣнія своеобразную комбинацію наслѣдственно-переданныхъ свойствъ. Принципъ нивелирующаго значенія общей наслѣдственности и принципъ индивидуальной варіаціи своимъ сочетаніемъ даютъ конкретную психофизическую организацію. Психо-физическая индивидуальность это та непосредственная почва, на которой происходитъ развитіе соціальной личности.

---

[1]) Болдуинъ см. выше стр. 119 подстр. Royce Syllabus of Lectures.

Процессъ индивидуальнаго развитія соціальной личности происходитъ путемъ подражательнаго пріобрѣтенія изобрѣтеній, распространенныхъ въ окружающей соціальной средѣ. Развивающаяся личность сталкивается съ огромной массой подражательно распространяющихся изобрѣтеній. Содержаніе этихъ изобрѣтеній и роль ихъ въ окружающей индивидуума соціальной группировкѣ зависитъ отъ конкретной комбинаціи соціальныхъ условій, въ которыхъ развивается данная личность. Проводниками воспринимаемыхъ личностью изобрѣтеній является вся окружающая среда, семья, школа, книга, всякая встрѣча, всякое соприкосновеніе съ людьми и ихъ мыслями. Легко видѣть, какъ сложны и неуловимы бываютъ сочетанія конкретныхъ соціальныхъ условій. Каждый изъ этихъ факторовъ чрезвычайно осложняетъ всѣ предыдущіе. Два школьныхъ товарища находятся въ разныхъ семейныхъ условіяхъ, различно проводятъ свою внѣ школьную жизнь. Въ отношеніи двухъ братьевъ, поставленныхъ въ одинаковыя семейныя условія индивидуализирующимъ факторомъ служатъ различные моменты внѣ семейной жизни, различные наставники, школьные товарищи, знакомства, прочитанныя книги и т. д. Это явленіе отмѣчено въ литературѣ обширной галлерей несходныхъ между собою братьевъ. Карлъ и Францъ Мооръ воспитывались съ дѣтства въ однихъ и тѣхъ же семейныхъ условіяхъ, въ одномъ и томъ же феодальномъ замкѣ своего отца; но различныя отношенія окружающихъ, различныя дѣтскія игры, чтеніе различныхъ книгъ (Плутархъ у Карла, Библія у Франца) различныя представленія о своей будущности въ связи съ первородствомъ Карла,—все это обусловливало ихъ духовную противоположность. Въ Ругонъ—Макарахъ Золя между родными братьями Евгеніемъ Ругономъ и Саккаромъ сходными въ одинаково безудержномъ честолюбіи и одинаковой грандіозности замысловъ ложится пропасть въ направленіи ихъ развитія, которое

заканчивается блестящей министерской карьерой Ругона и темнымъ финансовымъ авантюризмомъ Саккара. Въ русской литературѣ въ безсмертныхъ твореніяхъ Достоевскаго передъ нами встаютъ такія же антитезы. Иванъ и Алеша Карамазовы вмѣстѣ провели свое раннее дѣтство, вмѣстѣ были увезены изъ отцовскаго дома и сохранили на всю жизнь нѣжныя братскія отношенія; но различіе ихъ воспитанія и дальнѣйшей жизни сдѣлало изъ нихъ тѣ два полюса гордости и смиренія, скептицизма и вѣры, университетской науки и монастырскаго послушничества, суровой независимости и кроткой покорности, которые они призваны олицетворять въ романѣ Достоевскаго. Раскольниковъ и его сестра Дуня, росшіе вмѣстѣ до университета, разошлись въ разныхъ направленіяхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разлуки. Въ „Воскресеніи“ Толстой развернулъ передъ нами со всей тонкостью, доступной его генію, процессъ постепеннаго расхожденія между Нехлюдовымъ и его сестрою, получившими одинаковое воспитаніе, принадлежавшими и впослѣдствіи къ одной и той же сферѣ общества. Въ „Трехъ Сестрахъ“ обвѣянная глубокой и задушевной поэзіей Чехова проходитъ передъ нами тяжелая, гнетущая драма взаимнаго расхожденія между Андреемъ и его сестрами, вызванная принижающимъ вліяніемъ на Андрея Наташи и всей мелкой окружающей среды. Въ жизни самихъ сестеръ, несмотря на ихъ громадное духовное сходство, также нѣтъ полнаго тождества: разбитая любовь Маши не похожа ни на отчаяніе Ирины, ни на усталость Ольги. Вездѣ, и въ литературѣ, и въ реальной жизни, для каждой личности комбинація соціальныхъ условій складывается своеобразно и не повторяется полностью даже въ предѣлахъ самаго тѣснаго соціальнаго круга. Крайнее разнообразіе комбинацій соціальныхъ условій создаетъ самую причудливую и съ точностью не повторяющуюся сѣть подражаній, доступныхъ данной опредѣленной личности. Поэтому, соціальный моментъ въ развитіи

конкретной индивидуальности долженъ разсматриваться всегда въ его своеобразномъ преломленіи сквозь призму непосредственныхъ біографическихъ условій, опредѣляющихъ область подражаній, доступныхъ данной личности. Это давно сознала литературная критика, и блестящимъ представителемъ этого направленія является Сентъ-Бёвъ [1]).

Чѣмъ же опредѣляется относительное значеніе различныхъ воспринимаемыхъ подражаній, ихъ мѣсто въ синтезѣ развивающейся личности? Первый опредѣляющій моментъ есть традиція. Способомъ субъ-кортикальнаго подражанія, простого внушенія, передается, какъ упоминалось, не только содержаніе опредѣленныхъ подражаній, но и мѣсто, занимаемое ими въ личномъ синтезѣ. Въ отношеніи содержанія сознанія, передаваемаго внушеніемъ, конкретная комбинація соціальныхъ условій имѣетъ особенное значеніе. Она опредѣляетъ, сталкивается ли данное внушеніе въ мозгу развивающейся личности съ другими противорѣчащими, уменьшающими его силу внушеніями, или, наоборотъ, поддерживающими усиливающими внушеніями. Подобно тому, какъ общее сходство структуръ и функцій, передаваемыхъ органической наслѣдственностью, разнообразится конкретнымъ сочетаніемъ наслѣдственныхъ чертъ, такъ и нивеллирующее значеніе „соціальной наслѣдственности“ [2]) традиціи разнообразится конкретными комбинаціями различныхъ традиціонныхъ подражаній.

Съ такимъ своеобразнымъ сочетаніемъ традиціонныхъ подражаній сталкивается извѣстная психофизическая организація. Это второй и послѣдній опредѣляющій моментъ. Значеніе его сводится, главнымъ образомъ, къ отбору, къ выборкѣ изъ преподносимой окру-

---

[1]) Sainte-Beuve, Gallerie и Nouvelle Gallerie des grands écrivains français, Gallerie des portrais historiques.

[2]) Терминъ Болдуина см. Interp. soc. et mor. des princ. develop. ment. p. 57.

жающей средой для подражательнаго заимствованія сѣти изобрѣтеній. На первыхъ стадіяхъ развитія, когда соціальная личность еще только нарождается, способность ребенка къ воспріятію тѣхъ или иныхъ подражаній обусловливается всецѣло его психофизической организаціей. Нѣкоторыя подражанія прививаются съ необыкновенной легкостью, другія трудно и поверхностно, третьи совсѣмъ не прививаются. Процессъ пріобрѣтенія подражаній изъ окружающей среды является итогомъ взаимнаго переплетенія двухъ главныхъ моментовъ сочетанія соціально-біографическихъ условій, опредѣляющаго, какія подражанія преподносятся личности средою, и индивидуальной психофизической организаціи, опредѣляющей, какія изъ нихъ воспринимаются личностью.

На основѣ этихъ, впервые воспринятыхъ подражаній, протекаетъ дальнѣйшее развитіе личности. Каждое новое заимствованіе, каждый новый моментъ въ системѣ личности своеобразно направляетъ дальнѣйшее развитіе, одновременно расширяетъ и суживаетъ сферу доступныхъ подражаній,—расширяетъ, открывая возможность цѣлаго ряда другихъ пріобрѣтеній, для которыхъ данное являлось неизбѣжнымъ этапомъ, необходимой переходной ступенью, суживаетъ, затрудняя почти закрывая доступъ противорѣчащихъ ему подражаній. Если къ перемѣнамъ, которыя личность сама подъ вліянемъ своего развитія создаетъ въ окружающихъ условіяхъ, прибавить всѣ сложныя комбинаціи, получаемыя отъ случайныхъ пертурбацій въ соціально-біографической обстановкѣ на разныхъ стадіяхъ индивидуальнаго развитія, то мы получимъ нѣкоторое представленіе о той массѣ переплетающихся факторовъ, которой опредѣляется обликъ личности въ каждый данный моментъ. Наслѣдственность и черезъ нее вся жизнь безчисленныхъ предковъ, традиція, созданная рядомъ смѣнявшихся поколѣній, всѣ конкретныя условія, даже всѣ мелкія случайности личной жизни—все

это сплетается въ одинъ неразрывный клубокъ; и каждый новый шагъ на пути развитія, каждая новая осуществленная или отвергнутая возможность еще болѣе осложняетъ этотъ комплексъ.

Будучи результатомъ столькихъ слагаемыхъ, изъ которыхъ каждое представляетъ безконечную возможность варіацій, соціальная личность является неимовѣрно сложнымъ комплексомъ разнообразнѣйшихъ комбинацій всѣхъ этихъ условій. Поэтому, совершенно ясно, хотя бы изъ теоріи вѣроятностей, что конкретная соціальная личность, образованная даннымъ опредѣленнымъ сочетаніемъ психофизическихъ условій, единственна и неповторяема. Именно, такъ смотрятъ на индивидуальность выдающіеся современные психологи. Рише считаетъ, что индивидуальность создается, главнымъ образомъ, отъ накопленія воспоминаній, которое представляется особеннымъ, неповторяемымъ для каждаго человѣка; вслѣдствіе этого и создаются „психическія индивидуальности“ на почвѣ опредѣленной физической организаціи [1]). Къ этому взгляду примыкаетъ и Болдуинъ, особенно подчеркивая роль психофизической организаціи, какъ направляющаго момента среди общей массы соціальныхъ подражаній [2]). Сходныя воззрѣнія высказываетъ и Геффдингъ [3]).

Изъ окружающей соціальной среды личность воспринимаетъ тѣ подражанія, къ которымъ каждый данный моментъ предрасполагаютъ ее ея психофизическая организація и ея предшествующее развитіе. Воспринятыя подражанія, входя въ синтезъ личности, и соотвѣтственно эективируясь, опредѣляютъ принадлежность къ различнымъ соціальнымъ кругамъ. Поэтому, именно, каждая личность представляетъ столь своеобразную комбинацію различныхъ линій соціаль-

---

[1]) Рише. Опытъ общей психологіи стр. 115—116, 145.

[2]) Болдуинъ op. cit. p. 70—77, 82—83.

[3]) Höffding op. cit. S. 445—446.

ности. Тардъ подмѣтилъ эти отношенія, несмотря на полную неразработанность теоріи личности въ его трудахъ, не позволявшую ему научно обосновать принадлежность одной и той же личности къ разнымъ соціальнымъ кругамъ. По словамъ Тарда, „каждый изъ насъ принадлежитъ или можетъ принадлежать къ публикѣ нѣсколькихъ видовъ одновременно", понимая „публику", какъ „чисто духовную совокупность, какъ группу индивидуумовъ, физически раздѣленныхъ и соединенныхъ чисто духовной связью" [1]).

Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать особенностей личности по сравненію съ окружающей ее психологической средой. Нельзя забывать, что соціальныя подражанія были бы немыслимы безъ подавляющихъ біологическихъ сходствъ. Соціальная жизнь возникаетъ на этой біологической основѣ сходства. Можно говорить лишь относительно о большей или меньшей приспособленности данной личности къ извѣстнаго рода подражаніямъ, встрѣчающимся въ окружающей ее соціальной средѣ. Если бы соціальная связь между нами и окружающими ограничивалась лишь немногими общими точками, напр., какимъ либо однимъ основнымъ подражаніемъ, то она была бы крайне слаба. Каждая конкретная личность имѣетъ или можетъ имѣть много общихъ подражаній съ другой конкретной личностью. Принципъ пересѣкающихся и концентрическихъ круговъ соціальности базируетъ на этомъ законѣ. Линіи соціальности, образованныя эективаціей существенныхъ въ синтезѣ личности подражаній пересѣкаются между собой; но такъ какъ ни одна изъ этихъ линій не предопредѣляетъ другихъ ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ, то само собою понятно, не исключена и одновременная связь между опредѣленными лицами по нѣсколькимъ изъ основныхъ линій. Вѣрующіе одной религіи могутъ быть подданными

---

[1]) Тардъ. Соціальные этюды стр. 90, 83.

вмѣстѣ съ тѣмъ одного и того же государства, могутъ принадлежать къ одной и той же національности и сословію, говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ, заниматься одной и той же профессіей, придерживаться однихъ и тѣхъ же обычаевъ и т. д. Можно сказать больше, такая связь по многимъ линіямъ должна даже быть нормальнымъ явленіемъ въ виду организованности передачи традиціонныхъ подражаній въ обществѣ, въ виду воспитательной роли соціальной семьи и дополняющихъ ее институтовъ, охватывающихъ въ принципѣ множество линій соціальности. Съ другой стороны, менѣе существенныя въ синтезѣ личности подражанія, какъ мы видѣли, не могутъ эективироваться безъ основныхъ. Поэтому самое существованіе болѣе тѣсныхъ концентрическихъ круговъ соціальности опредѣляется значительнымъ количествомъ общихъ подражаній, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ данной области. Естественно, чѣмъ больше количество общихъ подражаній эективируется въ сферѣ развитія двухъ личностей, другими словами, чѣмъ многостороннѣе и тѣснѣе ихъ соціальная среда, тѣмъ болѣе сходствъ будетъ между ихъ психологическими индивидуальностями. При сравненіи двухъ школьныхъ товарищей, двухъ сотрудниковъ одной газеты, двухъ гостей одного салона, двухъ преступниковъ одной шайки, вообще двухъ членовъ какой либо тѣсной соціальной группы обнаруживаются поразительное количество и глубина сходствъ. Это отлично сознавали художники-романисты, которые мѣткими штрихами характеризовали цѣлые соціальные слои. На идеѣ подавляющихъ соціальныхъ сходствъ, идеѣ типичности тѣхъ или иныхъ чертъ для цѣлой группы въ обществѣ построена вся реалистическая школа въ литературѣ. Реалистична въ ней не дѣйствительность прошлаго, приписываемаго герою, который въ большинствѣ случаевъ даже не существовалъ, не историческая вѣрность фабулы, которая всегда представляетъ, если не въ основныхъ чертахъ, то въ частности, вы-

думку художника, а именно, типичность чертъ и фактовъ, выбранныхъ для обрисовки извѣстнаго соціальнаго круга. Романъ Золя является соціальнымъ par excellence; отдѣльныя личности съ ихъ индивидуальными характерами и судьбами сплетены между собою неразрывными нитями и сливаются въ одинъ общій фонъ, на которомъ вырастаетъ передъ нами въ своихъ многообразныхъ соціальныхъ расчлененіяхъ весь Парижъ, больше того—вся современная автору Франція. И въ мягкомъ юморѣ Диккенса, и въ злой сатирѣ Уайльда одинаково выступаютъ черты, типичныя для извѣстныхъ круговъ современнаго авторамъ англійскаго общества. Головокружительный успѣхъ Шнитцлера основанъ на томъ, что игривая Вѣна узнаетъ себя въ каждой блесткѣ его сверкающихъ произведеній. Высшая аристократія возрожденной Италіи нашла свое художественное отраженіе и въ жгучихъ языческихъ твореніяхъ тонкаго психолога д'Аннунціо, и въ строгой простотѣ идеалиста Роветта. Всѣ слои испанскаго общества оживаютъ подъ яркой солнечной кистью Ибаньеса. Въ русской литературѣ эллинская гармоничность Пушкина, мрачная тревога Лермонтова, горестный смѣхъ Гоголя, утонченный эстетизмъ Тургенева, кристаллическая ясность Гончарова, величественный размахъ Толстого, глубокая задушевность Чехова, могучій порывъ Горькаго—различный складъ всѣхъ этихъ писателей, ихъ различное міропониманіе и художественныя склонности находили себѣ отзвукъ въ обрисовкѣ опредѣленныхъ соціальныхъ круговъ. Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Лаврецкій, Обломовъ, вся галлерея „лишнихъ людей", проходятъ передъ нами яркой вереницей, обозначая цѣлыя поколѣнія, цѣлыя культурныя эпохи въ жизни русской интеллигенціи. Смѣхомъ Гоголя осмѣяны не отдѣльныя лица, а послѣдніе могиканы дореформенной, крѣпостнической Россіи. Эпоха разночинцевъ, пришедшая на смѣну падавшему крѣпостническому дворянству, перешедшая отъ мечтаній къ труду и реальности, запечатлѣна въ

художественномъ образѣ Базарова. Могучія полотна „Войны и мира“ обрисовываютъ преимущественно соціальный моментъ, въ которомъ отдѣльныя личности выступаютъ исключительно, какъ носительницы идей извѣстныхъ соціальныхъ круговъ. Герои „Анны Карениной“, „Воскресенья“, „Власти тьмы“ и т. д., являются представителями своихъ классовъ, своей соціальной среды; ихъ муки, ихъ пороки и надрывы принадлежатъ не имъ только, а всему ихъ общественному кругу. Дядя Ваня, Три сестры, Раневская изъ „Вишневаго сада“, Константинъ и Нина Зарѣчная изъ „Чайки“, Ивановъ, поручикъ Лаевскій изъ „Дуэли“, приватъ-доцентъ Ковринъ изъ „Чернаго монаха“,—всѣ эти выразители чеховской тоски представляютъ фигуры синтетическія, рельефно очерчивающія свою эпоху и среду. „Мать“, „Исповѣдь“, „Трое“, „На днѣ“, „Мѣщане“, „Варвары“—всѣ произведенія Горькаго съ проникновенной глубиной и захватывающей искренностью очерчиваютъ соціальный моментъ.

Врядъ ли приходится настаивать на тѣхъ колоссальныхъ сходствахъ, которыя представляетъ соціальная личность въ сравненіи съ окружающей ее соціальной средой; врядъ ли приходится еще разъ упоминать, что болѣе или менѣе тѣсная соціальная связь была бы не мыслима безъ этихъ основныхъ сходствъ. Развивающаяся личность приспособляется къ окружающей ее физической и психологической средѣ. Правильное приспособленіе, отражаясь въ личномъ синтезѣ, вызываетъ сознаніе этого соотвѣтствія. Часто повторяясь, случаи правильнаго приспособленія создаютъ въ развивающейся личности постоянный внутренній критерій общей правильности приспособленія, критерій вѣры. Сходство субъективныхъ сознаній, которое составляетъ необходимое условіе длительной соціальной связи, естественно вызываетъ и сходство субъективныхъ критеріевъ. Общность многихъ, уже осуществленныхъ приспособленій, т. е. общность значительной части подражаній, входящихъ въ синтезъ личности, обусловливаетъ и возник-

новеніе сходнаго субъективнаго масштаба, правильности приспособленія. Въ теченіи процесса пріобрѣтенія традиціонныхъ подражаній отъ окружающей среды въ сознаніи развивающейся личности вырабатывается и субъективный критерій, сходный съ этой средой. Конечно, о полномъ тождествѣ не можетъ быть рѣчи, поскольку вообще нельзя говорить о тождествѣ двухъ соціальныхъ личностей. Всѣ люди, даже самые обыкновенные, имѣютъ свои пункты различія съ окружающими личностями. Но эти различія съ окружающей средой бываютъ сравнительно незначительными по степени и совершенно затушевываются тѣми колоссальными сходствами, которыя представляетъ нормальная соціальная личность въ сравненіи съ окружающимъ ее обществомъ. Поэтому въ общихъ чертахъ внутренній критерій соціальной личности чрезвычайно сходенъ съ критеріемъ другихъ членовъ среды. Изъ сходства критеріевъ вытекаетъ и основное сходство конкретныхъ оцѣнокъ членовъ какой либо соціальной группы. Сходство же оцѣнокъ, вызывая увѣренность ихъ эективаціи, ведетъ, какъ мы видѣли выше, къ образованію императивныхъ формъ общественнаго сознанія.

Эти немногія замѣчанія помогутъ намъ обозначить амплитуду колебаній индивидуальныхъ оцѣнокъ принимаемыхъ изобрѣтеній, происходящихъ въ обществѣ. Изобрѣтеніе по существу своему индивидуально. Почему именно данныя подражанія, а не другія соединяются въ мозгу изобрѣтателя въ новую комбинацію? На этотъ вопросъ, очевидно, можетъ дать отвѣтъ только личность изобрѣтателя. Это отчасти зависитъ отъ тѣхъ подражаній, которыя имѣются въ его сознаніи. Но подражанія представляютъ только матеріалъ, конкретная комбинація котораго обусловливается конкретной личностью изобрѣтателя. Индивидуальный характеръ изобрѣтенія объясняетъ и индивидуальность воспринятія изобрѣтенія. Каждая личность присоединяетъ новое изобрѣтеніе ко всему уже сложившемуся личному синтезу. Въ зависимости отъ тѣхъ подражаній, которыя имѣются въ

этомъ личномъ синтезѣ, изобрѣтеніе пріобрѣтаетъ другой оттѣнокъ. Каждый изъ критиковъ, дающихъ сходный отзывъ о литературномъ произведеніи, различно обращаетъ вниманіе на тѣ или другія стороны. Спеціалистъ, оцѣнивающій работу другого спеціалиста, совершенно невольно выдвигаетъ однѣ стороны и затушевываетъ другія. Ученики, отвѣчающіе одинъ и тотъ же урокъ, разсказываютъ его различно, въ зависимости отъ различнаго склада ума и степени ихъ знакомства съ предметомъ.

Явленіе это многократно служило художникамъ фономъ для богатаго разнообразія психологическихъ нюансовъ. Сцена заговорщиковъ передъ убійствомъ въ „Юліи Цезарѣ“ Шекспира, самый моментъ, когда они съ различными у каждаго мыслями наносятъ свои удары, совѣщаніе Брута и Кассія въ ночь передъ битвой при Филиппахъ, изображаютъ съ обычнымъ могуществомъ шекспировскаго генія, какъ однѣ и тѣ же идеи, одно и то же основное чувство разно преломляются въ различныхъ сознаніяхъ. Въ „Разбойникахъ“ Шиллера мысль о разбойничьей шайкѣ, цинично брошенная глубоко безнравственнымъ Шпигельбергомъ, какъ средство для пропитанія, подхватывается идеалистомъ Карломъ Моромъ, какъ орудіе мести испорченному человѣчеству. Вдохновенныя рѣчи Рудина въ романѣ Тургенева различно преломляются въ сознаніи каждаго изъ его слушателей, говорятъ каждому иное и у всѣхъ одинаково вызываютъ восторгъ. Психологія одного изъ характернѣйшихъ явленій современнаго хозяйственнаго строя биржи, основывается на индивидуальныхъ оттѣнкахъ въ оцѣнкѣ одной и той же суммы существенныхъ данныхъ: только индивидуальностью въ оцѣнкѣ объясняется фактъ различнаго направленія биржевой игры при одинаковомъ въ общихъ чертахъ содержаніи свѣдѣній. Яркія страницы романа Золя „Деньги“, гдѣ биржа встаетъ передъ читателемъ во всемъ многообразіи своей лихорадочной жизни, съ замѣчательной рельефностью подчеркиваютъ этотъ моментъ.

Такимъ образомъ, ни одно изобрѣтеніе не воспринимается абсолютно одинаково даже наиболѣе сходными личностями. Каждый субъектъ воспринимаетъ различно въ зависимости отъ своей предыдущей подготовки, отъ прежде воспринятыхъ подражаній. Таковъ общій психологическій законъ.

Не говоря уже о сложномъ психологическомъ процессѣ заимствованія изобрѣтенія, сравнительно простой процессъ самаго элементарнаго воспріятія, ощущеніе въ значительной степени зависитъ отъ всего предшествовавшаго ему въ нашемъ „я“ [1]). Тѣмъ болѣе естественно, что сложный процессъ заимствованія изобрѣтенія долженъ находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ всего уже осуществленнаго синтеза. А такъ какъ синтезъ конкретной соціальной личности представляетъ своеобразную комбинацію соціальныхъ подражаній, то новое изобрѣтеніе претерпѣваетъ въ каждомъ субъективномъ сознаніи своеобразныя измѣненія. Насколько же значительны будутъ эти измѣненія? Въ большинствѣ случаевъ они не особенно велики. Эмпирически это подтверждается хотя бы возможностью прослѣдить источникъ заимствованій. Теоретически сравнительная незначительность индивидуальныхъ отклоненій объясняется основнымъ сходствомъ субъективныхъ сознаній. Примѣсь индивидуальнаго элемента въ процессѣ заимствованія изобрѣтенія не устраняетъ этого подавляющаго сходства въ подражательномъ воспріятіи, вытекающаго изъ основного сходства субъективныхъ сознаній.

Изъ этихъ положеній объясняется тотъ фактъ, что при переходѣ изобрѣтенія въ другую среду, соціально мало связанную со сферой его возникновенія, амплитуда отклоненій оказывается весьма большой. Такъ какъ болѣе или менѣе одинаковое воспріятіе изобрѣтеній въ извѣстной соціальной средѣ основано на

[1]) Wundt Grundzüge der Phys. Psychol. B. I. 3 aufl. S. 527 Hoffding op. cit. S. 138.

существенныхъ сходствахъ субъективныхъ сознаній ея членовъ, то понятно само собою, что амплитуда индивидуальныхъ колебаній должна быть тѣмъ меньше, чѣмъ значительнѣе и глубже область соціальныхъ сходствъ. Когда изобрѣтеніе распространяется въ предѣлахъ тѣсной группы, объединенной подавляющей массой общихъ подражаній, то амплитуда индивидуальныхъ отклоненій, естественно, получается ничтожной. Наоборотъ, переходы изобрѣтеній въ предѣлахъ обширныхъ, слабо связанныхъ между собою группъ, переходы ихъ отъ однихъ классовъ народовъ, государствъ, религій къ другимъ знаменуются чрезвычайно широкими отклоненіями, иногда почти полной передѣлкой воспринятаго изобрѣтенія. Амплитуда отклоненій обратно пропорціональна степени соціальной связи. Законы лингвистической рефракціи, устанавливаютъ наиболѣе существенныя отклоненія отъ общихъ корней и общихъ грамматическихъ формъ, наблюдавшіяся въ словообразованіи и грамматикѣ европейскихъ языковъ [1]). Индоевропейскій фольклоръ поражаетъ богатствомъ отклоненій, которыя претерпѣвали у различныхъ народовъ одни и тѣ же эпическіе сюжеты. Египетское искусство, переходя къ грекамъ микенской эпохи съ одной стороны, къ персамъ съ другой, подверглось совершенно своеобразнымъ рефракціямъ [2]). Ассиро-вавилонская книгопись, переходя къ финикіянамъ, создала первую семитическую азбуку, которая, измѣнившись дальше въ Греціи, послужила основой всѣхъ европейскихъ алфавитовъ. Идеи Ветхаго Завѣта претерпѣли различную рефракцію въ христіанствѣ и въ мусульманствѣ. Идея римской имперіи варіировала различно въ Византіи съ одной стороны и въ монархіи Карла Великаго, а впо-

[1]) Friedrich Müller, Grundriss der Schprachwissenschaft 1876—1887. B. III Abth. II, II Hält. II Lief IV Lefébvre Races et Langues 1893. Бодуэнъ де Куртенэ ст. „Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ“ въ Журн. Мин. Народн. Просв. CCXXVIII, 1881 г. декабрь.

[2]) Le Bon, Lois psychologiques de l'évoluton des peuples Paris 1904, глава объ искусствѣ.

слѣдствіи въ „Священной Римской Имперіи“ германскаго народа съ другой. Рефракціей византійскаго цезаризма былъ царскій титулъ Іоанна III и вѣнчаніе на царство Іоанна IV. Уходъ плебеевъ на Авентинскій холмъ, съ цѣлью основанія новаго города, былъ прямой рефракціей патриціанскаго Рима; запрещеніе патриціямъ занимать трибунскую должность было рефракціей аналогичнаго запрещенія плебеямъ быть консулами [1]). Конституціонный строй на европейскомъ континентѣ представляетъ въ основѣ историческую рефракцію англійской конституціи. Такую же рефракцію изъ Англіи представляетъ повсемѣстно распространенный на континентѣ судъ присяжныхъ.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ выводу, что частный случай сходныхъ оцѣнокъ изобрѣтателя и другихъ членовъ среды въ отношеніи новаго изобрѣтенія объясняется общимъ сходствомъ ихъ сознанія и существуетъ лишь въ предѣлахъ этого сходства. Принятіе этого изобрѣтенія какой либо соціальной группой доказываетъ, что неизбѣжныя индивидуальныя отклоненія въ его оцѣнкѣ незначительны, не нарушаютъ основного сходства между оцѣнкой изобрѣтателя и подражателей. Отрицаніе комбинаціи изобрѣтателя другими членами его среды доказываетъ, что индивидуальныя отклоненія въ оцѣнкѣ зашли очень далеко, дошли до основного различія оцѣнки въ отношеніи даннаго изобрѣтенія. Если психологическое значеніе этого изобрѣтенія въ синтезѣ личности не велико, если въ психологическомъ отношеніи оно является мелочью, добавочнымъ штрихомъ къ картинѣ личности, то различіе оцѣнокъ не вызоветъ существенныхъ измѣненій въ сложившихся соціальныхъ отношеніяхъ. Такое изобрѣтеніе само представляетъ лишь незначительную рефракцію другихъ прежде воспринятыхъ изобрѣтеній. Различіе между членами среды, принявшими изобрѣтеніе и не принявшими его совершенно, затушуется, потонетъ въ общей

[1]) Mommsen Römische Geschichte zehnte auf B. I. Berlin 1907 S. 270.

массѣ сходствъ. Самымъ крайнимъ слѣдствіемъ различнаго отношенія къ этому изобрѣтенію можетъ быть добавочное дѣленіе на еще болѣе тѣсныя соціальныя группы членовъ, принявшихъ и не принявшихъ его. Но такая добавочная группировка предполагаетъ много предшествующихъ серій сходствъ. Ибо для того, чтобы различіе оцѣнокъ вліяло на соціальную группировку, это различіе должно отчетливо сознаваться. Это различіе, отчетливо сознаваемое въ отношеніи несущественнаго изобрѣтенія, наступитъ лишь тогда, когда такое различіе не заслоняется болѣе крупными. Другими словами, различіе, субъективное неподтвержденіе эективаціи въ какомъ-либо психологически десятостепенномъ отношеніи можетъ обнаружиться лишь тогда, когда эти тонкости сознанія начинаютъ эективироваться; эективація же ихъ можетъ произойти, какъ мы видѣли, только въ томъ случаѣ, когда уже имѣется субъективный критерій для другого сознанія, зависящій отъ основныхъ съ нимъ сходствъ. Поэтому, именно, самый фактъ такой добавочной соціальной группировки лучше всего доказываетъ ея несущественное значеніе. Съ другой стороны, эти необходимыя многочисленныя сходства, на почвѣ которыхъ только и можетъ возникнуть добавочная группировка, вызываютъ субъективно подтверждающуюся эективацію нѣкоторыхъ основныхъ въ синтезѣ личности подражаній. Эективаціей этихъ серій сходствъ, необходимыхъ для возникновенія данной добавочной группировки, устанавливается соціальная связь. Вслѣдствіе многочисленности образующихъ ее подражаній и ихъ первостепеннаго психологическаго значенія, подобная связь необходимо должна имѣть громадную силу и глубину. По сравненію съ нею, тѣмъ болѣе не существенной является добавочная соціальная группировка, образованная эективаціей психологически незначительнаго подражанія. Соціальная связь была бы не только возможной, но и весьма полной и разносторонней даже безъ эективаціи этого добавочнаго подражанія. Субъективно подтверждающаяся эективація именно дан-

наго изобрѣтенія прибавляетъ весьма ничтожную крупицу къ уже существующей глубокой соціальной связи. Поэтому каждая соціальная личность, сознавая свою соціальную связь съ окружающими и испытывая съ ихъ стороны противорѣчащія по содержанію эективаціи, не будетъ себя считать безусловно связанной какой либо одной изъ этихъ эективацій. Обязательность извѣстной оцѣнки этого изобрѣтенія наступила бы для данной личности лишь съ момента причисленія себя къ опредѣленной группѣ принимающихъ или отвергающихъ. Только тогда можетъ возникнуть увѣренная эективація даннаго подражанія въ предѣлахъ опредѣленной тѣсной группы. За предѣлами этой группы увѣренной эективаціи даннаго подражанія не будетъ, и нарушеніе его возмущенія не вызоветъ. Извѣстная императивность оцѣнки возникаетъ при такихъ условіяхъ только въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ опредѣленной группы. Члены окружающей среды, съ которыми данная личность сознаетъ сильную соціальную связь, могутъ оставаться совершенно индифферентными къ данному изобрѣтенію или даже принадлежать къ противоположно оцѣнивающей группѣ Тѣмъ не менѣе, въ виду силы и глубины соціальной связи, основанной на многочисленныхъ и существенныхъ сходствахъ, это мелкое психологическое различіе не вызываетъ никакого разрыва, а будетъ разсматриваться какъ „дѣло личнаго взгляда“ по обыкновенному житейскому выраженію.

Совершенно иная картина получится, если новое изобрѣтеніе затрагиваетъ основныя подражанія личнаго синтеза. Такъ какъ подтверждающаяся эективація основныхъ чертъ субъективнаго сознанія составляетъ сущность длительной соціальной связи, то образуется крупный психологическій разрывъ, и соціальная связь нарушается, если таковая эективація не подтверждается. Поэтому всякое новое изобрѣтеніе или же группа новыхъ изобрѣтеній, относящаяся къ основнымъ подра-

жаніямъ непосредственно затрагиваетъ соціальную связь въ корнѣ, въ ея наиболѣе существенныхъ моментахъ. Соціальнымъ симптомомъ этого разрыва является особо острая форма возмущенія и гнѣва, вызываемая нарушеніемъ основныхъ императивныхъ нормъ. Существенныя свойства личности, къ подтверждающейся эективаціи которыхъ сводится длительная соціальная связь, именно поэтому, какъ мы видѣли, эективируются съ особой увѣренностью. Съ этой эективаціей, какъ оно непосредственно вытекаетъ изъ природы общества, связаны у каждаго изъ членовъ общества всѣ разсчеты на дѣйствія другихъ лицъ. Неподтвержденіе такой увѣренной эективаціи вызываетъ возмущеніе, которое является прямымъ симптомомъ, непосредственнымъ указаніемъ на крупный разрывъ въ какой либо области подражаній. Подобный разрывъ разрушаетъ основной, необходимый для соціальной жизни критерій другого субъективнаго сознанія и вытекающей изъ него дѣятельности. Новое изобрѣтеніе, существенно измѣняющее синтезъ личности, нарушающее извѣстную сферу эективаціи традиціонныхъ подражаній, всегда сталкивается съ сильнѣйшей оппозиціей со стороны членовъ общества, наиболѣе сильно и глубоко воспринявшихъ эти традиціонныя подражанія. Съ другой стороны, могутъ быть среди членовъ общества и такіе, личный синтезъ которыхъ наиболѣе подготовленъ къ воспріятію новой комбинаціи. Въ этомъ контингентѣ лицъ подражательно распространяется новое изобрѣтеніе. Эективаціей его образуется новая соціальная группа. Внутри старой группы происходитъ конфликтъ.

Эти внутренніе конфликты въ обществѣ, эти моменты разрыва соціальной связи по своей сложности и многообразію требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія и составятъ содержаніе слѣдующей главы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разрывъ соціальной связи.

Неудовлетворительное объясненіе соціальнаго конфликта въ теоріяхъ Тарда, Гиддингса и Болдуина. Природа соціальнаго конфликта. Нарушеніе императивныхъ въ средѣ нормъ, какъ „преступленіе“ въ соціологическомъ смыслѣ. Случаи отсутствія конфликта при наличности нарушенія императивовъ (соціологическое „невмѣненіе“). Границы невмѣненія въ соціальной жизни. Случай кажущейся преступности и его отличіе отъ невмѣненія. Два главныхъ вида конфликта: конфликтъ между личностью и обществомъ и соціальные кризисы. Двусторонніе и односторонніе конфликты между личностью и обществомъ. Существенная природа того и другого вида. Двѣ разновидности односторонніхъ конфликтовъ: односторонній бунтъ личности противъ общества и одностороннее преслѣдованіе ея обществомъ. Столкновеніе между двумя группами въ обществѣ (соціальный кризисъ). Условія его возникновенія и развитія. Ограниченное примѣненіе принципа невмѣненія при соціальныхъ кризисахъ. Существенно двусторонняя природа кризисовъ. Два главныхъ вида кризисовъ. Стремленіе конфликта къ психологическому расширенію, и его граница въ законѣ психологической и исторической преемственности. Соціальные кризисы въ тѣсныхъ соціальныхъ кругахъ. Преломленіе въ этихъ кругахъ общихъ соціальныхъ кризисовъ. Общее ожесточеніе въ эпохи кризисовъ и его причины. Измѣненія, вносимыя побѣдой одной изъ сторонъ. Неизбѣжное повышеніе общей и спеціальной преступности; дезорганизованность и беззащитность. Смѣна возбужденнаго состоянія общества подавленнымъ. Распадъ въ обществѣ.

Теорія соціальнаго конфликта представляетъ одинъ изъ самыхъ запутанныхъ, самыхъ трудныхъ вопросовъ

ученія о соціальной связи. Представители психологической школы, ближе всего подошедшіе къ объясненію дѣйствительной природы общества, совершенно не дали удовлетворительной теоріи соціальнаго конфликта, и ихъ положенія даже не могутъ служить для такой теоріи достаточнымъ базисомъ. По Тарду основа общественности сводится ко всеобщему распространенію въ данной группѣ извѣстныхъ подражаній, наряду съ которыми другія подражанія распространены лишь частично; конфликтъ въ обществѣ происходитъ отъ столкновенія двухъ противорѣчащихъ подражаній, глубоко воспринятыхъ разными личностями [1]). Легко видѣть, что теорія эта совершенно неудовлетворительна. Если оба противорѣчащихъ подражанія принадлежатъ къ частично распространеннымъ, то совершенно непонятно, почему это логическое противорѣчіе подражаній, противорѣчіе силлогизмовъ, какъ указываетъ самъ Тардъ, противорѣчіе, которое въ соціальной жизни встрѣчается на каждомъ шагу, въ данномъ конкретномъ случаѣ вдругъ должно вызвать бурю взаимнаго негодованія и надрывъ въ соціальной связи. Если же столкновеніе происходитъ отъ противорѣчія какого либо новаго подражанія всеобще-распространенному, то, разсуждая логически, послѣдствія должны были бы ограничиться только тѣмъ, что одно изъ подражаній, бывшее всеобще-распространеннымъ, сведется теперь на степень частично-распространеннаго; объясненія конфликта здѣсь опять не заключается. Приблизительно то же самое можно было бы возразить и противъ попытки объяснить соціальные конфликты изътеоріи Гиддингса. Въ этой теоріи, гдѣ общество сливается съ сознаніемъ біологическихъ сходствъ [2]), для соціальнаго конфликта не имѣется почвы; различныя степени сознанія сходства со-

---

[1]) Tarde. Opposition universelle p. 385—388, Logique sociale p. 447, также 67—71.

[2]) Giddings loc. cit.

вершенно еще не даютъ основанія для взаимнаго возмущенія между людьми, оказавшимися менѣе сходными, чѣмъ они предполагали. Теорія общества у Болдуина вся основана на томъ, что въ обществѣ „всѣ люди должны усвоить одно и то же"; конфликтъ происходитъ между обществомъ и исключительной личностью, неспособной воспринять эти необходимо всеобщія подражанія. Отсюда вытекало бы, что конфликтъ въ обществѣ возможенъ только въ силу такой несчастной организаціи личности [1]). Такимъ образомъ, самый важный и самый типичный случай соціальнаго конфликта, рѣзкое раздѣленіе общества на лагери, взаимно ненавидящіе и осуждающіе другъ друга, соціальные кризисы, остается у Болдуина не только не объясненнымъ, но и не объяснимымъ. Совершенно особнякомъ, какъ бы въ сторонѣ отъ всего логическаго хода его теоріи, стоитъ у Болдуина еще одинъ случай оппозиціи личности противъ общества—оппозиція генія, пророка, предвѣстника будущихъ эпохъ, много опередившаго сознаніе своей собственной эпохи [2]). Та конструкція, которую даетъ Болдуинъ для этого случая опять таки не объясняетъ конфликта, взаимнаго раздраженія и обличенія между пророкомъ и толпою. Его пророкъ—это просто прорицатель, предсказывающій будущее и ожидающій его осуществленія. Элементъ страстной, напряженной борьбы между передовыми умами и отсталыми изъ теоріи Болдуина не вытекаетъ, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ его призывъ спокойно выслушивать такихъ оторванныхъ отъ эпохи прорицателей, кѣмъ бы они ни были—пророками или обманщиками.

Такимъ образомъ, въ существующихъ ученіяхъ психологической школы мы не найдемъ отвѣта на вопросъ, почему происшедшія измѣненія въ обществѣ въ одномъ случаѣ создадутъ лишь добавочную группировку

---

[1]) Baldwin op. cit. p. 71—75.

[2]) Baldwin op. cit. p. 534.

по присоединившемуся мелкому признаку, а въ другомъ вызовутъ напряженныя взаимно сталкивающіяся реакціи и острый внутренній конфликтъ.

Отвѣтъ можно найти только на почвѣ основного принципа соціальной теоріи, закона эективаціи подражанія. Мы видѣли, что эективація существенныхъ въ синтезѣ личности чертъ, происходя съ особой увѣренностью, заставляющей связывать съ нею всѣ разсчеты, вызываетъ при неподтвержденіи острую бурную форму негодованія. Подтвержденіе подобной увѣренной эективаціи представляетъ категорическое требованіе, обращенное къ каждому члену общества; соотвѣтственная норма принимаетъ рѣзкія императивныя формы. Нарушеніе такой эективаціи представляетъ въ широкомъ смыслѣ преступность, понимая подъ этимъ словомъ всякое „преступленіе“ существующихъ въ обществѣ безусловно связывающихъ императивныхъ нормъ, совершенно независимо отъ кары уголовнаго закона. Если нарушеніе совершается изолированно отдѣльнымъ индивидуумомъ, то передъ нами конфликтъ между личностью и обществомъ; если же „преступниками“ является цѣлая группа, цѣлая часть общества, то подобное явленіе представляетъ соціальный кризисъ.

Конечно, природа общества не даетъ возможности абстрактно, апріорно, въ видѣ общей формулы, разграничить существенныя въ синтезѣ личности свойства отъ несущественныхъ. Каждая историческая эпоха, выдвигаетъ свои существенныя черты синтеза личности. Характерное наслѣдіе прошлаго и своеобразныя нововведенія настоящаго придаютъ каждой эпохѣ свой особый колоритъ. Почему, именно, данныя подражанія составляютъ основу соціальной личности извѣстнаго времени и среды—это объясняется всей массой конкретныхъ историческихъ условій. По мѣрѣ возможности, полно прослѣдить этотъ процессъ конкретныхъ измѣненій синтеза соціальной личности въ различныя эпохи составляетъ ближайшую задачу историка. Съ

точки зрѣнія чисто абстрактной, можно только говорить объ общей измѣняемости, объ эволюціи синтеза личности въ теченіи историческаго развитія. Для того же, чтобы реально провести грань, необходимъ весь комплексъ конкретныхъ условій. Подражанія, которыя въ данной средѣ въ извѣстную эпоху кажутся весьма несущественными, въ другое время и въ иной средѣ могутъ имѣть первостепенное значеніе. Крикъ римской толпы panem et circenses, жажда боя быковъ испанцевъ, указываютъ на первостепенное значеніе такихъ подражаній, которыя совершенно затушеваны въ синтезѣ личности современнаго европейца. А между тѣмъ, эти цирковые интересы могли служить факеломъ, зажегшимъ въ Византіи знаменитую распрю „зеленыхъ и голубыхъ“, не утихавшую ни въ эпоху ожесточенной борьбы православія и ересей, ни въ моменты, когда внѣшніе враги подступали къ стѣнамъ Константинополя, возведшую на тронъ однихъ императоровъ, стоившую короны и жизни другимъ, служившую центромъ политическихъ интригъ, возносившую полководцевъ и государственныхъ дѣятелей, (какъ, напр., знаменитаго Велизарія). Утонченный этикетъ двора Людовика XIV, который кажется совершенной нелѣпостью въ нашемъ демократическомъ обществѣ, въ свое время игралъ первостепенную роль въ жизни эпохи, и болѣе крупныя его нарушенія составляли настоящія преступленія и карались Бастиліей. Наоборотъ, если сравнить съ прошлыми столѣтіями распространеніе знаній въ нашу эпоху, число школъ, ежегодную статистику книжнаго рынка, огромные государственные расходы на всеобщее обученіе и т. д., то окажется прямо поразительнымъ, какую существенную роль въ нашей личности играютъ подражанія, имѣвшія такое малое значеніе въ прежнія времена. Не будемъ говорить уже о характерной чертѣ нашей эпохи—ея усиленномъ, гигантскомъ общеніи между людьми при помощи пара и электричества. Каждая конкретная соціальная среда

каждая историческая эпоха выдвигаетъ на первый планъ въ синтезѣ личности другія свойства. Лишь когда новое изобрѣтеніе или же группа изобрѣтеній вноситъ измѣненіе въ эти существенныя свойства личности, можетъ произойти сильная пертурбація въ соціальныхъ отношеніяхъ. Основное различіе въ содержаніи императивныхъ нормъ, вызванное этимъ новымъ изобрѣтеніемъ, создаетъ рѣзкую грань, нѣкоторый психологическій разрывъ внутри общества. Если этотъ разрывъ складывается такимъ образомъ, что новое изобрѣтеніе принимается только самимъ изобрѣтателемъ, другіе же члены общества, окружающая соціальная среда, отвергаютъ его, тогда мы получимъ типичный случай конфликта между личностью и обществомъ. Этотъ случай можетъ представить нѣсколько интересныхъ варіантовъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

При всѣхъ подобныхъ столкновеніяхъ основнымъ моментомъ, классификаціоннымъ признакомъ конфликта является возникающее на одной или на обѣихъ сторонахъ возмущеніе, вслѣдствіе нарушенія императивныхъ въ сознаніи этой стороны нормъ. Однако, не при всякомъ нарушеніи императивныхъ нормъ возмущеніе и обусловленный имъ конфликтъ возникаютъ съ абсолютной необходимостью. Есть обширная группа случаевъ, гдѣ явное нарушеніе императивныхъ нормъ, вызывая полное сознаніе преступности дѣйствія, вмѣстѣ съ тѣмъ не вызываетъ осужденія дѣятеля— гдѣ, выражаясь терминомъ уголовнаго права, „дѣяніе не вмѣняется въ вину“. Также, какъ преступность въ соціологическомъ смыслѣ шире уголовной, такъ и соціологическое невмѣненіе шире, нежели установленное въ статьяхъ закона.

Въ теченіе всего предыдущаго изложенія намъ постоянно приходилось встрѣчаться не съ конкретными моментами въ дѣятельности отдѣльнаго индивидуума, а съ его общимъ духовнымъ обликомъ, съ синтезомъ его личности и вытекающимъ изъ него критеріемъ вѣры.

А между тѣмъ, вся дѣятельность личности протекаетъ въ конкретныхъ моментахъ. Общія синтетическія формулы, составленныя изъ усвоенныхъ личностью подражаній, примѣняются ею въ свою очередь къ конкретнымъ же обстоятельствамъ. Всякое дѣйствіе личности есть дедуктивный силлогизмъ отъ общихъ формулъ къ конкретнымъ обстоятельствамъ. Какъ мѣтко указываетъ Тардъ (впрочемъ неточно примѣняя свое указаніе), въ подобныхъ силлогизмахъ большая посылка дается подражательно пріобрѣтеннымъ содержаніемъ сознанія, малая—конкретными обстоятельствами, а выводомъ опредѣляется поведеніе личности въ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ.[1]) Такимъ образомъ, всякое дѣйствіе личности основано въ конечномъ итогѣ на конкретныхъ обстоятельствахъ. Этому общему принципу подчинены и дѣйствія, нарушающія въ томъ или иномъ случаѣ какую либо императивную норму. Всякое такое нарушеніе представляетъ конкретное дѣйствіе, противорѣчащее тому поведенію, которое при данныхъ конкретныхъ условіяхъ увѣренно эективируется въ обществѣ. Само собою понятно, что никакая эективація конкретнаго поведенія, а тѣмъ болѣе увѣренная эективація, создающая императивъ, не можетъ выступить за предѣлы тѣхъ конкретныхъ обстоятельствъ, которыя ее обусловливаютъ. Самая общая, самая увѣренная эективація, заключающаяся въ формулѣ „не убій“, въ возможности своего примѣненія къ частному случаю, необходимо ограничена конкретными условіями, наличностью жизни и лишенія жизни. Содержаніе увѣренной эективаціи, лежащей въ основѣ императива, сводится къ тому, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ, субъективное сознаніе члена общества, его синтезъ личности необходимо опредѣлитъ данное, точно извѣстное поведеніе.

Отсюда съ логической неизбѣжностью вытекаетъ, что безъ знанія личностью тѣхъ конкретныхъ условій,

---

[1]) Tarde. Logique sociale p. 63.

отъ которыхъ зависитъ обязательность для нея въ данномъ случаѣ опредѣленнаго поведенія, не можетъ быть, строго говоря, нарушенія императива. Эективація подражанія ограничивалась наличностью извѣстныхъ фактическихъ условій; между тѣмъ, несмотря на реальное существованіе этихъ условій, не сознававшая ихъ личность дѣйствовала при другихъ условіяхъ—тѣхъ, которыя были въ ея сознаніи. Если съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ условій ея дѣйствіе было правильнымъ или, по крайней мѣрѣ, допустимымъ, то для возмущенія, очевидно, не представится основанія. Исключеніе составитъ только тотъ случай, когда самое знаніе конкретныхъ условій по какой-либо причинѣ является въ обществѣ обязательнымъ, въ частности, когда эти условія „общеизвѣстны“. Здѣсь лежитъ граница между простой ошибкой и преступной неосторожностью. Но вдаваться въ эти тонкости, обстоятельно разработанныя наукой уголовнаго права, было бы уклоненіемъ отъ нашей задачи. Помимо же этого случая преступной неосторожности, лица, связывавшія свои разсчеты съ предполагаемыми на основаніи извѣстныхъ имъ фактическихъ условій дѣйствіями другой, не знавшей и необязанной знать объ этихъ условіяхъ личности, могутъ только упрекнуть себя въ легкомысленной увѣренности, но возмущаться неподтвержденіемъ этой увѣренности общество не будетъ. Передъ нами случай „не вмѣненія въ вину“ дѣянія, объективно нарушающаго императивную норму — случай извинительной ошибки.

Уголовное право издревле встрѣчалось съ этими вопросами. Тогда какъ на преступность, не входящую въ сферу уголовнаго права, общество реагируетъ исключительно стихійнымъ не кристаллизированнымъ, не организованнымъ осужденіемъ, уголовная репрессія представляетъ форму отчетливо-кристаллизированную и точно-организованную. Здѣсь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ становится ребромъ вопросъ, подлежитъ ли

преступникъ осужденію или нѣтъ. Нормированіе этой области абстрактными правовыми формулами вызываетъ необходимость столь же абстрактнаго указанія случаевъ, когда преступникъ не подлежитъ осужденію, случаевъ невмѣненія. Именно, поэтому уголовное право является особенно пригоднымъ для иллюстраціи принциповъ невмѣненія. Можно ожидать a priori, что важнѣйшіе случаи этого рода должны такъ или иначе отразиться въ криминалистикѣ. И дѣйствительно, во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ мы находимъ извинительную ошибку, какъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ. Ни одно законодательство не считаетъ возможнымъ карать дѣяніе, совершенное по извинительному невѣдѣнію тѣхъ фактическихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависѣла его преступность. Въ частности у насъ въ Россіи 99 ст. Ул. о Нак. гласитъ: „Кто учинилъ что либо противное закону единственно по совершенному невѣдѣнію тѣхъ обстоятельствъ, отъ коихъ, именно, дѣяніе его обратилось въ противозаконное, тому содѣянное имъ не вмѣняется въ вину“; и то же самое въ связи съ исключеніемъ для неосторожности повторено въ 43 ст. новаго Угол. Ул.

Второй случай невмѣненія имѣетъ мѣсто независимо отъ знанія фактическихъ обстоятельствъ, когда нарушена или еще недоразвита способность правильной оцѣнки этихъ обстоятельствъ, правильнаго къ нимъ приспособленія. Это то, что наука уголовнаго права называетъ „субъективнымъ состояніемъ невмѣняемости“. Само собою понятно, что нормальный членъ общества при столкновеніи съ подобными, не могущими приспособляться личностями, никогда не будетъ увѣренно эективировать на нихъ какого либо образа дѣйствія. Съ дѣйствіемъ подобной личности не связаны ничьи увѣренные разсчеты, и потому ея образъ дѣйствія не можетъ вызвать возмущенія общества. Конечно, для признанія невмѣняемости необходимо сознаніе среды о неспособности даннаго лица къ правильному приспо-

собленію. Положеніе это легко подтвердить исторіей ученія о невмѣняемости въ уголовномъ правѣ. Параллельно расширенію знаній по психологіи и психіатріи расширялся и критерій невмѣняемости, ибо прекращалась увѣренность эективаціи въ отношеніи новыхъ категорій лицъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, гдѣ невмѣненіе конкретнаго дѣянія зависитъ отъ субъективной невмѣняемости дѣятеля, происходитъ только констатированіе уже существующаго разрыва соціальной связи, но нѣтъ ни возмущенія, ни выражающагося въ немъ конфликта.

Важнѣйшимъ варіантомъ невмѣняемости является различіе оцѣнокъ даннаго дѣянія, происшедшее изъ глубокихъ, рѣзкихъ измѣненій въ личности дѣятеля, въ его субъективномъ біологическомъ и соціальномъ критеріи правильности приспособленія. Мы видѣли, что процессъ біологическаго и соціальнаго приспособленія вырабатываетъ въ личномъ синтезѣ постоянный внутренній критерій правильности приспособленія, и этотъ критерій, вслѣдствіе общаго сходства субъективныхъ сознаній, является весьма сходнымъ у членовъ опредѣленной соціальной среды. Рѣзкое измѣненіе этого критерія у одного изъ членовъ данной среды проявляется въ коренномъ несходствѣ конкретной оцѣнки даннаго члена съ оцѣнкой другихъ членовъ. Понятно, такое рѣзкое коренное измѣненіе біологическаго критерія приспособленія является въ психологіи личности моментомъ патологическимъ. Измѣненія въ этомъ направленіи, отступленія отъ нормальныхъ психофизическихъ процессовъ указываютъ на путь психіатріи. Именно, тамъ нужно искать объясненія нѣкоторымъ рѣзкимъ измѣненіямъ критерія приспособленія. На своихъ кульминаціонныхъ пунктахъ, когда эти перемѣны совершаются съ необыкновенной силой и быстротой, глубокая пертурбація, происшедшая во всей психофизической организаціи, во всемъ синтезѣ личности, сознается самимъ индивидуумомъ. Къ сожалѣнію,

не будучи спеціалистомъ по психіатріи, я лишена возможности прослѣдить всѣ формы психическаго разстройства, которыя могутъ представить интересъ для соціолога. Но нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для насъ моментовъ. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ одна изъ самыхъ тяжкихъ формъ, раздвоеніе личности [1]). Физіологическая основа этой пертурбаціи, измѣненіе дѣятельности нервной системы, отражается въ субъективномъ сознаніи черезъ измѣненія въ Gemeingefühl. Психологическая сторона процесса приводитъ къ рѣзкимъ пертурбаціямъ системы осуществленныхъ приспособленностей. Получается разрывъ, пропасть, ощущеніе не тождественности въ субъективномъ самосознаніи между прежней личностью и настоящей. Конечно, въ такихъ крайнихъ патологическихъ случаяхъ внутренній критерій приспособленія, непосредственно вытекающій изъ всего содержанія субъективнаго сознанія, также претерпѣваетъ глубокія потрясенія. Поэтому совершенно понятенъ полный разрывъ, коренное несходство съ общимъ критеріемъ, присущимъ нормальнымъ личностямъ, приблизительно правильно приспобляющимся къ біологической соціальной средѣ.

Съ этой же точки зрѣнія можно констатировать разрывъ въ соціальной связи, неподтвержденіе эективаціи и въ менѣе тяжелыхъ случаяхъ психическихъ заболѣваній. Если раздвоенія личности не происходитъ, если субъективный критерій измѣненъ не во многихъ отношеніяхъ, а въ одномъ какомъ либо существенномъ пунктѣ, то и тогда можетъ произойти

---

[1]) См. о ней Крафтъ-Эбингъ. Учебникъ психіатріи 2 русское изд. СПБ. 1890 г. стр. 124—34. Бинэ. Измѣненія личности pass. Жанэ. Неврозы и фиксированныя идеи pass. Griesinger. Pathologie und Theurapie der psychischen Krankheiten 2 aufl. см. общую часть, а также ср. 334—341, Ribot Maladies de la mémoire Paris 1881 p. 86 suiv., Болѣзни личности pass. Richet L'homme et l'intelligence, Paris 1884, p. 243—249 et. suiv.

разрывъ соціальной связи между личностью и окружающей ее психологической средой. Такія соціальныя послѣдствія обыкновенно имѣютъ такъ называемыя „бредовыя идеи“, патологія которыхъ обстоятельно разработана Гризингеромъ, Крафтъ-Эбингомъ, Крепелиномъ и др. [1]) Бредовая идея, даже непосредственно касаясь лишь одного пункта, тѣмъ не менѣе вызываетъ глубокое несходство во всемъ субъективномъ сознаніи между данными индивидуумами и другими членами общества. Если бредовая идея, касается основного существеннаго въ синтезѣ личности подражанія, тогда измѣненія, происходящія въ психической жизни страдающаго ею индивидуума, нарушаютъ правильное подтвержденіе взаимной эективаціи и этимъ создаютъ разрывъ соціальной связи. Это явленіе неоднократно отмѣчалось и въ художественной литературѣ. Глубоко-симпатичную личность героя „Краснаго цвѣтка“ Гаршина, несмотря на ея многія возвышенныя черты, особенно цѣнимыя въ обществѣ, бредовыя идеи совершенно выводятъ изъ строя соціальной жизни, дѣлаютъ совершенно неспособной къ нормальной дѣятельности въ обществѣ. Доступный и понятный намъ ужасъ войны, принимая бредовыя формы у героя „Краснаго смѣха“ Андреева, обусловливаетъ коренной разрывъ его сознанія и дѣятельности съ нормальными личностями его среды. Не менѣе ярко выступаетъ это неподтвержденіе эективаціи и въ тѣхъ случаяхъ, когда подражаніе, имѣющее въ данной соціальной средѣ второстепенное значеніе, по патологическимъ причинамъ получаетъ особо важное мѣсто въ личности паціента. Тогда коренныя несходства въ субъективномъ сознаніи паціента и нормальнаго члена среды обнаруживаются въ несоотвѣтственномъ по сравненію со средой психологическомъ значеніи даннаго второстепеннаго подражанія, въ

[1]) Griesinger op. cit. Крафтъ-Эбингъ op. cit. стр. 95—102 Крепелинъ. Краткое руководство психіатріи СПБ. 1891, перев. съ 3 изд. стр. 244—311.

душевномъ строѣ страдающаго индивидуума. Это случай „навязчивой идеи", которая представляетъ психическое разстройство, независимо отъ бредовой нелѣпости своего содержанія [1]). Характернымъ отличительнымъ признакомъ навязчивой идеи, служитъ ея подавляющая роль въ психической жизни больного и неустанно фиксированное на ней вниманіе. Если предположить, что такое невозможное, несоразмѣрное въ нормальномъ строѣ психической жизни мѣсто занимаетъ подражаніе еще вдобавокъ нормально второстепенное, то станетъ яснымъ, какое полное несоотвѣтствіе субъективныхъ сознаній паціента и нормальнаго члена среды должна вызвать эта навязчивая идея. Несоотвѣтствіе же субъективныхъ сознаній, преломляясь сквозь внутренній міръ эективирующихъ индивидуумовъ, имѣетъ своимъ прямымъ слѣдствіемъ прекращеніе взаимной эективаціи и разрывъ соціальной связи. Чѣмъ менѣе опредѣленные случаи патологическаго разстройства мы возьмемъ, тѣмъ менѣе замѣтно будетъ это несходство субъективнаго сознанія данной личности съ окружающей средой, но во всѣхъ случаяхъ оно отражается соотвѣтственнымъ разстройствомъ критерія приспособленія. Субъективный критерій правильности приспособленія непосредственно вытекаетъ изъ всего уже осуществленнаго синтеза личности. Синтезъ этотъ по существу своему есть субъективно сознанная система уже осуществленныхъ знаній и приспособленностей. Поэтому синтезъ личности является субъективнымъ отраженіемъ совершающагося процесса приспособленія къ физической и соціальной средѣ. Если система личности даннаго индивидуума претерпѣваетъ патологическія измѣненія, то эти измѣненія неизбѣжно должны сказаться и на способности правильно приспособляться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Не будемъ останавливаться на

---

[1]) Крафтъ-Эбингъ op. cit. стр. 82—88 Griestinger op. cit. Крепелинъ op. cit. и др.

этомъ вопросѣ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онъ это заслуживаетъ: онъ бы завелъ насъ слишкомъ далеко. Современная психіатрія стремится представить полную картину психофизической эволюціи отъ нормальнаго состоянія до кульминаціонныхъ пунктовъ болѣзни. Всѣ грани такъ мягко очерчиваются, всѣ стадіи такъ незамѣтно переходятъ одна въ другую, что границу нормальности и болѣзни отмѣтить чрезвычайно трудно. Оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ и замѣтимъ только, что степень патологическаго состоянія имѣетъ рѣшающее значеніе для степени расхожденія субъективнаго критерія приспособляемости даннаго индивидуума съ критеріемъ нормальныхъ членовъ окружающей среды. Въ этомъ отношеніи можно было бы намѣтить длинный и извилистый путь отъ едва ощутимыхъ уклоненій, простыхъ чудачествъ до ясно выраженнаго раздвоенія личности. Такъ напр., при истеріи наблюдается варіантъ отдѣльныхъ формъ отъ простого нервнаго разстройства до тяжелыхъ случаевъ Hysteria major съ полнымъ раздвоеніемъ личнаго сознанія [1]). Такимъ образомъ, психическая болѣзнь предопредѣляетъ разрывъ личности со средой, пропорціональный степени патологическаго разстройства. Въ этой же степени обнаружившагося разрыва соціальной связи наступаетъ и невмѣняемость.

Другимъ варіантомъ субъективнаго сознанія невмѣняемости является недостаточное духовное развитіе, бѣдность подражаніями и ихъ комбинаціями, неразвитость, невыработанность личнаго синтеза, вызывающія неполный, неточный общій критерій приспособленія, что и отражается неполной и неправильной оцѣнкой конкретнаго поведенія. Уголовное право знаетъ такіе случаи. На этой идеѣ построены институты невмѣняемости и частичной отвѣтственности малолѣтнихъ, а равно невмѣняемость идіотовъ и глухо-нѣмыхъ отъ рожденія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ статьи закона проводятъ идею

[1]) См. Жанэ op. cit. Binė op. cit.

соотвѣтственной невмѣняемости тѣхъ лицъ, которыя по условіямъ своего развитія не могутъ правильно оцѣнивать своихъ дѣйствій. Съ малолѣтними у взрослаго члена общества существуетъ лишь частичная соціальная связь. У нормальнаго взрослаго члена общества личный синтезъ несравненно богаче содержаніемъ, нежели у малолѣтняго; вытекающій изъ него критерій приспособленія точнѣе и полнѣе. Длительная эективаціа подражанія, т. е. длительная соціальная связь возможна лишь частично. Степень ея зависитъ отъ стадіи индивидуальнаго развитія малолѣтняго. Въ теченіи развитія ребенка, соціальная связь, отсутствующая вначалѣ, появляется, постепенно возрастаетъ и, проходя всѣ ступени, доходитъ до нормальной связи между членами данной соціальной среды. Соотвѣтственно стадіи индивидуальнаго развитія, въ зависимости отъ отсутствія соціальной связи или ея частичнаго характера, и опредѣляется невмѣняемость или частичная отвѣтственность малолѣтнихъ.

Въ соціологіи общій принципъ невмѣненія можетъ имѣть несравненно болѣе широкую сферу дѣйствія, нежели въ уголовномъ правѣ. Въ частности болѣе широкое примѣненіе имѣетъ и случай невмѣненія по неправильной конкретной оцѣнкѣ, вслѣдствіе бѣдности, неразвитости личнаго синтеза дѣятеля и, неполноты вытекающаго изъ этого синтеза общаго критерія приспособленія. Тамъ, гдѣ правовое невмѣненіе существуетъ только для малолѣтнихъ и идіотовъ, соціологическое можетъ существовать вообще для недоразвитыхъ личностей. Толстой во „Власти тьмы“, какъ это видно даже изъ самаго заглавія, проводитъ идею соціологическаго невмѣненія, въ виду низкаго духовнаго уровня дѣятелей, несмотря на конкретный ужасъ дѣянія и на полную уголовную вмѣняемость виновниковъ.

Невмѣненіе по неразвитію предполагаетъ, такимъ образомъ, недоразвитость критерія приспособленія у

виновной стороны, происходящую отъ общей недоразвитости ея соціальной личности. Уже было упомянуто, что въ подобныхъ случаяхъ полной, увѣренной эективаціи подражанія со стороны высшей личности, познавшей это различіе, произойти не можетъ. Поскольку низшая личность является соціально недоразвитой, на ея будущемъ дѣйствіи никогда не можетъ быть построенъ увѣренный разсчетъ, и дѣйствіе этой личности возмущенія, осужденія не вызоветъ. Съ такими лицами возможна лишь частичная соціальная связь, и моралисты образно и удачно называютъ ихъ „меньшею братіей". Невмѣненіе по духовной неразвитости дѣятеля, возведенное во всеобщій принципъ, распространяясь на всѣ осуждаемыя дѣянія доходило бы въ своемъ логическомъ предѣлѣ до границъ всепрощенія. Но этимъ принципомъ исчерпывался бы, конечно, только объемъ осуждаемыхъ дѣяній, но никакъ не идеологическія основанія, на которыхъ можетъ быть построена идея всепрощенія; хотя бы потому, что прощеніе дѣятеля при полномъ сознаніи преступности дѣянія можетъ быть основано, помимо невмѣненія, еще на совершенно иномъ принципѣ—милости, на подавленіи въ себѣ дѣйствительно возникающаго негодованія. Въ своемъ логическомъ концѣ эта идея милости также способна распространяться на всѣхъ людей и, принимая императивную форму, она также повела бы ко всепрощенію. Съ этимъ принципомъ милости мы еще встрѣтимся дальше; здѣсь отмѣтимъ только, что по своей соціальной природѣ онъ сильно отличается отъ принципа невмѣненія. Тогда какъ императивная форма милости, какъ увидимъ ниже возможна между равными по своему духовному развитію личностями, невмѣненіе по неразвитости возможно лишь при болѣе высокомъ развитіи осуждающей дѣяніе стороны. Поэтому принципъ всеобщаго невмѣненія, провозглашающій, что какъ бы высоко ни стояла соціальная личность, совершившая осуждаемое дѣяніе, оно ей не вмѣняется по неразвитости—такой принципъ пред-

полагаетъ неизмѣримо высшее развитіе судящаго надъ всей соціальной средой. Духовное развитіе невмѣняющей стороны должно быть столь высокимъ, чтобы въ отношеніи всѣхъ личностей, составляющихъ соціальную среду, возможна была лишь частичная, слѣдовательно, мало увѣренная эективація, и возмущенія естественно не возникало бы. Поэтому, именно, всепрощеніе, основанное не на подавленіи, а на полномъ отсутствіи возмущенія принципіально въ отношеніи всякой соціальной личности, предполагаетъ a priori неизмѣримо высшее развитіе, нежели то, которое можетъ быть достигнуто какой бы то ни было соціальной личностью данной среды. Другими словами, въ соціальной жизни принципъ всеобщаго невмѣненія по неразвитости невозможенъ. Его полное осуществленіе требуетъ совершенство Судьи. Это рано сознали монотеистическія религіи, признавъ подобную всеблагость аттрибутомъ Божества.

Другой случай, который слѣдуетъ строго отличать отъ невмѣненія—и притомъ не только по недоразвитости, а отъ всякаго невмѣненія вообще—это случай кажущейся только преступности дѣянія. Сплошь и рядомъ наблюдается въ соціальной жизни такое явленіе, что дѣйствіе, которое въ огромной массѣ случаевъ является соціально преступнымъ, и недопустимость котораго кристаллизуется поэтому въ видѣ общей абстрактной формулы, при исключительныхъ конкретныхъ обстоятельствахъ, оказывается соціально-нормальнымъ. Такъ, напр., убійство, которое вообще является однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, въ условіяхъ необходимой обороны, становится дозволеннымъ; кража, представляющая вообще дѣяніе несомнѣнно преступное, при условіяхъ крайней необходимости, никакого возмущенія не вызываетъ. Основаніе непреступности подобныхъ дѣяній заключается въ томъ, что при данныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ такъ дѣйствовалъ бы нормальный членъ среды. Поэтому эективація другого пове-

денія является увѣренной лишь до момента обнаруженія исключительныхъ условій обсуждаемаго дѣйствія. Съ момента, когда эти условія обнаружились, они вызываютъ либо обратную увѣренность, что такъ дѣйствовалъ бы всякій, либо, по крайней мѣрѣ, сомнѣніе, какъ поступилъ бы другой нормальный членъ среды. Въ обоихъ случаяхъ рѣзкое соціальное осужденіе виновника, очевидно, невозможно. Именно, въ этомъ основа громаднаго большинства тѣхъ оправдательныхъ вердиктовъ, которые выносятъ присяжные засѣдатели при доказанности дѣянія и вмѣняемости дѣятеля. Въ этихъ случаяхъ законъ, воспрещающій дѣяніе подъ страхомъ наказанія, выражаетъ, именно, ту общую формулу сужденія общества, которая относится къ подавляющей массѣ сходныхъ случаевъ; вердиктъ же присяжныхъ указываетъ на исключительныя особенности даннаго случая, устранявшія возможность увѣренной эективаціи предписаннаго закономъ поведенія. Въ этихъ случаяхъ преступность дѣянія только кажущаяся.

Въ аскетическомъ міросозерцаніи принципъ кажущейся преступности доводится до своего логическаго конца, и въ этомъ видѣ онъ можетъ служить базисомъ для третьяго идеологическаго обоснованія идеи всепрощенія. Сознаніе громадной, подавляющей, безконечной грѣховности всѣхъ людей можетъ быть столь сильнымъ, чтобы стереть всѣ различія, чтобы каждый новый грѣхъ казался незначительнымъ варіантомъ всеобщей грѣховности. При такомъ сознаніи правильное поведеніе въ каждомъ конкретномъ случаѣ эективируется весьма неувѣренно, и рѣзкаго возмущенія при его нарушеніи, понятно, не возникаетъ. Добродѣтель является въ такомъ пониманіи абстрактной формулой; ея единственный носитель—абсолютный идеалъ, Богъ. Присущій ей императивъ идеала проистекаетъ изъ отношеній къ Богу, а въ отношеніи къ людямъ имѣетъ свою основу въ увѣренной эективаціи общаго абстрактнаго критерія оцѣнки, общей вѣры въ Бога, эективаціи стремленія,

порыва, а не конкретнаго дѣйствія. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ можетъ взять верхъ всеобщая человѣческая грѣховность. Состояніе грѣховности признается соціально-нормальнымъ для людей и исключается оно только для самого Божества. Отсюда съ логической неизбѣжностью вытекаетъ принципъ всеобщаго неосужденія. Всѣ люди грѣховны, и именно, поэтому ни одинъ не преступенъ. Яркимъ выраженіемъ этой идеи является евангельское изреченіе Христа: „Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень“ [1]). Въ средніе вѣка съ ихъ аскетическимъ міросозерцаніемъ идея всепрощенія всегда неизбѣжно получала этотъ оттѣнокъ. Во всѣ эпохи личности съ аскетическимъ душевнымъ складомъ склонялись ко всепрощенію въ этой формѣ. Тургеневская Лиза изъ „Дворянскаго Гнѣзда“ никого не судитъ, никого не осуждаетъ, совершенно отказывается отъ всякой критики людей и ихъ поступковъ потому, что въ ея сознаніи грѣховны всѣ, и осужденіе другихъ проистекаетъ только изъ неправильной гордости собою. Логическій конецъ такого міросозерцанія одинъ, и Лиза осуществляетъ его—это монастырь. Именно, въ уста монастырскаго подвижника вкладываетъ эти мысли психологъ Достоевскій: старецъ Зосима прощаетъ всѣхъ людей и всѣ ихъ грѣхи не только изъ любви къ людямъ, но и потому, что всѣ грѣховны, и никто не долженъ превозносить себя настолько, чтобы осудить другого.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ кажущейся преступности, какъ и во всѣхъ случаяхъ невмѣненія, дѣйствительнаго соціальнаго конфликта не возникаетъ. При кажущейся преступности имѣется только видимое нарушеніе императивныхъ нормъ, а въ дѣйствительности поступокъ соціально нормаленъ. При невмѣненіи по фактической ошибкѣ личность также никакихъ императивныхъ нормъ не нарушила. Наконецъ, при субъ-

---

[1]) Евангеліе отъ Іоанна гл. 8, ст. 7.

ективной невмѣняемости объективное нарушеніе нормъ имѣется, но оно произведено не-членомъ или частично-членомъ соціальной среды, на котораго общество не могло увѣренно эективировать какого либо образа дѣйствія [1]).

Иное положеніе вещей наступаетъ тогда, когда съ одной стороны дѣяніе дѣйствительно нарушаетъ существующія въ данной средѣ императивныя нормы, а съ другой стороны дѣятелемъ является полный членъ среды, вполнѣ вмѣняемая личность. Въ этихъ случаяхъ неизбѣжно происходитъ взрывъ негодованія, и возникаетъ конфликтъ.

Какимъ же образомъ у полнаго члена среды, обладающаго полной вмѣняемостью, можетъ возникнуть настолько значительное расхожденіе съ обществомъ, чтобы онъ могъ совершить соціальное преступленіе? Мы видѣли выше, что соціальная личность складывается подъ вліяніемъ двухъ главныхъ моментовъ: психофизической организаціи и соціально-біографическихъ условій. Ни тотъ, ни другой моментъ не можетъ быть абсолютно сходнымъ у различныхъ индивидуумовъ. Индивидуальныя различія между двумя соціальными личностями всегда существуютъ. Эти различія по природѣ своей незначительны и тонутъ въ общей массѣ сходствъ; но подъ вліяніемъ какого либо исключительнаго сочетанія конкретныхъ условій развитія личности, эти различія могутъ обостриться на одномъ изъ основныхъ въ синтезѣ личности пунктовъ. Тогда опредѣляемое этими различіями конкретное поведеніе даннаго индивидуума нарушитъ принятыя въ его соціальной средѣ императивныя нормы. Неподтвержденіе увѣренной эективаціи, связанной съ существенными моментами лич-

---

[1]) Характерно, что въ древнѣйшихъ уголовныхъ законодательствахъ кары не распространялись на чужеземцевъ, ибо они не считались членами соціальной среды, и на нихъ не распространялась увѣренная эективація.

ности, естественно вызываетъ возмущеніе. Возникаетъ конфликтъ.

Болѣе подробное разсмотрѣніе конкретныхъ условій, могущихъ создать достаточное для конфликта отклоненіе личнаго синтеза одного изъ членовъ среды отъ нормальнаго въ данной средѣ, не входитъ въ нашу задачу. Общее изслѣдованіе этихъ условій относится къ области психологіи и криминалогіи, а конкретные выводы изъ нихъ—къ задачѣ суда. Съ точки зрѣнія соціологіи, достаточно отмѣтить, что поскольку индивидуальныя отклоненія составляютъ логически необходимый элементъ соціальной жизни, постольку дана и неизбѣжность отклоненій болѣе крупныхъ при болѣе сильномъ дѣйствіи отмѣняющихъ причинъ.

Конфликтъ между личностью и обществомъ можетъ принимать разныя формы. Когда расхожденіе между личностью и обществомъ произошло на такомъ пунктѣ, который является существеннымъ въ личномъ синтезѣ обѣихъ сторонъ, какъ данной личности, такъ и тѣхъ индивидуумовъ, которые составляютъ общественную среду, тогда въ сознаніи обѣихъ сторонъ констатируется неподтвержденіе увѣренной эективаціи, на обѣихъ сторонахъ возникаетъ характерное для конфликта раздраженіе, и начинается борьба между личностью и обществомъ. Съ одной стороны, общество считаетъ личность преступникомъ и требуетъ отъ нея подчиненія. Неподтвержденіе увѣренной эективаціи въ одномъ изъ существенныхъ моментовъ личнаго синтеза вызываетъ паденіе увѣренности другихъ эективаціи, ибо личный синтезъ каждаго изъ другихъ членовъ среды уже не можетъ служить для него критеріемъ личности преступника. Падаетъ сознаніе соціальной связи и вмѣстѣ съ нимъ падаютъ императивы въ отношеніи продолжающей сопротивляться преступной личности. Съ другой стороны, отклоненія въ субъективномъ сознаніи личности, касаясь основныхъ свойствъ личнаго синтеза, создаютъ у нея представленіе о сво-

емъ несходствѣ по одному изъ основныхъ пунктовъ съ окружающей средой. Эективируя на другихъ членовъ общества ихъ эективное сознаніе, личность, сознающая свое несходство, не причислитъ себя къ ихъ средѣ, не будетъ считать для себя обязательной ихъ оцѣнку. Основныя императивныя нормы нарушены, образуется разрывъ въ соціальной связи, разрывъ въ глазахъ обѣихъ сторонъ коренной, въ основѣ подрывающій правильность эективаціи подражанія. Личность и общество находятся въ рѣзкой оппозиціи и одинаково считаютъ другъ друга преступниками. Исторія пестритъ подобными примѣрами. Великій Сократъ, обличавшій современныя ему Аѳины, былъ осужденъ на казнь, и когда его спросили, о какомъ смягченіи наказанія онъ ходатайствуетъ, онъ отвѣтилъ: „я требую мѣсто въ Парѳенонѣ“. Алкивіадъ за рискованную военную операцію, присужденный аѳинскимъ народомъ, къ смерти, какъ государственный преступникъ, уходитъ къ его врагамъ и во главѣ ихъ войскъ доводитъ до гибели осудившій его городъ. Кріоланъ въ Римѣ, предложившій закрытіемъ государственныхъ житницъ во время голода принудить плебеевъ къ отреченію отъ завоеванныхъ ими вольностей и подвергшійся за это осужденію римскаго народа, бѣжитъ изъ Рима и возвращается къ стѣнамъ города во главѣ побѣдоносной арміи вольсковъ съ намѣреніемъ стереть Римъ съ лица земли. Катилина, стремившійся къ единовластію и неподдержанный тогдашнимъ Римомъ, на глазахъ у сената собираетъ въ Этруріи легіоны, а въ это время консулы приговариваютъ его къ казни и дѣйствительно казнятъ его римскихъ приверженцевъ. Отъ Савонароллы, громившаго своимъ могучимъ словомъ все тогдашнее общество съ папой и князьями во главѣ, отрекаются его приверженцы, и онъ погибаетъ на кострѣ. Коннетабль Бурбонъ, осужденный во Франціи, какъ преступникъ, бѣжитъ въ Испанію, становится во главѣ испанской арміи, лично

плѣняетъ короля Франциска и доставляетъ испанскому оружію его громкія побѣды въ борьбѣ съ Франціей. Многочисленныя столкновенія этого рода мы находимъ и въ литературѣ. Байроническое теченіе основано на художественной разработкѣ этого явленія. Конрадъ въ „Корсарѣ“, дожъ Фоскари, Гяуръ, и другіе байроновскіе герои представляютъ живое олицетвореніе конфликта между личностью и обществомъ. Карлъ Мооръ, мстящій обществу кровавой местью и преслѣдуемый этимъ обществомъ, какъ злодѣй, встаетъ передъ нами, какъ символъ двусторонней борьбы. Придіонъ Красинскаго, въ романѣ того же имени, пылающій къ Риму, суровому побѣдителю прекрасной Эллады, ненавистью, доводящій вѣчный городъ до края гибели своей тонкой восточной интригой, спасается бѣгствомъ отъ разгнѣванныхъ мстителей, вооружившейся римской знати и провозглашеннаго его императора Александра Севера. Мизантропъ Мольера и Чацкій Грибоѣдова выпукло изображаютъ тонкіе изгибы рѣзкаго двусторонняго конфликта между личностью и обществомъ при полномъ отсутствіи уголовной преступности. Не всегда, однако, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, личность осуществляетъ какое либо новое изобрѣтеніе. Расхожденіе между личностью и обществомъ возможно и на почвѣ слишкомъ большой косности данной личности, преобладающаго значенія въ ея синтезѣ какой либо старой традиціи, уступившей мѣсто въ синтезѣ личности другихъ членовъ общества новымъ изобрѣтеніямъ. Общество приняло нововведеніе, личность отвергаетъ его во имя старины. Получается та же соціальная картина конфликта. Нарушеніе основного сходства субъективныхъ сознаній вызываетъ субъективное неподтвержденіе эективаціи именно въ тѣхъ ея моментахъ, которые эективируются съ наибольшей увѣренностью, вслѣдствіе чего происходитъ нарушеніе основныхъ императивныхъ нормъ и обоюдное острое возмущеніе. Исторія знаетъ такихъ запоз-

далыхъ ревностныхъ охранителей старины. Когда въ царствованіе Іакова II англійское общество настойчиво требовало парламентскаго строя, король неуклонно проводилъ „личный режимъ“, и никѣмъ рѣшительно не поддержанный лишился короны, бѣжалъ во Францію, но не могъ отказаться отъ идеи абсолютизма. Аналогичное положеніе было и во Франціи въ 1830 г. Карлъ X шелъ наперекоръ все возраставшему недовольству французскаго общества и настойчиво осуществлялъ абсолютизмъ королевской власти, до тѣхъ поръ, пока іюльская революція не заставила его отречься отъ престола.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ было ли нововведеніе на сторонѣ личности, а общество отвергало новое изобрѣтеніе, или же, наоборотъ, сопротивлявшаяся личность отстаивала старину, а общество проводило усвоенныя имъ новыя изобрѣтенія—во всѣхъ этихъ случаяхъ конфликтъ былъ двусторонній. Данное изобрѣтеніе независимо отъ конкретнаго содержанія оцѣнки вторгается въ область существенныхъ подражаній въ личномъ синтезѣ обѣихъ сторонъ, какъ тѣхъ индивидуумовъ, которые составляютъ общество, такъ и той личности, которая находится въ оппозиціи. Оцѣнки личности и общества противоположны, но мѣсто, занимаемое данной областью подражаній, приблизительно одно и то же. Поэтому, именно, происходитъ нарушеніе увѣренной эективаціи съ обѣихъ сторонъ и возникаетъ обоюдное возмущеніе. Это наиболѣе острая форма конфликта между личностью и обществомъ, но она далеко не исчерпываетъ всѣ возможные случаи конфликта.

Возможенъ конфликтъ не только по содержанію изобрѣтенія, но и по мѣсту, занимаемому имъ въ системѣ личности. Будучи своеобразной комбинаціей подражаній, каждый личный синтезъ представляетъ систему, въ точности не повторяемую. И тѣмъ не менѣе, подавляющія сходства членовъ одной соціальной среды

опредѣляютъ въ общихъ чертахъ сходную систему личности. Въ области существенныхъ въ синтезѣ личности подражаній это сходство системы, порядка психологическаго значенія, особенно важно. Господствующее мѣсто этихъ подражаній эективируется, и на немъ основаны разсчеты остальныхъ членовъ въ конкретныхъ случаяхъ. Конечно, это не означаетъ, что въ умѣ каждаго члена существуетъ съ императивной силой какая либо строгая іерархія существенныхъ чертъ личности. Но въ отдѣльныхъ коллизіяхъ соціальной жизни, когда сталкиваются императивы, вытекающіе изъ различныхъ моментовъ личности, можетъ возникнуть даже вопросъ объ ихъ относительномъ значеніи. „Воздайте кесарево кесареви, а Божіе Богови", говоритъ Евангеліе; но какъ быть въ томъ случаѣ, если столкнутся требованіе Бога и требованіе кесаря? Здѣсь, очевидно, встанетъ во всей остротѣ вопросъ объ относительномъ мѣстѣ двухъ существенныхъ въ синтезѣ личности подражаній. Если въ сознаніи среды или члена среды относительное мѣсто такихъ двухъ подражаній, увѣренно эективируясь, вызываетъ увѣренный разсчетъ на связанное съ нимъ рѣшеніе коллизіи, то неподтвержденіе такой эективаціи способно вызвать возмущеніе и породить конфликтъ; если увѣренная эективація будетъ противоположна по направленію у личности и у общества, то конфликтъ получится двусторонній. Исторія знаетъ такіе примѣры. Вся борьба императоровъ съ папами вращается исключительно вокругъ вопроса объ относительномъ мѣстѣ церкви и государства, о приматѣ духовнаго или свѣтскаго меча. Папы не отрицали священной власти римскаго императора, а императоры не отрицали духовной власти „рѣшить и вязать", присущей намѣстникамъ Св. Петра. Трагическіе эпизоды этой борьбы, гдѣ фигурировали прелаты, становившіеся на сторону императора противъ клира, и императорскіе вассалы, обнажившіе оружіе противъ своего повелителя, представляютъ яркіе случаи дву-

сторонняго конфликта личности и ея среды, основанные исключительно на различіи относительно психологическаго значенія существенныхъ подражаній.

Еще болѣе сложный случай, такъ сказать, составной двусторонности конфликта возникаетъ тогда, когда одна особенно развитая, даже доминирующая въ синтезѣ данной конкретной личности, сторона нарушаетъ, затушевываетъ, низводитъ въ сравненіи съ синтезомъ остальныхъ членовъ среды другіе, также существенные и основные моменты личности. Въ этихъ случаяхъ и та черта, которая особенно выдвинута данною личностью, и тѣ подавленныя ею черты, которыя имѣютъ существенное значеніе въ глазахъ общества, обладаютъ обязательнымъ мѣстомъ въ личномъ синтезѣ; ихъ существенная важность императивна: въ отношеніи первой черты—для личности, въ отношеніи вторыхъ—для общества. Личность будетъ негодовать на всѣхъ окружающихъ за недостаточное развитіе того, что является первостепеннымъ въ ея глазахъ; общество будетъ возмущаться личностью за пренебреженіе къ моментамъ существеннымъ въ личномъ синтезѣ нормальнаго члена. Отсюда образуется двусторонній конфликтъ составной по своимъ опредѣляющимъ моментамъ, но неразложимый по своему фактическому возникновенію. Такова была судьба Діогена. Самоограниченіе не только не отвергалось тогдашнимъ обществомъ, но даже почиталось добродѣтелью. Однако, крайность, допущенная Діогеномъ, вызывала къ нему всеобщее презрѣніе и заставляла его самого презирать всѣхъ окружающихъ. Въ разсказѣ Чехова „Убійство“ рѣзкій двусторонній конфликтъ между Матвѣемъ Тереховымъ и его родными происходитъ на почвѣ отвергаемой Матвѣемъ утрировки культа, затушевывающей въ семьѣ Тереховыхъ императивы просвѣщенія и морали.

Не всегда, однако, конфликты въ обществѣ бываютъ двусторонними. Могутъ быть и односторонніе конфликты: бунтъ личности противъ общества или наобо-

ротъ, преслѣдованіе со стороны общества противъ личности; и въ томъ и въ другомъ случаѣ возмущеніе является одностороннимъ безъ соотвѣтственнаго раздраженія съ другой стороны. Расхожденіе личности и общества можетъ произойти на такомъ пунктѣ, который является существеннымъ въ личномъ синтезѣ одной только стороны. Если особенности условій индивидуальнаго развитія таковы, что выдвигаютъ на первый планъ въ личномъ синтезѣ даннаго конкретнаго индивидуума такую черту, которая является неразвитой, затушеванной въ личномъ синтезѣ индивидуумовъ, составляющихъ соціальную среду, происходитъ конфликтъ. Въ субъективномъ сознаніи находящагося въ оппозиціи индивидуума выдвигаемая имъ черта занимаетъ первостепенное мѣсто. Поэтому она увѣренно эективируется не только по своему содержанію, но и по своему психологическому значенію, она предполагается существеннымъ моментомъ личнаго синтеза всякаго другого члена среды. Когда увѣренная эективація не подтверждается либо по содержанію оцѣнки или только по ея психологическому значенію, возникаетъ конфликтъ. Императивы, основанные въ субъективномъ сознаніи личности на увѣренной эективаціи содержанія и психологическаго значенія опредѣленнаго момента, оказываются нарушенными обществомъ. Возникаетъ негодованіе, возмущеніе, бунтъ личности противъ общества. Наоборотъ, въ субъективномъ сознаніи другихъ членовъ соціальной среды черта, выдвигаемая, находящейся въ оппозиціи личностью, имѣетъ болѣе второстепенное значеніе. Увѣренной эективаціи не происходитъ ни въ содержаніи, ни въ психологическомъ значеніи. Если только данная черта не заглушаетъ, не низводитъ въ субъективномъ сознаніи оппозиціонной личности другіе существенные моменты личнаго синтеза, то никакія императивныя нормы нарушены не будутъ. Никакого возмущенія со стороны общества не произойдетъ. Напротивъ, при совпаденіи въ самомъ содержаніи эективаціи,

при одинаковомъ направленіи оцѣнки оппозиціонной личности и общества, возможно даже одобреніе со стороны общества, взглядъ на личность, какъ на изобрѣтателя вождя, въ данной области, особенно чуткую натуру. Такой конфликтъ является одностороннимъ.

Если данная черта увѣренно эективируется обѣими сторонами, тогда взаимная увѣренная субъективно подтверждающаяся эективація даетъ типичный случай длительной соціальной связи, взаимная увѣренная субъективно неподтверждающаяся эективація даетъ двусторонній конфликтъ въ какой либо изъ его формъ, разсмотрѣнныхъ выше. Односторонній конфликтъ получается только въ томъ случаѣ, если въ сознаніи одной изъ сторонъ не возникаетъ возмущенія, не нарушены безусловно связывающія, императивныя нормы, т. е. если данная черта по своему содержанію и психологическому значенію не эективировалась съ увѣренностью, тогда какъ въ сознаніи другой стороны она принадлежала къ числу существенныхъ и, увѣренно эективируясь, обусловила при субъективномъ неподтвержденіи нарушеніе вытекающихъ изъ этой эективаціи императивовъ и взрывъ негодованія. Поэтому всякій односторонній конфликтъ, независимо отъ расхожденія по содержанію оцѣнки a priori, предполагаетъ рѣзкое расхожденіе по психологическому значенію данной области подражаній въ субъективномъ сознаніи.

Расхожденіе по содержанію оцѣнки обостряетъ форму конфликта, создаетъ еще болѣе сильное одностороннее возмущеніе, но не является безусловно необходимой чертой всякаго односторонняго конфликта, тогда какъ рѣзкое различіе по психологическому значенію есть ихъ основная характерная черта. Исключеніе составляютъ только конфликты, которые въ принципѣ, по существу должны были бы быть двусторонніе, но являются односторонними по своей формѣ, вслѣдствіе соціологической невмѣняемости одной изъ сторонъ. Сюда подходятъ какъ

тѣ случаи, когда общество, нарушающее императивъ, является невмѣняемымъ въ глазахъ личности, такъ и тѣ случаи, когда личность, нарушающая императивъ, является невмѣняемой въ глазахъ общества; сюда же подходятъ и тѣ случаи, когда одна изъ сторонъ нарушаетъ императивъ, вслѣдствіе извинительной фактической ошибки. Евангельскія слова Христа: „Отпусти имъ, Господи, не вѣдаютъ бо, что творятъ“ представляютъ яркую иллюстрацію такого конфликта, который по существу долженъ былъ бы быть двустороннимъ, но принимаетъ одностороннюю форму, вслѣдствіе субъективной невмѣняемости общества. Преступленіе общественнаго характера, сопровождающееся уголовной невмѣняемостью виновника, даетъ аналогичный примѣръ съ переставленными ролями: невмѣняемой является личность, и потому возмущеніе существуетъ только на ея сторонѣ, а не на сторонѣ общества. Но всѣ эти случаи, само собою понятно, являются исключительными. По общему правилу, односторонній конфликтъ происходитъ тогда, когда лишь одна сторона имѣетъ основаніе возмущаться, когда пунктъ расхожденія имѣетъ существенное значеніе въ синтезѣ личности лишь у одной стороны. Личность, бунтующая противъ общества, какъ уже было упомянуто, можетъ не только не вызвать взаимнаго раздраженія въ средѣ, но даже быть въ глазахъ общества особо возвышенной, натурой, иногда даже святымъ. Средніе вѣка едва ли имѣли болѣе грознаго, болѣе пламеннаго обличителя, нежели знаменитый Бернардъ Клервосскій; но его бичующее слово было лишь могучимъ выраженіемъ того, что менѣе ясно, менѣе сильно, психологически менѣе значительно сознавалось всей эпохой; и эпоха преклонилась передъ своимъ гнѣвнымъ обличителемъ и еще при жизни считала его святымъ. Великій старецъ Толстой, пламенно и скорбно осудившій пороки нашего общества, сталъ славой, гордостью, предметомъ поклоненія русской и западной интеллигенціи. Одинъ

изъ любимѣйшихъ образовъ Достоевскаго, Иванъ Карамазовъ съ его „бунтомъ“, „непріятіемъ міра“, не встрѣчаетъ отвѣтнаго раздраженія ни у насъ, ни у своихъ современниковъ, а наоборотъ, признавался и признается человѣкомъ исключительно чуткимъ, особенно возвышеннымъ; и это потому, что моменты, занявшіе столь первостепенное, господствующее мѣсто въ синтезѣ его личности, существуютъ въ меньшей степени у каждаго изъ насъ. Впрочемъ, Иванъ Карамазовъ стоитъ на самомъ рубежѣ перехода затяжного односторонняго конфликта въ составной двусторонній.

Другая форма односторонняго конфликта является еще болѣе сложной. Конфликтъ, основанный на различіи психологическаго значенія данной области подражаній въ субъективномъ сознаніи оппозиціонной личности и общества, можетъ еще обостриться различіемъ по содержанію оцѣнки. Это вызоветъ еще болѣе рѣзкую форму неподтвержденія увѣренной эективаціи со стороны личности, когда общество не только мало придаетъ значенія выдвигаемой чертѣ, но и по существу держится противоположнаго взгляда. Ингредіентъ противоположной оцѣнки, еще обостряя неподтвержденіе увѣренной эективаціи личности, естественно обостряетъ и возникающее у нея возмущеніе. Исторія знаетъ такіе конфликты. Когда генуэзцы, не придавая значенія научнымъ доводамъ Колумба и даже считая его взгляды неправильными, отказали ему въ снаряженіи кораблей, Колумбъ на всю жизнь отрекся отъ родины. Почти всѣ претенденты служатъ яркой иллюстраціей такого же конфликта. Графъ Артуа (впослѣдствіи Людовикъ XVIII) считалъ себя законнымъ королемъ, а французовъ съ Наполеономъ во главѣ мятежниками и государственными преступниками, въ то время, какъ онъ самъ, никѣмъ не преслѣдуемый, спокойно проживалъ въ Митавѣ. Герцогъ Іоаннъ Австрійскій, доведшій острый конфликтъ съ Габсбургскимъ домомъ по вопросу о своемъ совершеннолѣтіи до убійства сво-

его дяди и опекуна императора Альбрехта I, самъ во все время конфликта не подвергался преслѣдованію ни съ чьей стороны.

Конфликты односторонніе, въ которыхъ агрессивной стороной является общество, принимаютъ форму преслѣдованія обществомъ исключительной личности и отличаются отъ предыдущихъ скорѣе перестановкой ролей, нежели своей теоретической природой. Такіе конфликты получаются, когда слабо развитая у данной личности черта оказывается существенной въ субъективномъ сознаніи индивидуумовъ, составляющихъ соціальную среду. Тогда увѣренная эективація со стороны общества не подтверждается; происходитъ нарушеніе личностью императивныхъ нормъ, вытекающихъ изъ этой увѣренной эективаціи, въ обществѣ вспыхиваетъ негодованіе. Существенную черту этихъ конфликтовъ составляетъ, какъ уже упоминалось, различіе по психологическому значенію данной области подражаній. Это различіе можетъ еще осложняться противоположной оцѣнкой по содержанію со стороны личности и общества. Перваго рода конфликтъ—преслѣдованіе, основанное на различіяхъ въ психологическомъ значеніи, происходитъ весьма часто. О немъ ярко свидѣтельствуетъ большинство процессовъ въ нашихъ уголовныхъ судахъ, въ теченіи которыхъ обнаруживается, что преступленіе совершено не по протесту противъ общества и принятыхъ имъ императивовъ, а по слабому значенію соотвѣтственныхъ императивныхъ моментовъ въ синтезѣ личности виновника. Вторую форму односторонняго конфликта, осложненіе противоположной оцѣнкой, представляетъ преслѣдованіе, которому подвергались мученики науки. Тогда, какъ конфликтъ соціальной среды и мучениковъ религіи былъ, обыкновенно, принципіально двустороннимъ и осложнялся невмѣняемостью общества въ глазахъ личности, преслѣдованіе мучениковъ науки представляло односторонній конфликтъ. Галлилей, Коперникъ,

Джордано Бруно, весь длинный мартирологъ дѣятелей науки встаетъ передъ нами, какъ иллюстрація этого типа конфликта. Общество съ негодованіемъ отрицало новое изобрѣтеніе, противорѣчившее принятому и обладавшему императивнымъ значеніемъ міросозерцанію; личность принимала новое изобрѣтеніе психологически слабо, не эективируя его принятія съ увѣренностью на свою соціальную среду и не считая его отрицанія нарушеніемъ императивовъ.

Таковы главнѣйшія формы двустороннихъ и односторонних конфликтовъ между личностью и обществомъ. Эпилогомъ къ этимъ конфликтамъ является отношеніе послѣдующихъ поколѣній, позиція, которую принимаютъ потомки въ конфликтѣ прошедшихъ вѣковъ. Общеизвѣстное историческое явленіе, что рѣзкія столкновенія, горячія стычки въ значительной массѣ случаевъ теряютъ свою остроту въ глазахъ слѣдующихъ поколѣній и остаются для нихъ простымъ историческимъ воспоминаніемъ. Очевидно, при той соціальной связи, которая существуетъ между поколѣніями, такая пассивность къ прошлымъ конфликтамъ возможна лишь подъ однимъ условіемъ: чтобы спорные вопросы, жгучія темы стараго конфликта оцѣнивались потомками, какъ нѣчто психологически второстепенное, быть можетъ, даже совершенно вытѣсненное изъ синтеза ихъ собственной личности и замѣненное въ немъ новыми изобрѣтеніями. Если прежній конфликтъ былъ двустороннимъ, если обѣ стороны смотрѣли на спорные вопросы, какъ на существенно-важные, то потомки будутъ стоять совершенно внѣ конфликта и съ одинаковымъ безпристрастіемъ будутъ относиться къ обѣимъ враждовавшимъ сторонамъ. Если же, наоборотъ, конфликтъ былъ одностороннимъ, если, именно, важность или неважность спорныхъ пунктовъ составляла основную тему конфликта, то потомки, считая съ своей стороны вопросъ не существеннымъ, займутъ опредѣленное мѣсто въ старомъ спорѣ—будутъ солидарны съ тою

стороною, которая придавала этимъ вопросамъ меньшее значеніе. Но и въ этомъ случаѣ отношеніе къ другой сторонѣ, той, которая въ свое время односторонне возмущалась нарушеніемъ императивовъ, будетъ вполнѣ толерантное, въ виду психологической несущественности спорныхъ вопросовъ. Иное положеніе наступитъ тогда, когда спорное въ былое время подражаніе играетъ значительную роль въ синтезѣ личности послѣдующихъ поколѣній. Тогда потомки займутъ въ быломъ конфликтѣ опредѣленное мѣсто, станутъ одною изъ враждующихъ сторонъ, по общимъ принципамъ соціальнаго конфликта. Противная сторона, когда то отвергавшая и преслѣдовавшая за то, что намъ теперь кажется однимъ изъ основныхъ моментовъ соціальной личности, вызоветъ естественное негодованіе и (исключая случай соціальнаго невмѣненія) будетъ представляться намъ преступной. Наоборотъ, солидарность съ другой стороной опредѣлитъ всѣ наши симпатіи, нашу партійность въ этомъ конфликтѣ предковъ. Здѣсь, именно, нужно искать причину столь часто встрѣчающагося пристрастія историковъ. Въ подобныхъ случаяхъ они выступаютъ не какъ судьи, а какъ представители одной стороны.

Не только между личностью и обществомъ, но и между двумя группами въ обществѣ можетъ разгорѣться конфликтъ. Такіе рѣзкіе конфликты между двумя соціальными группами представляютъ столь частые въ исторіи соціальные кризисы. Соціальная структура, какъ мы видѣли, основана на пересѣкающихся и концентрическихъ кругахъ соціальности. Въ каждой конкретной соціальной средѣ индивидуумы, какъ уже упоминалось, связаны между собою по многимъ линіямъ соціальности, по значительному числу пересѣкающихся и концентрическихъ круговъ. Чѣмъ болѣе широкій радіусъ общенія мы возьмемъ, тѣмъ меньшее количество сходствъ онъ захватитъ, тѣмъ меньшаго числа пунктовъ коснется эективація подражанія, т. е. слабѣе бу-

детъ соціальная связь. Въ далекихъ линіяхъ соціальности, когда есть очень мало общихъ точекъ, и соціальная связь ограничивается лишь нѣкоторыми подражаніями, относящимися къ какой либо одной области сознанія и дѣятельности, то даже въ предѣлахъ этой области субъективное сознаніе одного индивидуума является для него весьма неполнымъ и неточнымъ критеріемъ сознанія и дѣятельности другой личности. Поэтому увѣренной эективаціи не будетъ, и какое бы то ни было конкретное поведеніе одного индивидуума не вызоветъ бурнаго страстнаго возмущенія со стороны другихъ. Наоборотъ, когда извѣстная группа индивидуумовъ связана между собою по многимъ линіямъ соціальности, когда соціальная связь между ними обнимаетъ много областей сознанія и дѣятельности, характеризуется значительнымъ количествомъ общихъ подражаній, то субъективное сознаніе одного индивидуума является для него весьма опредѣленнымъ критеріемъ сознанія и дѣятельности окружающихъ. Тогда увѣренная эективація касается многихъ свойствъ синтеза личности; эти многія, увѣренно эективируемыя черты, обусловливаютъ цѣлую сѣть императивныхъ нормъ, характеризующихъ взаимныя отношенія данныхъ индивидуумовъ. Чѣмъ глубже соціальная связь, чѣмъ тѣснѣе соціальная группа, тѣмъ большее количество чертъ эективируется, тѣмъ болѣе увѣренно происходитъ эта эективація. Отсюда проистекаетъ громадное количество императивовъ во взаимныхъ отношеніяхъ между членами тѣсной соціальной группы; а высокая степень увѣренной эективаціи вызываетъ громадную силу возмущенія при нарушеніяхъ. Субъективное сознаніе одного члена такой группы служитъ для него чрезвычайно опредѣленнымъ критеріемъ окружающихъ сознаній. Эективація обладаетъ чрезвычайной увѣренностью во многихъ пунктахъ, и малѣйшее субъективное неподтвержденіе такой увѣренной эективаціи въ какомъ либо одномъ пунктѣ затемняетъ опредѣ-

ленность критерія, вызываетъ въ немъ путаницу, пертурбацію, сомнѣнія въ пригодности, а слѣдовательно, паденіе другихъ увѣренныхъ эективацій. Происходитъ разрывъ въ соціальной связи, симптомомъ котораго является колоссальная сила возмущенія. Если разрывъ произошелъ въ отношеніи цѣлой соціальной группы, то мы имѣемъ типичный случай соціальнаго кризиса. Чѣмъ глубже соціальная связь, чѣмъ тѣснѣе соціальная группа, тѣмъ рѣзче и сильнѣе въ ней происходитъ соціальный кризисъ.

Какія же условія могутъ вызвать столь рѣзкое расхожденіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли возможенъ въ общей формѣ. Это задача спеціальнаго изслѣдованія каждаго отдѣльнаго кризиса, задача исторіи. Соціологія не можетъ дать апріорнаго перечисленія условій, могущихъ повести къ соціальному кризису, а принуждена ограничиться общимъ изученіемъ самаго процесса, путемъ котораго соціальный кризисъ возникаетъ изъ тѣхъ или иныхъ конкретныхъ условій. Мы видѣли выше, что вслѣдствіе индивидуальныхъ различій между членами общества, традиція, эта соціальная инерція, не съ одинаковой силою дѣйствуетъ на всѣхъ. Въ то время, какъ одни члены общества крѣпко держатся за дѣдовскія преданія, другіе по содержанію своего субъективнаго сознанія могутъ оказаться мало приверженными къ старинѣ и болѣе склонными къ замѣнѣ ея группой новыхъ изобрѣтеній. Если при такихъ соціальныхъ условіяхъ въ умѣ какого либо изобрѣтателя возникаетъ подходящая комбинація, то она прежде всего будетъ принята этой прогрессивной частью общества и лишь затѣмъ постепенно распространится и на консервативную. Но этотъ медленный эволюціонный процессъ приметъ совершенно иную окраску, выльется въ бурныя формы, превратится въ соціальную революцію, если новая группа изобрѣтеній касается такой области, которая въ традиціонномъ міросозерцаніи была психологически существенной и облада-

ла императивной силой. Тогда консервативная часть общества сразу встрѣтитъ эту группу изобрѣтеній взрывомъ негодованія. Чѣмъ опредѣленнѣе и интенсивнѣе примкнутъ къ новому взгляду прогрессивные элементы, чѣмъ большая часть общества приметъ новую группу изобрѣтеній, тѣмъ сильнѣе и чаще сдѣлаются въ обществѣ нарушенія стараго императива, и тѣмъ сильнѣе будетъ расти возмущеніе консерваторовъ; увѣренно эективируясь въ предѣлахъ группы, это возмущеніе получаетъ колоссальную силу и пріобрѣтаетъ даже въ извѣстной степени императивный характеръ. Съ другой стороны, въ сознаніи прогрессивной части общества новая группа изобрѣтеній заняла то важное, существенное мѣсто, которое раньше принадлежало вытѣсненнымъ ею традиціоннымъ подражаніямъ. Становясь одною изъ основъ соціальной личности въ сознаніи прогрессивной части общества, группа новыхъ изобрѣтеній увѣренно эективируется каждымъ изъ прогрессистовъ на всякаго нормальнаго члена среды. Рѣзкое неподтвержденіе эективаціи консерваторами вызываетъ возмущеніе. Происходящая въ предѣлахъ группы эективація этого возмущенія доводитъ его до колоссальныхъ размѣровъ; черезъ подражательное общеніе и черезъ постоянное субъективное подтвержденіе въ предѣлахъ группы эективація становится все болѣе увѣренной и пріобрѣтаетъ своеобразный императивный оттѣнокъ. Обѣ стороны враждебными лагерями стоятъ другъ противъ друга и одинаково считаютъ другъ друга преступниками, нарушителями самыхъ основныхъ императивовъ. Въ глазахъ обѣихъ сторонъ неподтвержденіе увѣренной эективаціи, обнаруженіе несходства въ существенномъ пунктѣ съ своимъ субъективнымъ сознаніемъ затемняетъ опредѣленность критерія, вноситъ въ него путаницу, вызываетъ сомнѣнія въ пригодности; въ соціальной связи происходитъ разрывъ; и слѣдствіемъ этого разрыва является паденіе увѣренности эективаціи, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и паденіе всей сѣти императивовъ въ отношеніи противной стороны. Паденіе всей сѣти императивовъ является логическимъ слѣдствіемъ рѣзкаго конфликта, когда въ критеріи, примѣняемомъ къ другому сознанію, произошла полная путаница. Не всегда встрѣчаясь въ бунтѣ личности противъ общества, паденіе всѣхъ императивовъ въ отношеніи противнаго лагеря почти неизбѣжно при столкновеніи соціальныхъ группъ; ибо самая путаница въ критеріи, начинающійся разрывъ соціальной связи съ другой группой, эктивируясь между единомышленниками, пріобрѣтаетъ громадную силу; эта эективація становится все болѣе увѣренной, переходитъ въ своеобразный императивъ; конфликтъ разгорается, разрывъ соціальной связи становится все глубже, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ паденіе всѣхъ императивовъ въ отношеніи враждебной стороны. Въ значительной степени этимъ объясняется безудержность ожесточенія во время соціальнаго кризиса. Чѣмъ сильнѣе и чаще происходитъ нарушеніе императивныхъ въ глазахъ каждой стороны нормъ, тѣмъ сильнѣе растетъ негодованіе; путемъ взаимной увѣренной эективаціи между единомышленниками, негодованіе въ отношеніи противнаго лагеря достигаетъ громадной интенсивности и даже получаетъ извѣстный императивный характеръ, а распаденіе всѣхъ обычныхъ императивовъ въ отношеніи противной стороны предоставляетъ ему полный просторъ.

Характерную черту соціальныхъ кризисовъ составляетъ та почти совершенная неизбѣжность, съ которой возникаетъ возмущеніе. Невмѣненіе при соціальномъ кризисѣ представляетъ случай совершенно исключительный. Оно и понятно. Относительно невмѣненія по фактической ошибкѣ, прежде всего гораздо труднѣе представить себѣ извинительную фактическую ошибку для огромной массы, нежели для единичнаго лица. Далѣе, фактическое свѣдѣніе, которое могло бы опредѣлить поведеніе значительной группы въ вопросѣ, су-

щественно важномъ для общества и потому императивномъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ въ данной средѣ и потому общеизвѣстныхъ, общеобязательныхъ свѣдѣній. Ошибка, основанная на незнаніи такой элементарной вещи, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть признана извинительной. Обыкновенно же, это будетъ въ лучшемъ случаѣ преступная неосторожность, преступленіе по легкомыслію, и если оно прощается по выясненіи ошибки, то только изъ соображеній милости, по причинамъ политическимъ. Столь частое въ исторіи явленіе кризисовъ, порожденныхъ ложными слухами, представляетъ яркій примѣръ въ этомъ смыслѣ. При самозванствахъ обычное прощеніе примкнувшей къ самозванцу массы основано на невмѣненіи фактической ошибки, иногда чистомъ, часто осложненнымъ моментомъ милости.

Вторая форма невмѣненія—по причинѣ субъективной невмѣняемости—возможна въ соціальномъ кризисѣ лишь частично. Невмѣненіе, основанное на признаніи массового психоза противной стороны, трудно себѣ представить. Соціальная психопатологія представляетъ еще только науку зарождающуюся. Руководящихъ данныхъ, вошедшихъ въ сознаніе всего общества, она еще не создала. Поэтому трудно себѣ представить даже возникновеніе въ сознаніи одной стороны вопроса о психіатрической вмѣняемости другой. Быть можетъ, когда нибудь, черезъ много столѣтій, соціальные психозы и будутъ настолько хорошо діагносцировываться самимъ обществомъ, что возникнетъ такая форма невмѣненія при соціальныхъ кризисахъ. Но въ настоящее время это представляло бы лишь отдаленную мечту, почти утопію.

Поэтому въ области субъективной невмѣняемости при соціальныхъ кризисахъ сейчасъ можетъ быть рѣчь только о невмѣняемости по недостаточному развитію. Но эта форма невмѣненія можетъ найти себѣ мѣсто

лишь при исключительныхъ условіяхъ. Въ соціальной жизни культурные уровни чрезвычайно смѣшаны. Какой бы изъ пересѣкающихся основныхъ круговъ общественности и какую бы болѣе тѣсную концентрическую группу въ предѣлахъ одного изъ круговъ мы ни взяли, мы никогда не найдемъ такого соціальнаго единенія, которое можно было бы рѣзко, безъ всякихъ переходныхъ ступеней, раздѣлить на двѣ части по культурному развитію. Всегда имѣются безчисленныя переходныя ступени, всегда члены общества составляютъ по уровнямъ своего культурнаго развитія неразрывную цѣпь. Помимо эмпирической правильности, это положеніе можно подтвердить и теоретически. Съ одной стороны изъ общаго уравнивающаго значенія подражанія вытекаетъ непрерывная тенденція къ уравниванію, къ нивеллировкѣ культурныхъ уровней. Съ другой стороны, тѣ отклоненія, тѣ варіанты, которые неизбѣжно наблюдаются въ предѣлахъ каждаго общества и дѣлаютъ конкретную соціальную личность неповторяемой такого общаго характера не имѣютъ, а заключаются въ особенной для каждаго лица случайной, неповторяемой, комбинаціи психофизическихъ и соціально-біографическихъ условій. При безконечномъ множествѣ подобныхъ варіацій и при стѣсненности ихъ амплитуды вслѣдствіе уравнивающаго значенія подражанія, совершенно ясно изъ закона вѣроятности, что всѣ грани въ обществѣ должны заполниться, что рѣзкихъ скачковъ быть не можетъ. Подобно тому, какъ въ біологіи случайныя, незначительныя отклоненія, существуя у каждой особи вида, создаютъ въ конечномъ итогѣ неразрывную цѣпь особей, изъ которыхъ каждая лишь незначительно отклоняется отъ сосѣднихъ, такъ и въ соціальной жизни аналогичныя причины приводятъ къ аналогичному слѣдствію. Поэтому, какъ бы ни сложилась соціальная группировка, всегда въ обѣихъ группахъ, если не большинство, то хотя бы часть членовъ по культурному уровню будутъ весьма мало отличаться другъ

отъ друга. Даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда одна изъ группъ въ обществѣ въ моментъ соціальнаго кризиса оказывается приблизительно однородной по культурному составу (напр., крестьянская война 1525 г. въ Германіи), даже тогда ея культурное сходство съ другой группой или, по крайней мѣрѣ, съ частью ея не можетъ нарушаться. Поэтому невмѣненіе по неразвитости не станетъ возможнымъ для всего враждебнаго лагеря. Если императоръ Карлъ V и могъ смотрѣть на возставшихъ крестьянъ, какъ на темную невмѣняемую массу, то такъ не могли смотрѣть его мелкіе вассалы, бюргеры пострадавшихъ городовъ, монахи Валькенридскаго монастыря, наконецъ, усмирявшіе возстаніе императорскіе ланцкнехты. Вотъ почему въ моментъ соціальныхъ кризисовъ исторія такъ рѣдко знаетъ случаи невмѣненія по неразвитости: эта форма невмѣненія возможна лишь тогда, когда 1) высшіе представители одного изъ лагерей стоятъ въ культурномъ смыслѣ неизмѣримо выше всего безъ исключенія противнаго лагеря, а 2) партія этихъ высшихъ представителей абсолютно дисциплинирована и абсолютно покорна своимъ вождямъ. Такія условія возможны лишь тогда, когда на одной сторонѣ оказывается твердое организованное правительство; и въ этихъ случаяхъ подобное невмѣненіе темнымъ массамъ иногда дѣйствительно наблюдается. Знаменитый чумный бунтъ въ Москвѣ въ царствованіе Екатерины II, когда наказанію подверглись лишь убійцы архимандрита Амвросія, представляетъ примѣръ того, какъ глубоко возмущенное общество подчинилось правительственному невмѣненію. Такимъ образомъ, случай невмѣненія, полнаго невозникновенія возмущенія представляется для соціальныхъ кризисовъ совершенно исключительнымъ. Вообще же не только невмѣненіе, но даже односторонній конфликтъ въ области соціальныхъ кризисовъ не находитъ себѣ мѣста.

Мы видѣли выше, что въ отношеніяхъ между обществомъ и личностью односторонній конфликтъ возникаетъ тогда, когда слабо развитая въ сознаніи одной стороны черта оказывается существенной въ субъективномъ сознаніи другой стороны. Тамъ, гдѣ на обѣихъ сторонахъ стоитъ, не изолированная личность, а группа, такое положеніе никогда не можетъ возникнуть. Во первыхъ, постоянныя нарушенія, постоянное муссированіе спорнаго вопроса вызываютъ съ обѣихъ сторонъ особенное вниманіе къ данной области, особенное напряженіе традиціи у консерваторовъ и напряженіе вѣры въ новое изобрѣтеніе у прогрессистовъ. Вопросъ самъ собою выростаетъ и разжигается. Во вторыхъ, въ предѣлахъ каждой изъ враждебныхъ группъ взаимное подражаніе и взаимная эективація подражанія создаютъ ту особую силу вѣры въ принимаемое и возмущенія противъ отвергающихъ, которой не можетъ имѣть изолированная личность. По этимъ причинамъ вопросъ, на которомъ произошло рѣзкое раздѣленіе въ обществѣ, по которому одна изъ сторонъ считаетъ другую преступниками, всегда неизбѣжно долженъ занять первостепенное мѣсто и въ синтезѣ личности этой второй стороны. Только до тѣхъ поръ, пока личность остается изолированной, пока не вступаетъ факторъ взаимнаго подражанія и взаимной эективаціи подражанія, именно, на томъ пунктѣ, который осуждается, какъ преступный—только до тѣхъ поръ общественное преслѣдованіе можетъ оставаться одностороннимъ. Тюрьма потому оказываетъ столь пагубное вліяніе на начинающихъ преступниковъ, что она вводитъ ихъ въ кругъ людей осужденныхъ обществомъ, съ которыми произошелъ разрывъ соціальной связи. Путемъ взаимнаго общенія, взаимной эективаціи подражанія разрывъ съ обществомъ дѣлается основой особой группы; пріобрѣтая увѣренность, эта эективація создаетъ императивъ, и получается враждебная обществу группа. Аналогичный процессъ произойдетъ всегда,

когда общественное осужденіе направлено не противъ отдѣльнаго лица, а противъ цѣлой группы. Усиленное вниманіе обоихъ лагерей къ спорному пункту и рѣзкое сознаніе групповыхъ различій, именно, по этому пункту всегда дѣлаютъ его психологическое значеніе первостепеннымъ въ глазахъ обѣихъ сторонъ. Поэтому двусторонность принадлежитъ къ существеннымъ чертамъ соціальнаго кризиса.

Нормальнымъ типомъ кризиса является противорѣчіе между группой традиціонныхъ подражаній и новыхъ изобрѣтеній. Но возможенъ и такой кризисъ, когда обѣ группы сталкивающихся подражаній принадлежатъ къ числу традиціонно-императивныхъ, и коллизія происходитъ по вопросу объ ихъ относительномъ мѣстѣ. Знаменитый конфликтъ папы съ Фридрихомъ II Гогенштауфеномъ, раздѣлившій на двѣ враждебныя партіи Европу и христіанское населеніе средней Азіи, былъ вызванъ такимъ столкновеніемъ двухъ группъ традиціонныхъ подражаній. Традиціонное стремленіе вернуть Іерусалимъ заставляло идти на все для его осуществленія; традиціонной идеѣ о недопустимости мира съ невѣрными, рѣшительно противорѣчилъ заключенный Фридрихомъ для возвращенія Іерусалима мирный договоръ съ Саладиномъ. Папская партія рѣшила вопросъ въ смыслѣ преобладающаго значенія крестовой войны съ невѣрными, императорская—въ смыслѣ преобладающаго значенія Іерусалима. Въ Польшѣ конституція 3-го мая и Тарговицкая конфедерація представляла такую же борьбу двухъ традиціонныхъ подражаній: націоналистическая партія, всѣми путями стремившаяся къ сохраненію независимости Рѣчи Посполитой, для этого позволяла себѣ насиліе надъ сеймомъ и коренной переворотъ во всемъ политическомъ строѣ государства; партія конфедератовъ, для которой верховнымъ императивомъ было сохраненіе „Золотой вольности“ шляхты, жертвовала политической независимостью и обратилась за помощью

къ Екатеринѣ II. Здѣсь также соціальный кризисъ основанъ на различномъ въ глазахъ враждующихъ группъ психологическомъ значеніи двухъ областей традиціонныхъ подражаній.

Всѣ области соціальной жизни, всѣ основныя подражанія, эективаціей которыхъ образуются главные, взаимно пересѣкающіеся круги общественности, могутъ служить почвой для возникновенія соціальныхъ кризисовъ. Религія, политическая жизнь, національность, классовая группировка и т. д. одинаково могутъ подвергнуться тѣмъ сильнымъ потрясеніямъ, которыя принимаютъ форму соціальныхъ кризисовъ. Но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ кризисъ можетъ ограничиться однимъ изъ подобныхъ пересѣкающихся круговъ соціальности. Мы видѣли, что субъективное самосознаніе представляетъ цѣльный синтезъ, систему, въ которой каждая область подражаній не стоитъ особнякомъ, а находится въ тѣснѣйшей связи съ другими областями. Поэтому сильное потрясеніе, произведенное новой группой изобрѣтеній въ какой либо одной области, отражается и на другихъ, вызываетъ пертурбацію и на сосѣднихъ областяхъ. Конечно, не всегда это косвенное, отраженное потрясеніе въ другихъ областяхъ бываетъ настолько сильнымъ, чтобы произвести и въ нихъ кризисъ. Если въ вопросахъ, наиболѣе смежныхъ со спорной темой кризиса, сознаніе членовъ общества еще приблизительно однообразно, традиція еще держится крѣпко, то, очевидно, отраженная пертурбація въ этихъ областяхъ, встрѣчая единообразное сопротивленіе среды, никогда не можетъ стать настолько значительной, чтобы привести къ дальнѣйшему распространенію кризиса. Кризисъ въ этихъ случаяхъ будетъ, какъ бы локализованъ, и стороны будутъ только пользоваться въ качествѣ оружія безспорными рѣшеніями въ соприкасающихся вопросахъ. Случаи подобныхъ локализованныхъ кризисовъ бывали. Рѣзкія раздѣленія общества, вслѣдствіе династическихъ потря-

сеній, обыкновенно, подходятъ подъ эту категорію. Война Алой и Бѣлой Розы не затронула ни одной изъ существенныхъ областей въ жизни средневѣковой Англіи, кромѣ династическаго вопроса. Но можно назвать примѣры подобныхъ кризисовъ и помимо династическихъ столкновеній. Кризисъ въ Русской Землѣ въ эпоху Андрея Боголюбскаго, вращавшійся вокругъ политическаго перелома въ строѣ удѣльно-вѣчевой системы (переходъ отъ постояннаго передвиженія князей съ гегемоніей кіевскаго великокняжескаго стола къ системѣ федеративно-объединенныхъ земель съ гегемоніей суздальской земли), остался въ предѣлахъ политическаго вопроса. Политическій кризисъ 1688 г. въ Англіи по вопросу о королевской диспенсаціи не затронулъ остальныхъ областей народной жизни, и самый кризисъ былъ разрѣшенъ энергичнымъ примѣненіемъ безспорнаго въ глазахъ англичанъ парламентскаго верховенства.

Но подобные локализованные кризисы весьма немногочисленны, и въ лѣтописяхъ исторіи они совершенно теряются по сравненію съ огромной массой другихъ кризисовъ, захватывавшихъ нѣсколько первостепенныхъ областей. Причину этого нетрудно видѣть. Вслѣдствіе цѣльной системы личнаго синтеза, лишь подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ условій возможны такіе случаи, когда измѣненіе въ сознаніи части общества захватило бы только одну область существенныхъ подражаній, совершенно не касаясь всѣхъ остальныхъ. Обычный процессъ представляется въ иномъ видѣ. Измѣненіе въ воззрѣніяхъ части общества, отказъ отъ нѣкоторыхъ традиціонныхъ подражаній, существенныхъ въ глазахъ консерваторовъ, подготовка сознанія къ замѣнѣ этихъ подражаній новой группой изобрѣтеній, обыкновенно, происходятъ въ отношеніи нѣсколькихъ областей одновременно. Могучій толчекъ, который даетъ разразившійся въ одной области кризисъ, только ускоряетъ давно назрѣвавшій

процессъ въ другихъ областяхъ. Располагаясь враждебными лагерями, противополагая себя другъ другу и эективируя на всѣхъ единомышленниковъ такое противоположеніе, обѣ группы съ особой чуткостью, съ особымъ напряженіемъ сознаютъ и подчеркиваютъ каждое различіе между собою и противнымъ лагеремъ. Всѣ назрѣвавшія различія, мелкіе надрывы въ соціальной связи, образовавшіеся по другимъ областямъ, разжигаются, становятся существенными и попадаютъ въ число императивовъ враждующихъ группъ. Во всѣхъ областяхъ, гдѣ назрѣвали различія, консервативный лагерь обращается къ императивамъ традиціи, къ полной реакціонности, а прогрессивный превращаетъ въ императивъ отреченія отъ традиціи, новаторство. Если Французская Революція отреклась отъ католицизма и провозгласила культъ Разума, то это вовсе не было логическимъ слѣдствіемъ политическихъ и соціальныхъ идей Революціи, а только выраженіемъ конфликта, назрѣвавшаго въ этой области уже въ идеологіи XVIII в.

Къ числу кризисовъ, не ограничивающихся одною областью подражаній, принадлежатъ по самому своему существу всѣ кризисы по вопросу объ относительномъ мѣстѣ двухъ императивовъ. Самая структура этихъ соціальныхъ потрясеній, основанная на различной оцѣнкѣ психологическаго мѣста двухъ областей подражаній, исключаетъ мысль о локализаціи ихъ въ одной области. Но при благопріятныхъ историческихъ условіяхъ, они, согласно общему закону, могутъ не ограничиться и двумя областями, а распространиться на всѣ смежныя. Такое широкое распространеніе въ жизни средневѣковья получилъ важнѣйшій кризисъ той эпохи, борьба императоровъ съ папами. Верхнеитальянская борьба отживавшаго феодализма съ возраставшимъ могуществомъ городовъ, борьба, имѣвшая не религіозную и не политическую основу, а экономическую и классовую, влилась въ общее русло распри

Гвельфовъ и Гиббелиновъ. Національныя распри еще несливши́хся германскихъ племенъ, національная борьба между германскимъ и итальянскимъ теченіями въ имперіи и въ римской куріи, борьба между итальянской и нѣмецкой культурой, борьба между римскимъ и католическимъ правомъ, между феодальнымъ и городскимъ, между императорской властью и феодалами, между централизмомъ и сепаратизмомъ, между римской куріей и національной церковью, даже распри отдѣльныхъ знатныхъ родовъ, какъ, напр., знаменитыхъ римскихъ фамилій Орсини и Колонна, наконецъ, династическій вопросъ въ самой Германіи—все это протекало подъ знаменемъ кризиса по оцѣнкѣ относительнаго значенія императорской власти. Но такіе огромные историческіе пожары, охватывающіе цѣлый культурный міръ во всѣхъ его проявленіяхъ, какъ борьба императоровъ съ папами, представляютъ рѣдкое исключеніе. Они возможны только тогда, когда боевую тему составляетъ не нововведеніе, а исключительно перераспредѣленіе въ сознаніи традиціонно воспринятыхъ подражаній. Какъ уже было упомянуто, крушеніе традиціи, замѣна ея новыми изобрѣтеніями не можетъ произойти во всѣхъ областяхъ одновременно. Едва ли приходится напоминать еще разъ психологическую аксіому, что подражательное заимствованіе изобрѣтенія возможно лишь тогда, когда личный синтезъ уже подготовленъ къ нему предшествующими подражаніями. Поэтому новое изобрѣтеніе или группа изобрѣтеній, которыя въ корнѣ измѣнили бы каждое изъ составныхъ подражаній прежняго синтеза личности, другими словами, которыя уничтожили бы всю прежнюю соціальную личность и замѣнили бы ее совершенно новой, никогда не могли бы быть приняты. Они просто оказались бы несоизмѣримыми съ сознаніемъ членовъ общества, оказались бы чѣмъ то чуждымъ, непонятнымъ. Чѣмъ большее потрясеніе вызываетъ новое изобрѣтеніе, чѣмъ больше оно противорѣчитъ данному традиціонному

міросозерцанію, тѣмъ больше предварительной подготовки сознанія требуетъ его принятіе. Когда же оно затрагиваетъ въ синтезѣ личности существенныя стороны, т. е. когда традиціонныя подражанія укоренились сильно и психологическое значеніе ихъ велико— тогда эта длительная подготовка сознанія, это множество переходныхъ стадій, становится особенно необходимой. Въ основныхъ чертахъ соціальной личности, въ основныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности такая подготовка совершается на протяженіи вѣковъ. Поле дѣйствія закона психологической преемственности расширяется черезъ традицію за предѣлы одного поколѣнія, и оно переходитъ въ законъ исторической преемственности. Вотъ почему кризисъ, основанный на различной оцѣнкѣ группы новыхъ изобрѣтеній, никогда не можетъ охватить всего синтеза соціальной личности.

Иная картина обрисовывается тогда, когда боевую тему кризиса составляетъ не группа новыхъ изобрѣтеній а относительное значеніе старыхъ традиціонныхъ, укоренившихся подражаній. Здѣсь матеріалъ кризиса состоитъ изъ уже укоренившихся, хорошо усвоенныхъ, передававшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе, обладающихъ общепризнанной императивностью подражаній. Споръ идетъ о томъ только, какой императивъ стоитъ выше, какому моменту должно принадлежать доминирующее въ синтезѣ личности мѣсто. Рѣшеніе этого вопроса въ ту или иную сторону опредѣляетъ собою всю систему личности, измѣняетъ относительное значеніе всѣхъ императивовъ. Поэтому такой кризисъ въ своемъ полномъ разгарѣ, всегда стремится охватить все содержаніе сознанія, весь синтезъ соціальной личности. Если же въ дѣйствительности это осуществляется рѣдко, то лишь вслѣдствіе противодѣйствія неблагопріятныхъ историческихъ условій, препятствующихъ кризису охватить области, наименѣе связанныя съ его темой.

Въ какой бы области не находилось ядро кризиса, какова бы ни была широта его распространенія, въ одной сферѣ онъ долженъ отразиться всегда: это сфера общаго міросозерцанія и связанной съ нимъ культурной дѣятельности, литературы, науки, искусства и т. д. Область эта представляетъ наиболѣе полное, наиболѣе цѣльное отраженіе всего субъективнаго сознанія членовъ общества. Поэтому всякое существенное измѣненіе въ субъективномъ сознаніи должно вызвать столь же сильное измѣненіе и въ культурной дѣятельности. Въ частности, каждый кризисъ необходимо имѣетъ свою идеологію. Та группа новыхъ изобрѣтеній или тотъ приматъ одной группы изъ состава старыхъ, который лежитъ въ основѣ кризиса, долженъ пройти черезъ сознаніе раньше, нежели воплотиться въ дѣятельности. Если кризисъ происходитъ вслѣдствіе противоположныхъ оцѣнокъ группы новыхъ изобрѣтеній, оцѣнокъ императивныхъ въ глазахъ обѣихъ партій, то очевидно, что взаимное негодованіе, взаимная враждебность возникнетъ съ того момента, когда обнаружится это нарушеніе противоположныхъ императивовъ различными оцѣнками, совершенно не дожидаясь воплощенія этихъ оцѣнокъ въ реальной дѣятельности; идеологическій кризисъ будетъ предшествовать всякому иному. Такъ предшествовала Французской Революціи борьба вокругъ идеологіи XVIII в., такъ предшествовала революціи 1848 г. борьба вокругъ коммунистической агитаціи, такъ идеологическая борьба съ Лютеромъ предшествовала религіознымъ смутамъ эпохи реформаціи. Если же спорнымъ вопросомъ является относительное психологическое значеніе двухъ императивовъ, одинаково вытекающихъ изъ традиціонныхъ подражаній, то переходя путемъ внушенія изъ поколѣнія въ поколѣніе съ приблизительно опредѣленнымъ мѣстомъ въ синтезѣ личности, подобныя подражанія не даютъ повода къ острой идеологической постановкѣ вопроса объ ихъ относительномъ значеніи.

Вопросъ этотъ возникаетъ въ острой формѣ лишь тогда, когда оба императива сталкиваются, когда ихъ реальная коллизія заставляетъ избрать одинъ императивъ цѣною нарушенія другого. Поэтому здѣсь острое столкновеніе мнѣній не предшествуетъ столкновенію партій, а сопутствуетъ ему.

Весь этотъ процессъ можно прослѣдить на любомъ изъ великихъ кризисовъ исторіи. Въ области религіи яркій примѣръ такого кризиса представляетъ огромная волна реформаціи, охватившая Европу въ XVI и XVII в.в. Самыя различныя области тогдашней культурной жизни были охвачены общимъ теченіемъ и становились спорными темами конфликта. Политическая борьба императоровъ съ князьями и городами, національный раздоръ между чехами и нѣмцами, борьба между отдѣльными могущественными княжествами имперіи, напр., Баваріей и Пфальцомъ—все это сливалось съ религіознымъ кризисомъ въ имперіи; а за ея предѣлами рознь между фламандскими и голландскими штатами въ Нидерландахъ, между сѣверомъ и югомъ во Франціи, между династіями Тюдоровъ и Стюартовъ въ Англіи протекала подъ знаменами реформаціи и католицизма. Какъ и всегда при кризисахъ по различной оцѣнкѣ новаго изобрѣтенія, идеологическое столкновеніе представляло первый моментъ кризиса. Идейная борьба Лютера и Меланхтона съ германскимъ духовенствомъ, Цвингли со швейцарскимъ, Кальвина съ французскимъ надолго предшествовала вооруженнымъ столкновеніямъ враждебныхъ партій. Когда же кризисъ достигъ апогея, то разрывъ соціальной связи, паденіе всѣхъ императивовъ, взаимное ожесточеніе достигли такой степени, что моремъ крови залили всю Европу; достаточно вспомнить ужасы инквизиціи, Варѳоломеевской ночи, владычества Альбы въ Нидерландахъ, наконецъ, тридцатилѣтней войны.

Не менѣе ужасными, не менѣе кровавыми были послѣдующіе акты Французской Революціи. Первона-

чальное политическое ядро Революціи, стремленіе къ политической свободѣ, такъ сильно выразившееся въ первые моменты Національнаго Собранія, вдохновившее знаменитую „Декларацію правъ человѣка и гражданина“, очень скоро растворилось въ широкомъ соціально-экономическомъ, культурномъ и даже религіозномъ реформаторствѣ; уже во время Учредительнаго Собранія первоначальный чисто политическій лозунгъ „liberté“ превратился въ широкую формулу „liberte, égalité, fraternité. Въ идеологіи годы Революціи почти ничего новаго не создали отъ себя; они только развивали дальше, доводили до логическаго конца подготовившія Революцію идеи XVIII в. И какъ всегда въ этомъ типѣ кризисовъ, бурныя идеологическія столкновенія XVIII в. предшествовали кровавой борьбѣ революціонной эпохи.

Аналогичный идеологическій кризисъ, какъ подготовительную стадію иныхъ потрясеній, представляетъ эпоха романтизма. Національная идея, представлявшая излюбленную тему, основную стихію романтизма въ наукѣ и искусствѣ, въ послѣдующія десятилѣтія привела къ бурному націоналистическому подъему въ Европѣ, къ острымъ соціальнымъ кризисамъ на принципѣ національности. Рѣзкія столкновенія между германскими и славянскими элементами въ Австріи, венгерское и итальянское возстанія, націоналистическій подъемъ нѣмцевъ противъ Франціи изъ-за рейнскихъ областей (знаменитое„ Wacht am Rhein“), противъ Даніи изъ-за Шлезвигъ-Гольштиніи —все это первыя острыя стычки того огромнаго, охватившаго почти всю Европу національнаго кризиса, который въ дальнѣйшемъ развитіи привелъ къ войнамъ 50-хъ и 60-хъ г.г. за объединеніе Италіи, къ войнѣ 1864 г. за Шлезвигъ-Гольштинію, къ кровавому столкновенію 1870—71 г. между германской и французской народностями и къ объединенію Германіи, къ продолжающимся почти непрерывно уже 40 лѣтъ балканскимъ войнамъ, а у насъ въ Россіи отразился двумя поль-

скими возстаніями 1830 и 1863 г. На самыя различныя области культурной жизни наложилъ свою печать этотъ національный кризисъ. Бурныя потрясенія въ политической жизни всей Европы, паденіе свѣтской власти папъ въ процессѣ объединенія Италіи, образованіе подъ вліяніемъ національной идеи Сѣверо-Германскаго Таможеннаго Союза, будущаго ядра новой германской имперіи, экономическая борьба нѣмецкаго и славянскаго населенія въ Чехіи—таковы послѣдствія національнаго кризиса, помимо области національнаго сознанія. Не приходится уже и говорить объ отраженіи измѣнившагося синтеза личности въ литературѣ и искусствѣ XIX в., но даже въ области науки кризисъ не остался безъ вліянія. Историческія школы въ разныхъ отрасляхъ гуманитарныхъ наукъ, съ такимъ рвеніемъ и такой любовью обращавшіяся къ изученію національной старины, относившіяся къ этой старинѣ съ нѣжностью поэтовъ, представляютъ отвѣтвленіе общаго національнаго подъема. Въ области правового развитія рѣзко выраженная національная кодификація, начиная съ торговаго уложенія 1861 г. въ объединявшейся Германіи и кончая знаменитымъ гражданскимъ уложеніемъ въ той же Германіи, основана также на національномъ подъемѣ. Наряду съ тѣснымъ сплоченіемъ, съ подъемомъ соціальной связи въ предѣлахъ своей національности XIX вѣкъ часто видѣлъ картины полнаго разрыва, паденія всѣхъ императивовъ, безудержнаго ожесточенія, безсмысленной свирѣпости въ отношеніи другихъ народностей. Едва ли нужно говорить объ этомъ подробнѣе; эти кровавыя страницы исторіи еще живутъ въ памяти у всѣхъ.

Не менѣе опредѣленной тенденціей захватывать сосѣднія области, въ особенности политическую и правовую жизнь, обладаютъ соціальные кризисы, происходящіе на классовой и экономической почвѣ. Эта общеизвѣстная тенденція опредѣлила собою цѣлое міросозерцаніе, по которому „вся исторія общества есть исто-

рія борьбы классовъ". Исторія подобныхъ кризисовъ всегда съ неизмѣнностью показываетъ намъ широкую сферу распространенія на сосѣднія области. Еще въ античномъ мірѣ извѣстное классовое столкновеніе, связанное съ именами братьевъ Гракховъ, можетъ служить иллюстраціей этого правила. Вся государственная жизнь Рима, вся область частно-правовыхъ отношеній по ager publicus, вся политическая и правовая жизнь итальянскихъ союзниковъ, наконецъ, даже религіозные вопросы, связанные съ неприкосновенностью народнаго трибуна, были охвачены широкой волною кризиса. И сквозь всѣ эти осложненія ярко и отчетливо выступало основное ядро кризиса, экономическая борьба классовъ. Ожесточеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ не знало предѣловъ. Самые основные императивы римскаго міросозерцанія безъ всякихъ колебаній нарушались въ отношеніи противной стороны: въ стѣнахъ pomerium'а магистраты носили оружіе, и римскіе граждане вступали въ междоусобныя схватки; народный трибунъ былъ убитъ во время народнаго собранія, Капитолій подвергся вооруженному нападенію. Горячая и продолжительная агитація по поводу захватовъ общественной земли со стороны знатныхъ и богатыхъ вызвала энергичный отпоръ правящихъ классовъ еще задолго до попытки Тиверія Гракха реально прекратить эти захваты; идеологическое столкновеніе, какъ всегда въ этомъ типѣ кризиса, было провозвѣстникомъ надвигавшейся грозы. Другой примѣръ классового кризиса представляетъ эпоха паденія крѣпостного права, пережитая Россіей въ половинѣ XIX в. О долгой идеологической подготовкѣ реформы 19 февраля едва ли нужно напоминать. Въ теченіе цѣлаго столѣтія, начиная съ царствованія Екатерины II, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ не переставалъ быть жгучей темой, яблокомъ раздора въ русской интеллигенціи. Судьба Радищева и Новикова, подвергшихся жестокому преслѣдованію за первую открытую проповѣдь

освобожденія, представляла уже симптомъ назрѣвавшаго конфликта въ обществѣ. Николай Тургеневъ и впослѣдствіи Герценъ, Бѣлинскій, Огаревъ, всѣ духовные вожди 40-хъ годовъ сдѣлали освобожденіе крестьянъ краеугольнымъ камнемъ своего міросозерцанія, однимъ изъ основныхъ императивовъ своей соціальной личности. Въ 40-е и 50-е годы идеологическій кризисъ былъ въ полномъ разгарѣ, все русское общество рѣзко раздѣлялось на два лагеря—крѣпостниковъ и сторонниковъ освобожденія. Въ литературѣ еще со временъ Грибоѣдовскаго „Горе отъ ума“ и Пушкинской „Деревни“ непрерывно нарастала горячій протестъ противъ крѣпостного права и распадавшагося крѣпостническаго общества. Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Некрасовъ, вся безсмертная плеяда нашихъ классиковъ запечатлѣла острую идейную борьбу, предшествовавшую великой реформѣ. Всѣ прогрессивныя начинанія, всѣ назрѣвавшія разногласія въ другихъ областяхъ сливались въ сознаніи эпохи съ основнымъ вопросомъ, быть или не быть крѣпостному праву. Давно стало общимъ мѣстомъ, что всѣ реформы царствованія Александра II представляли одно неразрывное цѣлое, во главѣ котораго стоитъ реформа 19-го февраля. Взаимная ненависть, взаимное ожесточеніе обоихъ лагерей во все время кризиса, достаточно извѣстны.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы останавливались на кризисахъ въ широкой соціальной сферѣ, кризисахъ, охватывавшихъ основныя, взаимно-пересѣкающіяся линіи соціальности. Но не только на этихъ основныхъ подражаніяхъ можетъ произойти рѣзкое раздѣленіе внутри соціальной группы, знаменующее собою кризисъ. Въ тѣсныхъ соціальныхъ группахъ, гдѣ подражательное общеніе значительно и имѣется много общихъ подражаній, увѣренная эективація затрагиваетъ также и гораздо болѣе мелкія въ личномъ синтезѣ подражанія, нежели приведенныя выше. Въ подобныхъ группахъ критерій, примѣняемый каждымъ членомъ къ

другому субъективному сознанію, обладаетъ большой опредѣленностью. Чѣмъ тѣснѣе группа, тѣмъ болѣе мелкихъ деталей личнаго синтеза коснется увѣренная эективація. И субъективное неподтвержденіе этой эективаціи даже въ деталяхъ можетъ вызвать путаницу, неясность въ отношеніи тѣхъ добавочныхъ подражаній, которыми опредѣляется принадлежность къ тѣсному соціальному кругу, прежде столь отчетливаго и опредѣленнаго критерія; нѣкоторымъ паденіемъ критерія обусловливается соотвѣтственный разрывъ въ соціальной связи; симптомомъ этого разрыва является бурное негодованіе. Кризисъ можетъ произойти не только по основнымъ взаимно-пересѣкающимся линіямъ соціальности, но и на подражаніяхъ менѣе широкихъ, образующихъ концентрически болѣе тѣсные соціальные круги. Характерная черта этихъ кризисовъ состоитъ въ томъ, что спорный вопросъ, занимавшій до кризиса второстепенное мѣсто, разжигается, разростается, становится болѣе существеннымъ въ глазахъ обѣихъ сторонъ, именно, благодаря раздѣленію на немъ по группамъ. Усиленное вниманіе къ этому вопросу, центральное мѣсто, которое онъ занимаетъ въ сознаніи групповыхъ различій, увѣренная эективація на всѣхъ единомышленниковъ возмущенія въ отношеніи противной стороны—все это выдвигаетъ спорный пунктъ и создаетъ расколъ въ тѣсной соціальной группѣ. Всѣ внутренніе конфликты, ведущіе къ разложенію тѣсныхъ политическихъ, религіозныхъ и проч. группъ, представляютъ подобные кризисы. Отъ церковныхъ схизмъ, не захватывающихъ догматовъ религіи (напр., расколъ въ русской церкви или англиканство въ католической), отъ рѣзкихъ фракціонныхъ отграниченій въ предѣлахъ общей политической программы и до острой распри въ клубѣ или въ обществѣ со спеціальной цѣлью—всѣ эти столкновенія представляютъ соціальные кризисы въ извѣстныхъ общественныхъ сферахъ различной широты, основанныхъ на вза-

имной эективаціи подражаній различнаго психологическаго значенія.

Но всѣ подобные кризисы представляютъ въ жизни общества лишь сравнительно менѣе крупныя перегруппировки въ тѣсныхъ образующихъ единицахъ. Гораздо большее значеніе и гораздо большую остроту, чѣмъ эти кризисы въ добавочной соціальной группировкѣ, имѣетъ преломленіе въ тѣсныхъ соціальныхъ сферахъ основныхъ кризисовъ, раздирающихъ общество. Уже было упомянуто, что, если въ моментъ такого общаго кризиса въ предѣлахъ какого либо тѣснаго круга окажутся представители обоихъ лагерей, острота ихъ взаимнаго раздраженія будетъ прямо пропорціональна тѣснотѣ объединяющаго ихъ соціальнаго круга. Въ виду очень тѣсной соціальной связи, постояннаго взаимнаго общенія, множества эективируемыхъ другъ на друга подражаній, критерій другого сознанія, образующійся у каждаго члена такого тѣснаго круга въ отношеніи остальныхъ, обладаетъ значительной степенью точности и опредѣленности. Эективація пріобрѣтаетъ большую увѣренность и ея неподтвержденіе, составляя крайнюю неожиданность, вызываетъ бурное негодованіе. Съ другой стороны, многіе изъ тѣсныхъ соціальныхъ круговъ не ограничиваются предѣлами одной основной линіей соціальности, а пересѣкаютъ нѣсколько. Соціальная семья, а равно и общественныя единенія со спеціальной цѣлью культурнаго общенія, какъ напр., газеты и клубы, въ принципѣ обнимаютъ многія изъ основныхъ линій соціальности. На подобныхъ группахъ по самому существу ихъ отражается общій соціальный кризисъ, происходящій на всякой изъ затрагиваемыхъ ими линій соціальности. Если въ подобныхъ тѣсныхъ кругахъ окажутся представители враждующихъ лагерей по какой бы то ни было спорной темѣ соціальнаго кризиса—если въ моментъ религіознаго кризиса окажутся въ семьѣ различно вѣрующіе члены, если въ моментъ политическаго кризиса въ клубѣ

окажутся представители враждующихъ партій, то во всѣхъ этихъ случаяхъ расколъ съ особой силой произойдетъ въ предѣлахъ тѣсной группы, совершенно независимо отъ того, въ какой области подражаній разразится основной кризисъ. Отсюда вытекаетъ, что тѣсныя группы, пересѣкающія нѣсколько основныхъ подражаній, должны были бы подвергнуться гораздо большей опасности кризиса, нежели широкія группы, образуемыя эективаціей какого либо изъ основныхъ подражаній.

Но съ другой стороны существуютъ въ структурѣ общества и обратные факторы, оказывающіе на эту опасность умѣряющее, сдерживающее вліяніе. Чѣмъ тѣснѣе группа, чѣмъ больше общихъ подражаній, чѣмъ непрерывнѣе и разносторонніе общеніе, тѣмъ сильнѣе сказывается уравнивающее значеніе подражанія, тѣмъ болѣе сходны субъективныя сознанія членовъ. Поэтому столь рѣзкое расхожденіе оцѣнокъ въ одномъ изъ существенныхъ составныхъ мотивовъ синтеза личности, которое вызвало бы раздѣленіе членовъ тѣсной группы между враждующими лагерями соціальнаго кризиса, представляется сравнительно рѣдкимъ явленіемъ. Мы видѣли, что вообще для образованія такой рѣзкой противоположности въ оцѣнкахъ членовъ общества необходимъ долгій подготовительный процессъ, постепенное расхожденіе субъективныхъ сознаній. Въ тѣсной соціальной группѣ этотъ предварительный процессъ сильно затрудняется. Постоянное взаимное общеніе, непрерывное взаимное подражаніе создаютъ такое сходство субъективныхъ сознаній, что лишь въ исключительныхъ случаяхъ между ними можетъ образоваться разрывъ. Къ тому же, и простое внушеніе, малосознательное подражаніе, въ силу привычки подражать, дѣйствуетъ съ большей силой въ предѣлахъ тѣсной группы, гдѣ привычка подражать больше связывается съ конкретными личностями остальныхъ членовъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ въ моменты основныхъ соціальныхъ кризисовъ тѣсныя соціальныя группы, обыкновенно, оказываются въ своемъ полномъ корпоративномъ составѣ, на той или на другой сторонѣ. Когда происходитъ бурное столкновеніе въ обществѣ, газеты принимаютъ партійныя направленія, клубы дѣлаются партійными центрами, соціальныя семьи становятся въ составѣ всѣхъ членовъ на одну изъ сторонъ. Множество такихъ примѣровъ даетъ исторія. Извѣстная семья герцоговъ Гизовъ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній цѣликомъ, не исключая ни одного члена, стояла во главѣ католической партіи въ борьбѣ съ гугенотами. Въ эпоху Французской Революціи двѣ линіи Бурбонской семьи одинаково дали въ противоположныхъ направленіяхъ примѣръ семейнаго единства: Орлеанская вѣтвь вся въ полномъ составѣ съ герцогомъ Филиппомъ Egalité во главѣ примкнула къ революціи, а старшая линія вся поголовно сдѣлалась вождями реакціи. Аналогичное раздѣленіе по линіямъ произошло въ эпоху реформаціи въ Саксонской семьѣ: линія Курфюрстовъ Саксонскихъ, слѣдуя примѣру курфюрста Фридриха Мудраго, держалась лютеранства, а линія герцоговъ Саксонскихъ съ извѣстнымъ герцогомъ Морицомъ стала подъ знамена католической партіи и императора Карла V. Извѣстна выдающаяся роль семьи князей Острожскихъ во время ожесточенной религіозной борьбы въ юго-западной Руси. Въ эпохи внутреннихъ кризисовъ въ Рѣчи Посполитой такія магнатскія семьи, какъ Раздвиллы, Вишневецкіе, Любомирскіе, Потоцкіе, Чарторыйскіе, обыкновенно представляли одно сплоченное цѣлое; и въ годы агоніи Польши, въ годы предшествовавшіе первому раздѣлу, борьба между русской и французской партіей переходила въ борьбу Чарторыйскихъ и Потоцкихъ. То же самое наблюдается и въ другихъ тѣсныхъ соціальныхъ группахъ. Въ эпоху реформаціи города опредѣляли свою партійность корпоративно, и ополченіе горожанъ въ полномъ составѣ

становилось въ ряды той или другой сражающейся стороны. Магдебургъ, который послѣ долгой осады былъ разрушенъ до тла фельдмаршаломъ Тилли Нюрнбергъ, ополченіе котораго спасло Густава Адольфа во время осады Валленштейномъ запертой шведской арміи, представляютъ разительные примѣры солидарности горожанъ. Аналогичныя явленія наблюдались въ эпоху Французской Революціи. Парижъ, создавшій революцію съ одной стороны, Тулонъ, возставшій противъ нея съ другой, одинаково дѣйствовали корпоративно. Едва ли приходится говорить о роли, которую играютъ во время соціальныхъ кризисовъ клубы, газеты, общества съ культурными задачами и т. п. Подготовка революціи 1848 г. во Франціи происходила почти цѣликомъ черезъ эти культурныя единенія. Роль прессы, этой „восьмой великой державы“, въ распространеніи одинаковыхъ воззрѣній среди читателей каждаго органа, достаточно общеизвѣстна и останавливаться на этомъ вопросѣ врядъ ли нужно.

Такова нормальная историческая картина единообразнаго отношенія членовъ тѣсной группы къ кризису. Но въ соціальныхъ кризисахъ наблюдается и обратная картина. Если, несмотря, на всѣ сдерживающіе факторы, по какому либо сплетенію индивидуальныхъ соціально-біографическихъ условій между членами тѣсной соціальной группы, окажется въ области, затронутой соціальнымъ кризисомъ, столь значительное несходство субъективныхъ сознаній, что оно вызоветъ противоположную партійность въ кризисѣ, то въ предѣлахъ тѣсной группы взаимное негодованіе скажется съ особой силой. Съ одной стороны этому способствуетъ увѣренность эективаціи и крайняя неожиданность ея неподтвержденія; съ другой стороны, при постоянномъ общеніи, частыя нарушенія императивовъ другого лагеря, непрерывно поддерживаютъ, непрерывно усиливаютъ возмущеніе. Поэтому въ предѣлахъ тѣсной группы общіе соціальные кризисы проте-

кают съ особой остротой, съ особеннымъ взаимнымъ раздраженіемъ. Такъ, напр., въ 1823 г., когда революція карбонаріевъ въ Туринѣ свергла короля, принцъ Карлъ-Альбертъ стоялъ во главѣ возстанія. Петръ Великій и царевичъ Алексѣй Петровичъ съ ихъ жестокой ненавистью другъ къ другу, какъ бы соединившей въ себѣ всю ненависть, все ожесточеніе старой и новой Россіи, даютъ намъ яркій примѣръ семьи, раздираемой соціальнымъ кризисомъ. Карагеоргій въ своемъ страстномъ стремленіи къ освобожденію Сербіи, столкнувшійся съ сопротивленіемъ своего собственнаго отца, который отправился къ пашѣ донести на сына и по дорогѣ былъ убитъ этимъ сыномъ, даетъ намъ такой же примѣръ. Въ нашей литературѣ преломленіе кризиса въ семьѣ запечатлѣно образомъ Тараса Бульбы, убивающаго своего сына-измѣнника.

Рѣзкое негодованіе, возникающее во время общихъ соціальныхъ кризисовъ въ тѣсныхъ группахъ, въ частности въ семьѣ, является отзвукомъ того всеобщаго колоссальнаго раздраженія, которое царитъ между враждующими лагерями. Во все время, пока продолжается борьба, это раздраженіе въ связи съ паденіемъ императивовъ ведетъ къ безудержной жестокости, безграничной свирѣпости въ отношеніи враждебной стороны. Къ этому присоединяется еще одинъ факторъ. Въ психологіи общеизвѣстно то вліяніе, которое оказываетъ на людей видъ крови, видъ насильственной смерти. Установлено, что процентъ преступленій, связанныхъ съ проявленіемъ жестокости, значительно повышается среди присутствовавшихъ при смертной казни. Изъ 167 преступниковъ, которыхъ бристольскій священникъ исповѣдывалъ передъ казнью только 6 не присутствовали прежде при исполненіи смертной казни [1]). Массачузетская комиссія 1835 г. собрала интересные примѣры преступниковъ, совершившихъ преступленіе

[1]) Mittermayer Todesstrafe § II прим. 2.

подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ казни, на которой они присутствовали [1]). Многочисленныя другія данныя въ этомъ же родѣ можно найти въ любомъ изслѣдованіи противниковъ смертной казни [2]). Едва ли приходится доказывать тотъ же тезисъ въ отношеніи войны. Извѣстна жестокость, свирѣпость, полное озвѣрѣніе, которое овладѣваетъ мирными поселянами и даже представителями интеллигенціи на театрѣ военныхъ дѣйствій. Пролитіе крови въ бою неизбѣжно развращаетъ армію, и вся тяжесть ея деморализаціи падаетъ потомъ на мирное населеніе. Этотъ историческій законъ оставался вѣрнымъ вездѣ и всюду. Гуманныя идеи XIX в. привели къ попыткѣ ограничить звѣрства войны комбаттантами, попыткѣ, сказавшейся въ международномъ правѣ постановленіями женевской и гаагской конференціи. Но, къ сожалѣнію, постановленія эти въ значительной мѣрѣ остаются благими пожеланіями, и постоянные протесты объ ихъ нарушеніяхъ, которые во время всякой войны сыпятся, какъ изъ рога изобилія съ обѣихъ сторонъ, служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. Войны, происходившія въ послѣднее время, ведутся съ прежнимъ ожесточеніемъ. Знаменитое Хіосское избіеніе во время греко-турецкой войны, послужившее темой одного изъ шедевровъ Е. Делакруа, звѣрства китайской войны, наконецъ, всѣмъ еще памятные ужасы недавнихъ войнъ на Балканахъ съ достаточной наглядностью показываютъ, до какого озвѣрѣнія доводитъ человѣка кровь. „Севастопольскіе разсказы“ Толстого, „Красный смѣхъ“ Андреева, „Валленштейнъ“ Шиллера и многочисленныя другія произведенія русской и иностранной литературы въ яркихъ краскахъ изображаютъ ужасъ человѣческаго паденія подъ влі-

---

[1]) Archiw des Criminalrecht 1841 г. стр. 12—13.

[2]) Ср. напр. Кистяковскій. Изслѣдованіе о смертной казни. Стр. 42—46. Таганцевъ. Смертная казнь, Петербургъ, 1913 стр. 131—134.

яніемъ озвѣрѣнія войны; еще въ творчествѣ античнаго міра „Энеида“ Виргилія поражаетъ наше воображеніе страшной картиной паденія Трои. Разгулъ жестокихъ инстинктовъ представляетъ неизбѣжное слѣдствіе кровопролитія и насилія.

Такія же послѣдствія всегда имѣетъ и кровопролитіе въ междоусобной борьбѣ. Всеобщее озвѣрѣніе, соединяясь съ бурей негодованія противъ враждебной стороны, съ паденіемъ въ отношеніи ея всѣхъ императивныхъ нормъ, вызываетъ ту вакханалію жестокости и звѣрства, которой характеризуются послѣдующіе періоды соціальнаго кризиса. Уничтожены всѣ грани дозволеннаго и недозволеннаго, человѣческаго и безчеловѣчнаго. Убійства, насилія, грабежи, поджоги дѣлаются обычнымъ житейскимъ явленіемъ и ограничиваются въ своемъ распространеніи только лагернымъ принципомъ. Вандейская война, одна изъ самыхъ ужасныхъ, самыхъ позорныхъ страницъ новой исторіи, представляютъ такую вакханалію озвѣрѣнія. Республиканцы и роялисты, какъ будто соперничали въ безчеловѣчной жестокости въ отношеніи противнаго лагеря. До сихъ поръ съ содроганіемъ читаются страницы „L'an quatre-vingt-treize“ Гюго, посвященныя ужасамъ этой междоусобной борьбы. Тридцатилѣтняя война въ Германіи, наше Смутное время даютъ примѣръ такого же озвѣрѣнія враждующихъ сторонъ.

Само собою понятно, что этотъ дикій разгулъ жестокихъ инстинктовъ не прекращается побѣдой одной изъ сторонъ. Вплоть до рѣшительнаго момента, опредѣляющаго побѣду, борьба продолжается съ нарастающимъ ожесточеніемъ. Съ одной стороны взаимное негодованіе, глубина разрыва соціальной связи, симптомомъ котораго является раздраженіе, паденіе императивовъ въ отношеніи другого лагеря, вызванное разрывомъ—все это необходимо должно нарастать въ теченіи борьбы. Каждое новое столкновеніе, каждое новое нарушеніе одной изъ сторонъ того, что является

императивнымъ въ глазахъ другой, одновременно и увеличиваетъ глубину соціальнаго разрыва, и дѣлаетъ болѣе увѣренной, болѣе императивной лагерную эективацію негодованія и ненависти къ другой группѣ. Пропасть все разростается. Съ другой стороны, чѣмъ сильнѣе разгорается кризисъ, чѣмъ больше насилій и кровавыхъ столкновеній протекаетъ на глазахъ общества, тѣмъ болѣе повышается волна жестокихъ инстинктовъ. Въ самомъ разгарѣ кризиса, наканунѣ его рѣшительнаго момента, эта волна уже достигаетъ огромнаго размѣра и сдерживается только въ отношеніи своего лагеря императивами лагерной солидарности. Побѣда въ большихъ кризисахъ опредѣляется уже тогда, когда и озвѣрѣніе, и степень паденія императивовъ достигли своего апогея.

Что же должно произойти далѣе? Какія послѣдствія влечетъ за собою побѣда одной изъ сторонъ?

Прежде всего, мнѣніе побѣдившей стороны, ея рѣшеніе спорной темы кризиса навязывается съ принудительной силой всѣмъ членамъ общества. Побѣдитъ ли консервативный или прогрессивный лагерь—это послѣдствіе одинаково наступаетъ. Противная сторона разбита, обезсилена, продолжать борьбу не можетъ. Съ неизбѣжностью возникаетъ внѣшнее формальное подчиненіе рѣшенію побѣдителей. Увѣренная эективація побѣдителями извѣстнаго поведенія, соотвѣтствующаго ихъ императивному сознанію, встрѣчаетъ формальное подтвержденіе со стороны всѣхъ членовъ общества. Всѣ подчиняются, независимо отъ прежнихъ лагерныхъ группировокъ, отъ своихъ внутреннихъ взглядовъ и симпатій. Внѣшнее подтвержденіе эективируемаго побѣдителями поведенія еще не можетъ служить указаніемъ образа мыслей даннаго лица, его лагерной принадлежности. Лагерная грань между побѣдителями и побѣжденными стирается, принадлежность каждаго члена общества къ тому или иному лагерю становится для господствующей партіи почти нераспозна-

ваемой. Отсюда падаетъ увѣренность лагерной эективаціи. Нельзя отличить своего отъ чужого, друга отъ тайнаго врага.

Такое же положеніе складывается и на сторонѣ побѣжденныхъ. Принудительное подтвержденіе опредѣленной эективаціи, жестокія репрессіи противъ неподтверждающихъ въ связи съ невозможностью продолжать борьбу заставляютъ каждаго члена побѣжденной партіи воздерживаться отъ обнаруженія своего истиннаго образа мыслей. Въ глазахъ каждаго члена внѣшнее подчиненіе опредѣленнаго лица императивамъ противнаго лагеря еще не служитъ доказательствомъ его дѣйствительной принадлежности къ числу враговъ. Вступая въ общеніе съ человѣкомъ, объ образѣ мыслей котораго нѣтъ положительныхъ свѣдѣній со времени борьбы, членъ побѣжденной партіи не можетъ сразу причислить его ни къ тому, ни къ другому лагерю; и даже въ отношеніи прежнихъ соратниковъ увѣренность лагерной эективаціи падаетъ, въ виду развивающейся, обыкновенно, въ такіе моменты широкой сѣти шпіонажа на почвѣ замаливанія прежнихъ грѣховъ передъ господствующей партіей. Лагерная эективація распадается на обѣихъ сторонахъ.

Мы видѣли, что уже на послѣдней стадіи кризиса разгулъ страстей сдерживался императивнымъ сознаніемъ только въ предѣлахъ лагерной группировки. Боевая тема кризиса и связанные съ нею императивы борьбы, все увеличиваясь въ своемъ психологическомъ значеніи, все разгораясь въ сознаніи сторонъ, становятся главной подавляющей верховной чертою синтеза личности. Вся остальная система императивовъ въ своемъ психологическомъ значеніи заслоняется лагернымъ принципомъ и въ сферѣ своего дѣйствія ограничивается имъ. Императивы существуютъ постольку, поскольку есть борьба и обусловленные ею лагери. Съ паденіемъ лагерной грани, съ распаденіемъ увѣ-

ренной эективаціи основныхъ подражаній, подражаній борьбы, падаетъ и вся лагерная система императивовъ. И въ сознаніи господствующей партіи, и въ сознаніи побѣжденной—все общество превращается въ сплошную аморфную массу, гдѣ смѣшаны друзья и враги, гдѣ прежняя сфера примѣненія императивовъ растворилась и стала нераспознаваемой. Падаетъ единственная преграда, удерживавшая всеобщую, неразбирающую вакханалію озвѣрѣнія. Дикій разгулъ страстей, достигшій полнаго развитія уже ко времени рѣшительнаго столкновенія, продолжается, но только теперь его уже не останавливаютъ грани лагерной солидарности. Выливаясь по всякому поводу, въ отношеніи всякаго члена среды, онъ создаетъ огромное повышеніе преступности во всемъ обществѣ, а въ частности на сторонѣ господствующей партіи огромное повышеніе злоупотребленій властью. Когда папскій легатъ восликнулъ при взятіи альбигойскаго города Безье: „бейте всѣхъ, Господь отличитъ правовѣрныхъ!“, то въ этомъ заключалась характеристика цѣлой эпохи, больше того, логически неизбѣжнаго періода при всякомъ большомъ соціальномъ кризисѣ. Вторая половина тридцатилѣтней войны, когда смѣшались всѣ лагерныя группировки и въ императорской арміи служили протестанты, а въ шведской—католики, представляетъ невѣроятную картину насилій надъ мирными жителями безъ разбора ихъ религіозной партійности, опустошенія страны, огромнаго повышенія преступности, массовыхъ разбоевъ и т. д. Въ не менѣе тяжеломъ состояніи оказалось Московское государство послѣ Смутнаго времени. Та картина „московскаго разоренія“, всеобщей „разрухи“, которую мы находимъ въ лѣтописяхъ того времени, въ жалобахъ земскихъ соборовъ первой половины царствованія Михаила Ѳеодоровича, въ писцовыхъ, въ дозорныхъ книгахъ 1614 г. и наконецъ, въ правительственныхъ актахъ, превосходитъ воображе-

ніе [1]). Проскрипціи древняго Рима, періодъ „террора“ во времена французскаго конвента, когда члены обѣихъ партій одинаково подвергались казни по малѣйшему поводу, когда убійство, насиліе, злоупотребленіе властью дѣлались повседневнымъ явленіемъ народной жизни, представляютъ иллюстраціи того же положенія. Аналогичное повышеніе общей и спеціальной преступности наблюдалось у насъ въ Россіи послѣ кризиса 1905 г. Статистика показываетъ намъ въ точныхъ несомнѣнныхъ цифрахъ повышеніе волны преступности въ годы слѣдующіе за соціальными кризисами

Преступленія, судившіяся въ	Политическія, религіозныя и противъ порядка управленія.	Служебныя.	Общія.
1904 г.	7122	2422	39972
1905 „	7011	2112	37720
1906 „	19966	3242	36022
1907 „	24651	3724	44524 [2])

[1]) Костомаровъ, статья „Смутное время Московскаго государства“ въ Вѣстникѣ Европы за 1866 г. С. Соловьевъ, статья „Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ“ въ „современникѣ“ за 1848 г. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ т. VIII стр. 1051—1053. Ср. Акты, относящіеся до Юридическаго Быта. 128, І. А. Звоницкій, О залогѣ, Кіевъ, 1912 г. стр. 107—108.

[2]) См. „Ежегодникъ Россіи“ за 1907—10 г. Преступленія, судившіяся въ 1904 г., нужно считать совершенными приблизительно въ 1903 и въ началѣ 1904 г. Пересматривая таблицу, такимъ образомъ, мы видимъ, громадное увеличеніе преступности, послѣдовавшее за кризисомъ 1905 г. Дѣйствительную цифру злоупотребленій властью нужно считать гораздо больше показанной, ибо подобныя преступленія, протекая подъ знаменемъ репрессій въ отношеніи побѣжденной партіи, часто совершенно не регистрируются. О неразбирающей репрессіи въ годы послѣ кризиса ярко свидѣтельствуетъ небывалое повышеніе смертной казни и невѣроятныя невозможныя условія ея примѣненія (Таганцевъ, Смертная казнь, стр. 89—92, 98).

Но самый этотъ дикій разгулъ страстей, столь сильный въ первые моменты послѣ борьбы, долженъ постепенно идти на убыль. Постепенный процессъ распаденія группы начинаетъ сказываться. Солидарность группы, единообразіе взаимныхъ эективацій, разжигали каждаго индивидуума, придавали главнымъ моментамъ его субъективнаго сознанія особую силу, особую мощь, вызывали въ немъ общій подъемъ. Когда группа распадается, друзья и враги смѣшиваются въ одну аморфную массу, сила группового сознанія, интенсивность взаимныхъ эективацій слабѣетъ. Бурный подъемъ приходитъ къ концу. На смѣну ему на обѣихъ сторонахъ является удрученность, подавленность. Всеобщее взаимное недовѣріе въ обществѣ, какъ на сторонѣ господствующей партіи, такъ и на сторонѣ побѣжденныхъ заставляетъ постоянно быть настороже, тревожиться, чего то опасаться. У побѣжденныхъ къ этому присоединяется удручающее вліяніе пораженія, сознаніе безсилія, вынужденнаго отказа отъ своего credo, утраченной надежды скоро увидѣть его осуществленнымъ. У побѣдителей присоединяется сознаніе, что недовольные въ обществѣ есть, но распознать ихъ невозможно, боязнь всѣхъ и каждаго, страхъ за завтрашній день. На обѣихъ сторонахъ чувство беззащитности отъ насилій всеобщаго неразбирающаго озвѣрѣнія, чувство, возникающее вслѣдствіе паденія лагерныхъ группировокъ и общей дезорганизованности среды, еще усиливаетъ подавленность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣетъ и взаимное негодованіе. То огромное усиленіе враждебныхъ чувствъ въ отношеніи другой стороны, которое вызывалось взаимными лагерными подражаніями и эективаціей подражанія, естественно прекращается съ распаденіемъ лагерей. Репрессіи, ослабленіе затрудненнаго ими взаимнаго общенія, въ особенности паденіе грани между друзьями и врагами приводятъ къ утратѣ лагерными эективаціями своей увѣренности и интенсивности.

Параллельно теряетъ свою остроту и лагерное негодованіе. Этотъ процессъ ускоряется и усиливается всеобщей удрученностью. Переходя изъ бурнаго, страстнаго состоянія въ подавленное или, по мѣткой старой терминологіи, изъ „стеническаго“ въ „астеническое“, враждебное чувство къ противной сторонѣ превращается изъ гнѣва, негодованія въ глухое недовольство, въ гнетущую неудовлетворенноть. Стерлись грани, смѣшались лагери, все слилось во внѣшне-единообразный фонъ. И гнетущее чувство неудовлетворенности всѣмъ и всѣми неограниченно распространяется на этомъ сѣромъ, единообразномъ фонѣ. Паденіе верховныхъ безусловныхъ императивовъ въ годы, слѣдующіе за борьбой, также способствуетъ подавленности всего общества. Общество остается безъ руководящихъ идеаловъ, безъ опредѣленныхъ стремленій, безъ твердаго знанія, что дѣлать, къ чему направить свою жизнь. У натуръ чуткихъ, глубоко тяготѣющихъ къ идеалу, къ ясно очерченнымъ, направляющимъ жизнь императивнымъ велѣніямъ, общій распадъ системы императивовъ сказывается особенно тяжелой, особенно болѣзненной тоской. Въ поискахъ идеала эти натуры, естественно, невольно обращаются къ свѣжему еще преданію прошлаго, когда верховные императивы борьбы твердо направляли жизнь, когда могучимъ подъемомъ грознаго боя было охвачено общество. Весь реальный ужасъ кризиса, его кошмарное ожесточеніе къ этому времени уже успѣваетъ нѣсколько сгладиться въ воспоминаніяхъ. Горячая борьба, кровопролитіе боя прекратились давно. Жестокіе инстинкты, питавшіеся постояннымъ кровопролитіемъ, потеряли свою основную почву. Кровавая вакханалія всеобщей преступности и неразбирающей репрессіи, слѣдовавшая за побѣдой одной изъ сторонъ, идетъ на убыль. Подрастающая молодежь получаетъ въ наслѣдіе всеобщій распадъ императивовъ, всеобщую безпринципность и болѣзненную

тоску. Раздавленное кризисомъ поколѣніе ничего другого дать не можетъ.

„И прахъ нашъ со строгостью судьи и гражданина Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ, Насмѣшкой горькою обманутаго сына Надъ промотавшимся отцомъ,—восклицаетъ одинъ изъ членовъ такого поколѣнія, Лермонтовъ. Молодое поколѣніе, не знавшее, не участвовавшее въ реальныхъ ужасахъ борьбы, обвѣваетъ ее флеромъ поэзіи, находитъ въ ней противоположность распаду и безпринципности своей эпохи, видитъ въ ней лишь стройное, прекрасное великое, захватывавшее жизнь и направлявшее ее. Тоска по императиву выливается въ восторженную идеализацію императивовъ прежней борьбы. Тоска и печаль музы Надсона, ея гражданскіе мотивы, пылкій призывъ „не падать душою“ вдохновлены грезой объ ушедшихъ годахъ, когда „мы въ міръ вступали могучей твердою стопою“. Такіе перлы поэзіи, какъ „Во мглѣ“, „Мрачна моя тюрьма“, „Шествіе народовъ“, „Не презирай толпу“ и т. д.—все это удивительныя по глубокой и нѣжной печали элегіи о быломъ, воспоминанія о томъ, что:

. . . . . „Когда то оба

Мы, какъ орлы, могучи и сильны „Клялись врагамъ земли родной не уступать до гроба „Священной вольности родимой стороны“. Эта противоположность мечты и дѣйствительности, жгучая боль, острая тоска по неосуществимомъ идеалѣ переходитъ въ безнадежный вопль, въ отчаяніе Гаршина. Срѣзана гордая Attalea Princeps, умираетъ въ безуміи герой „Краснаго цвѣтка“, бросаетъ кисть истерзанный Рябининъ и кончаетъ самоубійствомъ ихъ авторъ. Все это одна и та же безудержная тоска, безграничное отчаяніе, одинъ и тотъ же вопль: „Не могу больше“. И во вдохновенныхъ поэтичныхъ твореніяхъ Шопена, восторженная мечта о быломъ величіи разгромленной Польши, смѣшалась съ острой болью о ея паденіи, съ скорбной тоскою, съ глубокимъ отчаяніемъ.

Всѣ эти явленія, конечно, съ особенной силой и остротою намѣчаются на побѣжденной сторонѣ. Но въ меньшей степени они неизбѣжно возникаютъ и у побѣдителей. Апатія, неудовлетворенность, тоска, неразрывно связаны, какъ мы видѣли, съ распаденіемъ лагерной группировки, верховныхъ императивовъ борьбы и всей подчиненной имъ системы. Вслѣдствіе смѣшенія лагерей, ни общая преступность, ни злоупотребленія властью и репрессіями не разбираютъ своихъ и враговъ; чувство беззащитности одинаково возникаетъ почти у всѣхъ членовъ общества. Присоединяясь къ основному факту, всеобщему взаимному недовѣрію, эти причины ведутъ у обѣихъ сторонъ приблизительно къ одинаковымъ психологическимъ послѣдствіямъ. Различенъ только варіантъ, различно чувство, съ которымъ вспоминаются героическія минуты прошедшей борьбы; у побѣжденныхъ это—скорбь разбитой надежды, у побѣдителей—страхъ неполной побѣды. Но общее наслѣдіе угнетенности и безпринципности одинаково переходитъ къ подрастающему поколѣнію во всемъ обществѣ. Для міросозерцанія молодежи такихъ періодовъ является характерной тоска по руководящему идеалу, душевная пустота, безцѣльность существованія. Волна самоубійствъ, какъ показываетъ статистика, сильно повышается въ эти годы.

Самоубійства въ Бельгіи.

1847 г. — 179.
1848 „ — 229.
1849 „ — 214.
1851 „ — 226.
1855 „ — 178. [1])

---

[18]) Jacquart, Le Suicide Bruxelle 1908, p. 29. Мы видимъ повышеніе самоубійствъ послѣ кризиса 1848 г. Бельгія представляетъ еще нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи, такъ какъ тамъ не было кровавой борьбы; борьба была менѣе напряженная, періодъ удрученія наступилъ немедленно вслѣдъ за кризисомъ. Къ сожалѣнію, по кризизу 1905 г. въ Россіи

Эти періоды распада, всеобщей угнетенности, всеобщей тоски служатъ логическимъ завершеніемъ большихъ соціальныхъ бурь. Соціальная связь потеряла свою интенсивность. Система императивовъ пришла въ упадокъ. Въ обществѣ царитъ безпринципность.

Возстановленіе прежней интенсивной соціальной связи, безусловной системы императивовъ, нормальной жизни въ обществѣ происходитъ лишь постепенно, путемъ длительнаго процесса.

трудно найти общую статистику самоубійствъ. Но повышеніе волны самоубійствъ за послѣдніе годы едва ли не бросается въ глаза всякому читающему ежедневную газету. Изъ научныхъ трудовъ громадное количество самоубійствъ, въ частности самоубійствъ молодежи, съ характерной для этихъ періодовъ мотивацією „надоѣло жить“ „не стоитъ жить“ отмѣчено Таганцевымъ (Смертная казнь стр. 100). Проф. Овсяннико-Куликовскій въ публичной лекціи, читанной въ Кіевѣ 11 октября 1913 г., отмѣчалъ, что людей съ парализованной, съ подавленной субъективной цѣнностью жизни особенно много во времена общественнаго упадка.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Возстановленіе соціальной связи.

Симпатія. Біологическія основы симпатіи и ея значеніе въ различныхъ моментахъ соціальной жизни. Паденіе симпатіи во время соціальныхъ конфликтовъ и возстановленіе ея съ прекращеніемъ борьбы. Творческая роль возстановившейся симпатіи въ процессѣ регенераціи соціальной связи. Различное направленіе новой группировки въ зависимости отъ конкретныхъ условій. Ходъ процесса возстановленія соціальной связи послѣ кризиса. Возстановленіе связи послѣ конфликта между личностью и обществомъ; различные пути на сторонѣ общества и на сторонѣ личности. Примиряющая роль покаянія и страданія. Примиреніе съ собою черезъ примиреніе со средой; индивидуально-психологическая очистительная сила исповѣди, публичнаго покаянія и страданія, наложеннаго людьми. Соціологическая природа группировки осужденныхъ и рецедива. Процессъ возстановленія соціальной связи при моральной побѣдѣ личности черезъ ея прощеніе. Психологическая природа прощенія и его соціальныя условія. Всепрощеніе и идея непротивленія злу.

До сихъ поръ мы обходили молчаніемъ одинъ изъ существенныхъ факторовъ, вліяющихъ на разные моменты соціальной связи: симпатію. Въ структурѣ общества, въ образованіи императивовъ, въ передачѣ традиціи, въ распространеніи новыхъ изобрѣтеній, въ измѣненіяхъ соціальной группировки—во всѣхъ этихъ моментахъ соціальной связи значенія симпатіи нельзя отрицать; и въ чемъ оно состоитъ—это мы увидимъ

подробнѣе ниже. Но въ этихъ моментахъ роль симпатіи является субсидіарнымъ факторомъ, а не основнымъ. Логическая основа, опредѣляющая начало, какъ самой соціальной связи, такъ и всѣхъ этихъ ея логически неизбѣжныхъ послѣдствій, заключается въ иномъ, и сущность ея была выяснена выше. Не такова роль симпатіи въ возстановленіи нарушенной соціальной связи. Здѣсь ея значеніе первостепенное, и она принадлежитъ къ самымъ основнымъ, самымъ рѣшающимъ факторамъ. Поэтому въ логическомъ порядкѣ изученіе симпатіи предшествуетъ ученію о возстановленіи соціальной связи.

Характернымъ эмпирическимъ признакомъ симпатіи является стремленіе ограждать другого отъ страданій, доставлять удовольствіе, вообще, стремленіе къ сохраненію другого, аналогичное по своей формѣ стремленію къ самосохраненію. Симпатія представляетъ, такимъ образомъ, сходное отношеніе къ себѣ и къ другому. Какова же природа этого сходнаго отношенія?

Современная теорія различаетъ симпатію „объективную“ и „субъективную“. Объективная симпатія есть тяготѣніе къ одинаковой съ данной особью психофизической реакціи, передача, распространеніе эмоціи отъ одного индивидуума къ другому [1]). Въ такомъ пониманіи проявленія объективной симпатіи совершенно сливаются, совершенно совпадаютъ съ подражательными реакціями. Объективная симпатія представляетъ лишь другое наименованіе подражанія въ его біологическихъ предѣлахъ. Явленія эти были разсмотрѣны выше [2]). Самый терминъ „объективной симпатіи“, какъ синонимъ подражанія, представляется для насъ совершенно излишнимъ. Подъ терминомъ „симпатія“ мы будемъ понимать только то, что называютъ „симпатіей“

---

[1]) Рибо. Психологія чувствъ стр. 205—207. Fouillée Psychologie des idées—forces p. 173, Evolutionnisme des idées-forces p. 105 ср. Wundt. Völkerpsych. I. S. 132.

[2]) См. гл. I.

въ обыденной жизни, а въ господствующей теоріи называютъ „субъективной симпатіей“. Симпатія въ этомъ смыслѣ представляетъ преломленіе объективныхъ отношеній подражанія въ субъективномъ сознаніи [1]). Мы видѣли, что всякая психофизическая реакція одного индивидуума вызываетъ у сходныхъ индивидуумовъ подражательный моторный импульсъ. Въ силу же неотдѣлимости психологической и физіологической стороны реакціи, соотвѣтственная инервація отражается въ сознаніи извѣстной эмоціей. Поэтому черезъ передачу моторнаго импульса наблюденіе чужой реакціи вызываетъ сходную эмоцію у самого наблюдающаго субъекта. Отсюда возникаетъ ассоціація между своей эмоціей и чужой; чужое страданіе вызываетъ страданіе у наблюдающаго субъекта, а чужое удовольствіе вызываетъ у него удовольствіе. Сходство психофизическихъ реакцій, отражаясь въ субъективномъ сознаніи, вызываетъ сходное отношеніе къ себѣ и къ другимъ. Съ развитіемъ личности, когда наступаетъ стадія эективнаго сознанія, возникаетъ и новая болѣе развитая форма симпатіи. Эективируя на другую личность удовольствіе или страданіе въ случаѣ наступленія опредѣленныхъ конкретныхъ обстоятельствъ, личность опредѣляетъ этой эективаціей свое отношеніе къ предвидимымъ обстоятельствамъ: обстоятельство, долженствующее вызвать удовольствіе или страданіе другого лица, вызываетъ его немедленно же у эективирующаго субъекта. Отсюда проистекаетъ и соотвѣтственное регулированіе поведенія: избѣганіе дѣйствій, которыя должны были бы причинить другимъ страданіе, и стремленіе къ дѣйствіямъ, долженствующимъ доставить имъ удовольствіе.

Понятно само собою, что такое сходное отношеніе къ своей и чужой личности можетъ возникнуть только на основѣ реальныхъ сходствъ, только тамъ, гдѣ, по

---

[1]) Рибо. Психологія чувствъ loc. cit. Болдуинъ Inter. soc. et. mor. des prin. du develop. ment. p. 217—223.

крайней мѣрѣ, въ самой общей формѣ имѣется сходство психофизическихъ реакцій. Первостепеннымъ и важнѣйшимъ моментомъ въ этомъ процессѣ является, отраженіе объективныхъ сходствъ въ субъективномъ сознаніи. Но къ сожалѣнію, сейчасъ мы не можемъ вдаваться въ этомъ вопросъ, ибо это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы увидимъ ниже, что степень сознанія сходствъ зависитъ отъ ясности сознанія вообще, отъ полноты самосознанія. Здѣсь, именно, лежитъ грань между стихійной симпатіей животныхъ и маленькихъ дѣтей и разумной симпатіей мыслящаго человѣка, сознающаго свою и чужую личность. Впрочемъ, обо всемъ этомъ рѣчь будетъ впереди.

Неоднократно отмѣчалось, что степень симпатіи прямо пропорціональна степени сознанія сходствъ. Вся теорія Гиддингса построена на этомъ принципѣ. Къ сожалѣнію, ни Гиддингсъ, ни другіе авторы, выдвигавшіе это положеніе, его не обосновали. Между тѣмъ, причину упомянутаго явленія не трудно видѣть. Если симпатія представляетъ преломленіе сходствъ въ субъективномъ сознаніи, то чѣмъ больше сходствъ между данными индивидуумами, тѣмъ они, естественно, сильнѣе должны преломиться въ сознаніи. Съ другой стороны симпатія въ свою очередь вліяетъ на усиленіе сознанія сходствъ. Отношеніе къ другому „я“, сходное съ отношеніемъ къ своему собственному, „психологическое удвоеніе“, какъ называетъ симпатію Геффдингъ [1]), представляетъ гораздо болѣе сильную связь между двумя сознаніями, нежели простое наблюденіе сходствъ. Ассоціація между собою и другою личностью идетъ здѣсь уже не только путемъ наблюденія и разсудка, а также эмоціональнымъ путемъ. Эта эмоціональная ассоціація, эмоція сходства свой личности съ другою, подкрѣпляетъ, усиливаетъ разсудочную ассоціацію сознанія сходства. Отсюда, именно, вытекаетъ то давно

[1]) Höffding op. cit. S. 314.

замѣченное свойство симпатіи, что она сплачиваетъ, единитъ сочувствующихъ другъ другу.

Это сплачиваніе черезъ симпатію имѣетъ особенное значеніе въ обществѣ. Нѣкоторые авторы полагали даже, что симпатія является основнымъ моментомъ соціальной связи. Но врядъ ли такой взглядъ можно считать правильнымъ. Прежде всего границы симпатіи не совпадаютъ съ границами соціальной связи. Въ своихъ крайнихъ предѣлахъ симпатія, будучи отраженіемъ въ сознаніи біологическихъ сходствъ, несравненно шире соціальной связи. Симпатія можетъ проявиться и въ отношеніи животныхъ. Библейское постановленіе, запрещающее вивисекцію для пищи, представляетъ проявленіе симпатіи въ отношеніи всего живущаго. Современная вегетаріанская теорія, распространяющая запретъ убійства и кровопролитія и на животныхъ, также указываетъ на чрезвычайно широкіе предѣлы симпатіи. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ и общества покровительства животнымъ, имѣющія своей цѣлью защищать ихъ отъ проявленій жестокости.

Именно, вслѣдствіе неадэкватности симпатіи и соціальной связи, такъ расплывчата и неопредѣленна теорія Гиддингса, возводящая въ основной принципъ соціальности симпатію, основанную на сознаніи сходства. Симпатія и соціальная связь только исходятъ отъ одного корня: подражанія въ его біологическихъ основахъ. Преломляясь въ субъективномъ сознаніи непосредственной эмоціей, подраженіе даетъ намъ явленіе симпатіи; съ другой стороны, на почвѣ подражанія образуется уравненіе сознаній черезъ накопленіе общихъ подражательно распространенныхъ изобрѣтеній, создающее возможность эективаціи подражанія.

Уже изъ одного этого легко видѣть, что не только эмпирически, но и теоретически сфера симпатіи должна быть значительно шире сферы соціальной связи. Мы уже упоминали, что стадія перехода подражательнаго процесса въ эективное сознаніе, стадія

эективаціи подражанія является значительно болѣе дифференцированной и по тому самому болѣе узкой, нежели подражаніе вообще. Поэтому сфера симпатіи, будучи корреллатомъ всякаго вообще подражанія, неизбѣжно должна быть шире сферы соціальности.

Это замѣчаніе поможетъ намъ разобраться во вліяніи симпатіи и соціальной связи другъ на друга. Вездѣ, гдѣ соціальная связь существуетъ, есть и симпатія, но не вездѣ, гдѣ есть симпатія, есть и соціальная связь. Отсюда ясно, что вліяніе соціальной связи на симпатію можетъ быть только квалифицирующимъ. Наличность соціальной связи можетъ только измѣнять степень симпатіи, можетъ придавать ей какія нибудь особыя свойства, но не можетъ вліять на самое ея возникновеніе; иначе, соціальная связь не могла бы быть концентрически болѣе узкой, ибо должны были бы существовать случаи соціальной связи, предшествующіе возникновенію симпатіи. Съ другой стороны, симпатія, существуя при всякой соціальной связи даже далеко за ея предѣлами, уже по одной этой причинѣ не можетъ оказывать квалифицирующаго вліянія на соціальную связь, опредѣлять или измѣнять ея логическую природу. Если бы природа соціальной связи опредѣлялась симпатіей, то вездѣ, гдѣ симпатія есть, должна была бы возникать и соціальность; если бы симпатія только квалифицировала природу соціальной связи, то соціальность должна была бы быть шире симпатіи, ибо должны были бы существовать виды, лежащіе внѣ этой квалификаціи. Отсюда слѣдуетъ, что соціальная связь можетъ оказывать на симпатію только квалифицирующее вліяніе въ видѣ измѣненій въ степени и свойствахъ, а симпатія на соціальную связь—только генетическое, въ видѣ тѣхъ или иныхъ измѣненій въ процессахъ возникновенія и развитія.

Квалифицирующее вліяніе соціальной связи на симпатію непосредственно зависитъ отъ самой природы

соціальной связи—эективаціи подражанія. Мы уже видѣли, что высшая, наиболѣе развитая форма симпатіи неразрывно связана съ эективнымъ сознаніемъ у симпатизирующаго. Если симпатизирующій индивидуумъ можетъ заранѣе предвидѣть, какія событія доставятъ другому радость и какія причинятъ страданія—тогда лишь онъ можетъ стремиться къ первымъ и избѣгать вторыхъ, безъ непосредственнаго выраженія уже наступившей радости или страданія другихъ индивидуумовъ. Само собою очевидно, что чѣмъ точнѣе эективація, чѣмъ отчетливѣе и правильнѣе каждый субъектъ представляетъ себѣ воздѣйствіе даннаго событія на другихъ субъектовъ, тѣмъ отчетливѣе, полнѣе и адэкватнѣе, будутъ его симпатическія переживанія. Особенное значеніе принимаетъ эективація для симпатіи, относящейся не только по субъекту, но и по объекту къ развитымъ индивидуумамъ. У развитой личности значительная часть, пожалуй, даже значительное большинство ея горестныхъ и радостныхъ переживаній протекаетъ не въ грубыхъ формахъ низшихъ, „органическихъ“ эмоцій, а въ томъ особенномъ видѣ утонченныхъ чувствованій, который принимаютъ эти эмоціи отъ присоединенія соотвѣтственной дѣятельности мысли и воображенія. Поэтому познаніе чувствованій развитой личности необходимо требуетъ возможность болѣе или менѣе точно оріентироваться въ содержаніи ея сознанія; другими словами, необходима эективація подражанія. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ выводу, что высшая форма симпатіи, предполагающая на обѣихъ сторонахъ развитыя личности, распространяющаяся не только на „органическія“ эмоціи, но и на высшія, неразрывно связана съ соціальностью. Но этотъ выводъ можно провести и далѣе: чѣмъ глубже, чѣмъ сильнѣе соціальность, чѣмъ тѣснѣе соціальный кругъ, объединяющій данныхъ лицъ, тѣмъ сильнѣе и глубже должна быть между ними симпатія. Это естественно вытекаетъ изъ большого количества эективируемыхъ по-

дражаній, изъ болѣе точнаго критерія чужой личности, позволяющаго „близкому“ человѣку предвидѣть чувствованія даннаго лица тамъ, гдѣ ихъ совершенно не можетъ предугадать „посторонній“.

Это вліяніе соціальной связи на углубленіе симпатіи отражается и на томъ вліяніи, которое оказываетъ въ свою очередь симпатія на соціальную связь. Вліяніе это вытекаетъ изъ общаго принципа, что сознаніе сходствъ усиливается черезъ присоединеніе эмоціональной ассоціаціи, создаваемой симпатіей. Такъ какъ эктиваціями различныхъ подражаній очерчиваются разные круги общественности, то усиленіе сознанія сходствъ, вызываемое симпатіей, не можетъ остаться безъ вліянія на эту группировку. Сильнѣе напрягая, больше подчеркивая сознаніе каждаго сходства, симпатія способствуетъ большей сплоченности, болѣе тѣсному единенію внутри каждаго соціальнаго круга. Чѣмъ тѣснѣе кругъ, чѣмъ сильнѣе сходства между его членами, тѣмъ больше сказывается и вліяніе этого присоединяющагося фактора. Возрастаніе сплоченности круга въ силу симпатіи пропорціонально основной соціальной сплоченности. Отсюда различія въ сплоченности, существующія между отдѣльными кругами, должны еще возрасти подъ вліяніемъ симпатіи. Въ этомъ явленіи наблюдается повсюду существенная двусторонность. Сознаніе большаго количества сходствъ увеличиваетъ симпатію, болѣе сильная симпатія увеличиваетъ сознаніе сходствъ и т. д. безъ конца.

Этотъ процессъ съ особой силой намѣчается въ наиболѣе тѣсномъ кругу соціальности—соціальной семьѣ. Огромная симпатія, существующая между членами соціальной семьи, достаточно общеизвѣстна. Чѣмъ тѣснѣе въ семьѣ соціальная связь, чѣмъ больше сходствъ и чѣмъ меньше индивидуальныхъ различій между членами семьи, тѣмъ caeteris paribus дружнѣе семья. Въ нормальномъ типѣ соціальной семьи, возникающей на почвѣ семьи біологической, симпатія особенно сильна. Въ

генетическомъ порядкѣ біологическая семья представляетъ основную ячейку симпатическихъ импульсовъ въ животномъ царствѣ. Еще Дарвинъ указывалъ на симпатію въ біологической семьѣ, какъ на первый несводимый зародышъ симпатіи у животныхъ [1]). Съ тѣхъ поръ это положеніе сдѣлалось почти трюизмомъ. Общеизвѣстенъ фактъ, что даже тѣ виды и разновидности среди птицъ и млекопитающихъ, которые живутъ сравнительно изолированно, неизмѣнно обнаруживаютъ симпатію къ своимъ выводкамъ. Брэмъ, Ромэнсъ, Геффдингъ, Эспинасъ, вся плеяда авторовъ, писавшихъ о симпатіи животныхъ, единогласно констатируютъ этотъ тезисъ [2]). Огромная симпатія біологической семьи дѣлаетъ ее особенно пригоднымъ механизмомъ для роли соціальной семьи, для передачи традиціи. Постоянныя заботы о молодомъ поколѣніи, имѣющія свои корни въ симпатическихъ импульсахъ біологической семьи, съ переходомъ на высшія ступени развитія, выражаются въ стремленіи передать молодому поколѣнію накопленныя изобрѣтенія и приспособленности. Въ обществѣ, гдѣ эти накопленныя изобрѣтенія имѣютъ форму традиціи, возникаетъ сознательное настойчивое обученіе дѣтей тому, чему сами родители научились отъ старшихъ поколѣній. Съ другой стороны, симпатія дѣтей къ родителямъ вліяетъ на болѣе охотное усвоеніе того, что исходитъ отъ родителей. Подчеркивая въ сознаніи субъекта его сходства съ тѣми, къ кому она относится, симпатія способствуетъ особо легкому соединенію привычки подражать съ представленіемъ о конкретномъ лицѣ. Личностямъ, которымъ данный субъектъ всего сильнѣе симпатизируетъ, ему становится всего легче подражать. Отсюда происте-

---

[1]) Дарвинъ. Происхожденіе человѣка гл. VII, Происхожденіе видовъ гл. VI.

[2]) Брэмъ. Жизнь животныхъ, главы о птицахъ и млекопитающихъ. Romanes, Mental Evolution in Animals, Höffding op. cit. VI, C. 3 Espinas op. cit.

каетъ то замѣченное нами выше явленіе, что какъ традиція, такъ и мода воспринимаются отъ членовъ своего тѣснаго соціальнаго круга легче, нежели отъ членовъ широкаго, а всего легче отъ членовъ своей соціальной семьи.

Вліяніе симпатіи въ обществѣ сказывается и въ процессѣ образованія императивовъ. Природа императива состоитъ, какъ мы видѣли, въ эктивації на самого себя эктивнаго сознанія членовъ среды. Значеніе симпатіи сказывается въ послѣднемъ моментѣ этого психологическаго процесса, когда индивидуумъ, причисляя себя къ членамъ соціальной среды, приписываетъ и себѣ самому сходную съ ними оцѣнку. Симпатія повышаетъ сознаніе сходствъ даннаго субъекта съ другими членами соціальной среды и этимъ усиливаетъ сознаніе своей принадлежности къ группѣ; слѣдовательно, облегчается перенесеніе эктивнаго сознанія другихъ на самого себя.

Далѣе, въ самомъ содержаніи императивныхъ нормъ, симпатія можетъ послужить основаніемъ для особой группы императивовъ. Каждая линія соціальности, увеличивая сознаніе сходствъ между индивидуумами соотвѣтственно увеличиваетъ ихъ взаимную симпатію. Если сходствъ много, или же если немногія сходства по какимъ либо условіямъ преломляются въ сознаніи съ особой силой, однимъ словомъ, если симпатія составляетъ существенный ингредіентъ въ содержаніи субъективнаго сознанія, то она будетъ увѣренно эктивироваться и превратится въ императивъ. Возникаетъ императивъ любви къ ближнему. Въ тѣсныхъ соціальныхъ кругахъ, гдѣ симпатія очень сильна, напр., въ соціальной семьѣ, этотъ императивъ любви принадлежитъ къ числу самыхъ основныхъ.

Наконецъ, особенно значительную и многообразную роль играетъ симпатія при нарушеніи императивовъ. Мы видѣли, какія чувствованія вызываетъ въ обществѣ нарушеніе одного изъ его императивовъ. По своей при-

родѣ возмущеніе, негодованіе представляетъ эмоцію гнѣва, соединенную съ мыслительнымъ процессомъ. Эмоція гнѣва характеризуется своей агрессивностью, и ея двигательныя выраженія и соотвѣтствующее имъ психическое состояніе субъекта представляютъ движеніе и состояніе борьбы, наступленія. Въ своемъ біологическомъ значеніи гнѣвъ есть агрессивная эмоція самосохраненія [1]). Эмоція эта наступаетъ при столкновеніи между самосохраненіемъ двухъ индивидуумовъ; это есть сохраненіе себя за счетъ другого, стремленіе причинить вредъ другому для сохраненія себя.

Отсюда легко видѣть, что симпатія и гнѣвъ по своему психологическому содержанію не совмѣстимы. Въ то время, какъ симпатія заключаетъ распространеніе инстинкта самосохраненія на другого, гнѣвъ заключаетъ въ себѣ выборъ между своимъ и чужимъ самосохраненіемъ. Такимъ образомъ, по самой своей природѣ, агрессивная эмоція гнѣва исключаетъ дѣйствіе симпатіи.

Поэтому состояніе гнѣва вызываетъ прекращеніе, пріостановку дѣйствія симпатіи въ отношеніи даннаго лица. Равнодушіе къ чужому страданію и даже намѣренное причиненіе страданія составляетъ характерную черту гнѣвной эмоціи.

Эти явленія гнѣва и связаннаго съ нимъ паденія симпатіи принимаютъ особыя формы въ обществѣ. Сплошь и рядомъ мы наблюдаемъ въ обществѣ столкновенія между отдѣльными лицами и между партіями, взаимный гнѣвъ, взаимную ненависть. Можно сказать, что такая внутренняя борьба представляетъ постоянное хроническое явленіе соціальной жизни. Трудно себѣ представить общество, между отдѣльными членами котораго не существовало бы борьбы интересовъ, борьбы честолюбій, борьбы взглядовъ и т. д. И въ этой хрониче-

---

[1]) Рибо op. cit. стр. 196—199. См. выше труды о двигательныхъ выраженіяхъ стр. 33 подстр.

ской формѣ борьба едва ли можетъ быть признана нарушеніемъ соціальной связи и взаимной симпатіи. Что касается соціальной связи, то, переставъ эективировать на своего противника какое-либо мелкое добавочное сходство, стороны не перестаютъ изъ-за этого эективировать основныхъ подражаній тѣхъ, которыми опредѣляется строй данной соціальной среды. Между враждующими сторонами остаются императивы, остается грань дозволеннаго и недозволеннаго. Что же касается симпатіи, то незначительная мелкая борьба, существующая между сторонами, отражается столь же мелкой агрессивной эмоціей. За предѣлами психологической роли этого мелкаго столкновенія остается огромная, подавляющая симпатія. Когда соперникъ на выборахъ терпитъ пораженіе, когда его разоблачаютъ передъ избирателями въ какомъ-либо темномъ дѣлѣ, это вызываетъ ликованіе; но когда опасность угрожаетъ его жизни или когда у него вдругъ происходитъ какое-нибудь настоящее несчастіе, забываются распри, забывается соперничество, и его недавній врагъ сочувствуетъ ему всей душой. Всѣмъ еще памятно, какъ послѣ покушенія на Рузвельта во время президентскихъ выборовъ въ 1912 г. въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ остальные кандидаты поспѣшили выразить ему сочувствіе, въ знакъ котораго пріостановили избирательную борьбу до его выздоровленія. Въ этихъ случаяхъ говорить о разрывѣ симпатіи, очевидно, невозможно.

Но бываетъ въ обществѣ и иная борьба. Тѣ моменты личнаго синтеза, которые являются въ данномъ обществѣ существенными, съ которыми связаны жизненные интересы и основные разсчеты среды, эектива-ція которыхъ, вслѣдствіе этого, представляетъ основныя образующія линіи данной соціальной группы—эти моменты эективируются съ большой увѣренностью и создаютъ, какъ мы видѣли, императивы. Борьба, разгорающаяся въ эти моменты—самая сильная, самая острая, самая напряженная борьба. Здѣсь чувство гнѣва

и негодованія, затрагивая самосохраненіе соціальныхъ личностей въ его важнѣйшихъ основахъ, принимаетъ особенно острыя, особенно бурныя формы. Соотвѣтственно силѣ гнѣва происходитъ и паденіе психологически противоположной ему симпатіи. Особая свирѣпость самосудовъ надъ наиболѣе возмущающими преступниками, утонченное мучительство инквизиціей инаковѣрующихъ, взаимное ожесточеніе во время большихъ соціальныхъ кризисовъ—все это указываетъ на полное паденіе симпатіи, какъ послѣдствіе очень сильной гнѣвной эмоціи. Давно извѣстно, что самыя ужасныя преступленія въ уголовной хроникѣ, исполненныя самой хладнокровной жестокости, совершаются тѣми преступниками, которые уже прониклись ненавистью къ обществу, которые уже заняли агрессивную позицію въ остромъ конфликтѣ со средой. Въ литературѣ преступники, „непріемлющіе міра“, находящіеся въ субъективномъ состояніи остраго бунта противъ общества, также отличаются жестокостью своихъ преступленій. Достаточно упомянуть о Муаронѣ Мопассана, чтобы показать, до какой безсмысленной свирѣпости доходитъ въ такомъ состояніи личность вообще заурядная, даже не лишенная извѣстной доброты. У Шиллера Карлъ Моръ, котораго всѣ окружающіе аттестуютъ, какъ человѣка добраго, обладающаго сильно развитой симпатіей, подъ вліяніемъ конфликта съ обществомъ совершаетъ самыя жестокія преступленія какъ, напр., поджегъ пороховой башни въ то время, когда возлѣ нея толпится все населеніе города. Взаимное ожесточеніе во время соціальнаго кризиса, когда паденіе симпатіи усиливается взаимнымъ подражаніемъ въ предѣлахъ группы и даже взаимной эективаціей этого подражанія, уже достаточно разсматривалось, и говорить о немъ еще разъ едва ли нужно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ взаимный гнѣвъ получаетъ особенный просторъ еще оттого, что, какъ мы видѣли, при нарушеніи основныхъ императивовъ одною изъ сторонъ разрывается соціальная

связь, и въ отношеніи этой стороны теряетъ дѣйствіе вся система императивовъ.

Такимъ образомъ, въ моменты наиболѣе острыхъ конфликтовъ, наиболѣе сильныхъ потрясеній, разрывающихъ соціальную связь либо между личностью и окружающей ее средой, либо между двумя группами въ обществѣ, падаетъ и симпатія. Но что же происходитъ дальше, когда острый моментъ борьбы закончился, а соціальная связь все еще остается разорванной, и ея возстановленію все еще препятствуетъ взаимный гнѣвъ? Здѣсь то и лежитъ творческая роль симпатіи въ обществѣ.

Агрессивная эмоція гнѣва представляетъ лишь психологическое выраженіе борьбы. Самосохраненіе въ его непосредственномъ видѣ, стремленіе къ устраненію той или иной опасности, хотя бы путемъ вторженія въ область чужого самосохраненія—такова непосредственная основа, біологическая тенденція, выражающаяся въ гнѣвныхъ переживаніяхъ. Съ момента, когда борьба кончена, когда утвердившаяся побѣда обезпечиваетъ сохраненіе особи или группы особей отъ грозившей имъ опасности, агрессивная форма самосохраненія теряетъ свою естественную необходимость, свою біологическую почву. Въ обществѣ этотъ моментъ прекращенія борьбы, прекращенія непосредственной опасности отмѣчается подчиненіемъ одной изъ сторонъ. Даже тамъ, гдѣ это подчиненіе является только внѣшнимъ, только формальнымъ, оно все-таки существуетъ, и съ его наступленіемъ прекращается непосредственная опасность для побѣдившей стороны. Подчиненіе представляетъ само распространеніе на всѣхъ членовъ общества тѣхъ подражаній, которыя прежде были верховнымъ лагернымъ императивомъ побѣдившей стороны. Въ первые моменты послѣ прекращенія борьбы, когда это подчиненіе является внѣшнимъ, формальнымъ, бывшій императивъ еще не можетъ увѣренно эективироваться въ отношеніи всѣхъ членовъ обще-

ства. Разрывъ соціальной связи еще существуетъ. Но самое это подчиненіе, представляя всеобщее, постоянно повторяющееся подражаніе, именно, по тому пункту, который все еще съ подавляющей силой выдѣляется въ сознаніи, не можетъ не оказывать весьма значительнаго вліянія на взаимоотношенія сторонъ. Мы видѣли, что преломленіе подражанія въ сознаніи создаетъ симпатію. Симпатія есть психологическій корреллатъ всякаго сознательнаго подражанія; поэтому вездѣ, гдѣ подражаніе болѣе или менѣе сильно преломляется въ сознаніи, симпатія неизбѣжно возникаетъ. Симпатія есть явленіе болѣе широкое, нежели общественность. Даже тамъ, гдѣ общей болѣе или менѣе твердой эктивацiи подражанія еще не существуетъ и, слѣдовательно, еще нѣтъ интенсивной соціальной связи, гдѣ объ увѣренной эктивацiи и связанной съ нею системѣ императивовъ еще не можетъ быть и рѣчи—даже тамъ симпатія возникаетъ, какъ только самыя подражанія будутъ фактически общими. Поэтому симпатія соотвѣтствуетъ просто стадіи мирнаго общенія, socialitatis совершенно не требуя для своего возникновенія сплоченнаго общества societatis. И послѣ миновaнія борьбы въ обществѣ первымъ шагомъ къ возсоединенію является постепенное возстановленіе взаимной симпатіи.

Это возстановленіе симпатіи еще облегчается и усиливается сдвигомъ, происходящимъ въ міросозерцаніи членовъ общества. Въ моментъ горячей лагерной борьбы, когда бурное столкновеніе противоположныхъ императивовъ вызвало у каждаго члена особое вниманіе къ спорнымъ вопросамъ, эти вопросы пріобрѣтаютъ особую остроту, особую жгучесть, занимаютъ особенно подавляющее мѣсто въ сознаніи враждующихъ сторонъ. Всѣ остальные интересы отходятъ на задній планъ; всѣ остальные императивы становятся въ подчиненное положеніе къ императиву лагерному. Когда борьба прекращается, распадаются лагерныя группировки, перестаетъ дѣйствовать взаимная эктивація

верховнаго значенія лагерныхъ императивовъ, когда самыя нарушенія этихъ императивовъ перестаютъ существовать для побѣдившей стороны и дѣлаются неизбѣжнымъ зломъ въ глазахъ побѣжденной, тогда, естественно, ослабѣваетъ и то особенное, исключительное, всеподавляющее вниманіе, которое сосредоточивалось на боевой темѣ конфликта. Значеніе этой темы начинаетъ сокращаться, какъ бы входить въ берега; стороны личности, затушеванныя въ свое время верховными императивами лагерной группировки, начинаютъ выступать яснѣе. А между тѣмъ, на этихъ сторонахъ, какъ мы видѣли, по самой природѣ соціальнаго конфликта, должно было остаться, не могло не остаться громадное подавляющее сходство враждовавшихъ лагерей [1]). Когда эти моменты личности опять начали пріобрѣтать свое значеніе въ общемъ синтезѣ, то значительное сходство по этимъ пунктамъ не можетъ не отразиться въ сознаніи; и оно дѣйствительно отражается сильнымъ повышеніемъ симпатіи.

При такихъ условіяхъ въ сферѣ былой соціальной связи, разрушенной прежнимъ конфликтомъ, оказывается снова громадная socialitas. Только осадокъ гнѣвныхъ чувствъ, вражды, ненависти, оставшійся отъ борьбы, мѣшаетъ ей перейти въ societas, затемняя въ каждомъ субъективномъ сознаніи критерій другой личности. Какъ агрессивная эмоція борьбы, гнѣвъ, по самому своему существу, подчеркиваетъ въ сознаніи субъекта его различія съ другой, борющейся стороной. Борьба по своей природѣ предполагаетъ коренное несходство, прямое столкновеніе въ дѣятельности враждующихъ сторонъ. То конкретное измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ, которое желаетъ произвести одинъ субъектъ, встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны инстинкта самосохраненія другого субъекта. Борьба по существу своему основана на различіи въ сознаніи и дѣятельности

[1]) См. выше 190—191.

враждующихъ субъектовъ. И реакція гнѣва, будучи эмоціональнымъ отраженіемъ борьбы, подчеркиваетъ въ субъективномъ сознаніи каждаго изъ борющихся индивидуумовъ это различіе. Она присоединяетъ къ разсудочному сознанію различія, эмоцію вражды, ненависти и этимъ съ особой силой фиксируетъ вниманіе на пунктѣ противоположности и выдвигаетъ этотъ пунктъ въ субъективномъ сознаніи. Подобно тому, какъ симпатія, присоединяя къ общему разсудочному сознанію сходства съ другимъ субъектомъ эмоціональную ассоціацію, усиливаетъ это представленіе сходства, подчеркиваетъ всѣ, даже самыя мелкія дѣйствительныя сходства, такъ вражда вызываетъ эмоціональную ассоціацію контраста и потому подчеркиваетъ по всей линіи различія. Чѣмъ существеннѣе будетъ основное различіе борьбы, чѣмъ болѣе крупное мѣсто занимаетъ въ синтезѣ личности обѣихъ враждующихъ сторонъ пунктъ ихъ основной противоположности, тѣмъ сильнѣе будетъ борьба. Напряженность борьбы отразится въ субъективныхъ сознаніяхъ соотвѣтственно бурной гнѣвной реакціей. Поэтому такой колоссальной силой негодованія обладаютъ конфликты, происходящіе по основнымъ моментамъ личнаго синтеза. Сама реакція возмущенія, подчеркиваетъ въ сознаніи это существенное различіе между борющимися сторонами и присоединяетъ къ нему особенно острое сознаніе другихъ, въ дѣйствительности мелкихъ контрастовъ. Когда такой гнѣвной реакціей усиливается, выдвигается въ сознаніи и безъ того существенное различіе, то это различіе пріобрѣтаетъ особое значеніе, и критерій другой личности, сознаніе сходства своего и ея психическаго міра путается, затемняется. Даже послѣ прекращенія реальной борьбы, когда по прежнему пункту различія достигнуто единообразіе, оставшіяся мелкія различія, которыя при иныхъ условіяхъ совершенно не могли бы затемнить критерія чужой личности, продолжаютъ раздуваться осадкомъ гнѣва и ненависти, препятствуя сознанію сходства сво-

его и другого „я“. Для возстановленія соціальной связи необходимо устранить осадокъ гнѣва, чтобы мелкія различія, не подчеркивались въ сознаніи. Эту роль выполняетъ симпатія.

Общность подчиненія побѣдившему взгляду по боевому вопросу конфликта, множество другихъ существенныхъ и мало существенныхъ сходствъ, значеніе которыхъ постепенно возстановляется послѣ опьяненія борьбы—все это обусловливаетъ непрерывный ростъ симпатіи. Съ своей стороны симпатія, по изложенному выше закону двусторонности, усиливаетъ сознаніе сходствъ. Значеніе новыхъ интересовъ, въ направленіи которыхъ произошелъ сдвигъ общественнаго вниманія, которые являются пунктомъ сходства, усиливается симпатіей и, благодаря этому, возрастаетъ еще быстрѣе. Ихъ дальнѣйшій ростъ вліяетъ въ свою очередь на постоянное усиленіе симпатіи. По своей психологической противоположности съ гнѣвными эмоціями, возрастающая симпатія не можетъ съ ними сосуществовать. Эмоціи гнѣва уже не поддерживаются реальными причинами, дѣйствительно происходящей борьбой; борьба давно кончилось, лагерныя группировки распались, въ обществѣ установилось единообразіе по основной темѣ прежней борьбы. Между тѣмъ, возрастающая симпатія опирается на всю совокупность реальныхъ условій, на массу дѣйствительно существующихъ сходствъ, на огромную, все увеличивающуюся socialitas членовъ бывшей общественной группы, разложенной конфликтомъ. Побѣда неминуемо остается на сторонѣ симпатіи, гнѣвныя переживанія вытѣсняются, мелкія различія возвращаются на свое надлежащее мѣсто, критерій чужой личности возстановляется и socialitas переходитъ въ societas.

Въ какомъ видѣ опредѣлится новая соціальная группировка, это въ значительной степени зависитъ отъ конкретныхъ историческихъ условій. Мы видѣли, что рѣзкое раздѣленіе по двумъ группамъ возникаетъ

въ обществѣ, вслѣдствіе отклоняющаго дѣйствія опредѣленныхъ историческихъ условій, вліяющихъ на одну часть общества и подготовляющихъ ее къ принятію группы новыхъ изобрѣтеній, несовмѣстимыхъ съ традиціоннымъ міросозерцаніемъ, сохраняющимся у другой части общества [1]). Вопросъ длительности, постоянства этихъ отклоняющихъ условій является весьма существеннымъ въ отношеніи роли новыхъ изобрѣтеній. Если отклоняющія условія продолжаютъ дѣйствовать и послѣ разрѣшенія борьбы, если новыя изобрѣтенія представляютъ болѣе адэкватное приспособленіе, то послѣдствія побѣды одной изъ сторонъ будутъ иныя, нежели въ томъ случаѣ, когда дѣйствіе отклоняющихъ условій прекратилось, когда новыя изобрѣтенія представляли болѣе адэкватное приспособленіе лишь въ одинъ уже миновавшій историческій моментъ; въ обоихъ случаяхъ побѣда традиціоннаго воззрѣнія ведетъ къ инымъ послѣдствіямъ, нежели побѣда новаторскаго. Разсмотримъ эти типичные случаи отдѣльно.

Когда историческія условія, вызывавшія отклоненіе части общества отъ традиціоннаго міросозерцанія, продолжаютъ дѣйствовать, то, очевидно, и въ періодъ послѣ окончанія борьбы, какъ въ періодъ до ея начала, группа новыхъ изобрѣтеній представляетъ приспособленіе болѣе адэкватное, которое по общему характеру личнаго синтеза эпохи должно быть принято. Если часть общества, болѣе упорно приверженная къ традиціонному міросозерцанію, и сопротивлялась этому изобрѣтенію, то, какъ мы видѣли, это было только однимъ изъ этаповъ въ процессѣ перехода новаго изобрѣтенія отъ сознанія изобрѣтателя въ сознаніе всѣхъ членовъ общества. Конфликтъ, происшедшій на такомъ изобрѣтеніи, не устраняетъ этого положенія вещей даже тогда, когда побѣдила традиціонная партія. Разъ отклоняющія условія не перестали дѣйствовать, разъ по данному

---

[1]) См. выше стр. 179—181.

вопросу въ обществѣ не перестало существовать антитрадиціонное теченіе, то побѣда консервативной партіи, придавшая традиціонному воззрѣнію внѣшнюю безусловную обязательность, можетъ повліять только на дезорганизованность другой стороны, на затрудненіе новой лагерной группировки, но не на самое отклоненіе сознанія отъ традиціоннаго міросозерцанія. Поэтому борьба прекратится лишь временно, на время безсилія новирующей партіи. Рѣшеніе вопроса, вокругъ котораго прежде происходила борьба, осталось различнымъ въ глазахъ разныхъ частей общества, и это существенное различіе не устраняется внѣшнимъ, формальнымъ подчиненіемъ одной стороны. Если вопросъ продолжаетъ оставаться первостепеннымъ, если дальнѣйшее историческое развитіе не пошло въ такомъ направленіи, которое устранило бы существенное значеніе вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ императивность его рѣшенія, то основной моментъ конфликта, противоположность двухъ одинаково императивныхъ, но взаимно-противорѣчащихъ рѣшеній одного и того же вопроса, остается. Возстановившаяся соціальная связь въ точности возсоздастъ ту самую группировку, которая существовала въ моментъ начала борьбы. Кризисъ только отсроченъ, но не разрѣшенъ. Вмѣстѣ съ возобновленіемъ интенсивной соціальной связи возобновится борьба. Пелопоннесская война лишь на короткое время дала господство узко-консервативной Спартѣ: достаточно было такого минутнаго случайнаго факта, какъ возвышеніе двухъ ѳиванскихъ полководцевъ, чтобы въ нѣсколько лѣтъ возродилось могущество Аѳинъ, Греція приняла свой прежній политическій обликъ, спартанскій и аѳинскій союзы опять стояли другъ противъ друга. Когда въ древнемъ Римѣ смѣлая реформаторская попытка братьевъ Гракховъ закончилась ихъ насильственной смертью и разгромомъ ихъ партіи, это было лишь пріостановкой процесса, который въ слѣдующихъ поколѣніяхъ доведенъ былъ до конца сперва союзнической войной, а затѣмъ рефор-

мами Цезаря. Объединеніе Италіи, подавленное силою въ 1848 г., все же совершилось послѣ новой упорной борьбы въ 50-хъ—60-хъ г.г. Подобные же примѣры можно найти и въ исторіи другихъ обществъ. Въ этихъ случаяхъ происходитъ лишь временная дезорганизація антитрадиціоннаго лагеря, временная задержка развитія его.

Такимъ образомъ, если спорный вопросъ кризиса остался существеннымъ и послѣ его миновапія, а историческія условія, дѣлавшія непріемлемымъ традиціонное міросозерцаніе, продолжаютъ дѣйствовать, то борьба будетъ съ неизбѣжностью возобновляться каждый разъ до тѣхъ поръ, пока побѣда не склонится на сторону анти-традиціонной партіи. Эта побѣда партіи, стоящей на точкѣ зрѣнія новой болѣе адэкватной группы изобрѣтеній, сразу перемѣнитъ всѣ отношенія. Болѣе адэкватное приспособленіе, достигаемое путемъ новыхъ изобрѣтеній, до сихъ поръ оставалось чуждымъ сознанію членовъ консервативной части общества. Вслѣдствіе ли соціально-біографическихъ условій ихъ жизни, подвергавшихъ ихъ меньшему вліянію отклоняющихъ причинъ, вслѣдствіе ли какихъ нибудь случайныхъ факторовъ, заставлявшихъ ихъ особенно цѣпляться за традиціонное міросозерцаніе, такъ или иначе, новая болѣе адэкватная форма соціальнаго приспособленія оставалась для нихъ закрытой. Побѣда новаторской партіи насильно заставила ихъ дѣйствовать вопреки традиціи, насильно навязала имъ новое изобрѣтеніе. Не обладая большей сравнительно съ новымъ изобрѣтеніемъ адэкватностью приспособленія, утративъ свою внутреннюю разумность, традиція могла держаться только въ силу своей косности, въ силу своего характера соціальной инерціи, но разъ будучи побѣждена, уже не находитъ реальной почвы для возрожденія, не служитъ достаточнымъ стимуломъ для новой борьбы. Подчиненіе взглядамъ побѣдителей, будучи сначала со стороны традиціонной партіи внѣшнимъ, формаль-

нымъ, постепенно становится привычнымъ. Оно начинаетъ казаться ей естественнымъ, соціально-нормальнымъ. Синтезъ личности постепенно подготовляется къ принятію новаго изобрѣтенія. Общество находится на пути къ возсоединенію по новому императиву побѣдившей прогрессивной партіи. Этотъ процессъ еще ускоряется все растущей по мѣрѣ сближенія симпатіей, особенно сильно подчеркивающей всякое новое сходство. Такъ, напр., когда по вопросу объ освобожденіи негровъ жестокая междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ привела къ побѣдѣ аболиціонистовъ, подчиненіе традиціонной партіи, бывшее сначала насильственнымъ, все болѣе превращалось въ единомысліе и завершилось возстановленіемъ единообразія въ обществѣ. То же самое повторилось и у насъ въ Россіи съ освобожденіемъ крестьянъ. Побѣда освободителей надъ традиціонной партіей была сначала формальной, а затѣмъ постепенно совершилось вытѣсненіе традиціи и подготовка къ принятію новаго изобрѣтенія. По основной темѣ бывшаго кризиса установилось единомысліе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда группа новыхъ изобрѣтеній представляетъ болѣе адэкватное приспособленіе, возстановленіе единомыслія при побѣдѣ новаторской партіи является неизбѣжнымъ.

Совершенно иная картина получится, если дѣйствіе отклоняющихъ историческихъ условій непродолжительно, если группа новыхъ изобрѣтеній представляетъ приспособленіе болѣе адэкватное лишь въ одинъ, уже минувшій историческій моментъ. Тогда побѣда традиціонной партіи, приходясь въ то время, когда дѣйствіе отклоняющихъ условій уже прекратилось, и традиція вновь представляетъ болѣе адэкватное приспособленіе по сравненію съ новымъ изобрѣтеніемъ, будетъ имѣть подъ собою реальную почву. Новое изобрѣтеніе, утративъ свою разумность, держаться въ умахъ не будетъ; произойдетъ его постепенное вытѣсненіе традиціей. Подчиненіе, бывшее сначала насиль-

ственнымъ, черезъ привычку будетъ сознаваться, какъ нормальное. Традиціонное міросозерцаніе возстановится во всемъ обществѣ, старый императивъ упрочится во всѣхъ умахъ. Нельзя отрицать, что такіе случаи логически должны быть крайне рѣдки. Чтобы новое изобрѣтеніе было настолько адэкватнымъ приспособленіемъ при своемъ появленіи, что могло охватить значительную часть общества и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы черезъ сравнительно короткое время оно стало менѣе адэкватнымъ, нежели старая традиція—для этого нужна особенная игра историческихъ условій. Но все же такіе случаи въ исторіи бывали. Анабаптистское движеніе, охватившее въ свое время значительную часть Европы, будучи подавленнымъ, никогда уже больше не служило пунктомъ новой борьбы, и развитіе церковной жизни Зап. Европы продолжалось безъ этого фактора.

Наоборотъ, если при адэкватности новаго изобрѣтенія лишь въ одинъ краткій историческій моментъ побѣдитъ новаторская партія, то подчиненіе ея побѣдѣ, захватывая время прекращенія дѣйствія отклоняющихъ условій, не будетъ имѣть реальной основы и не перейдетъ въ общее убѣжденіе. Вновь наступившая большая адэкватность побѣжденной традиціи, сравнительно съ новыми изобрѣтеніями, укрѣпитъ традицію въ умахъ, помѣшаетъ процессу постепеннаго сліянія побѣдителей и побѣжденныхъ. Возстановленіе соціальной связи направится по линіямъ прежней лагерной группировки. Старые лагери оживутъ и будутъ вновь стоять другъ противъ друга. Конечно, такіе случаи, какъ вообще случаи меньшей, нежели у традиціи, адэкватности новаго изобрѣтенія, получившаго распространеніе, требуютъ совершенно исключительныхъ историческихъ обстоятельствъ и, бываютъ крайне рѣдки. Но все же они бываютъ. Въ Аѳинахъ законы Дракона, бывшіе послѣдствіемъ побѣды новаторской партіи съ ея требованіемъ писанаго права, скоро обнаружили свою непригодность и привели къ возстановленію прежнихъ по-

рядковъ. Во время ожесточенной борьбы царской власти Іоанна Грознаго съ прежнимъ царско-боярскимъ строемъ Москвы, нововведенное имъ дѣленіе на опричнину и земщину оказалось лишеннымъ всякой исторической жизнеспособности; со смертью Іоанна оно совершенно стерлось, и все вернулось въ прежнее русло земскаго государства, съ царемъ и боярской думой во главѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ при длительной адэкватности новаго изобрѣтенія, такъ и при мгновенной, какъ при побѣдѣ традиціонной партіи, такъ и при побѣдѣ новаторской, мы предполагали, что бывшій спорный вопросъ кризиса сохранилъ свое существенное значеніе въ синтезѣ личности послѣдующей эпохи. Но можетъ быть, что въ теченіе долгой, постоянно возобновляющейся борьбы, синтезъ личности эпохи измѣнился, выдвинулись на первый планъ какія-либо другія подражанія, и жгучая тема кризиса потеряла свое значеніе. Тогда возможно будетъ съ возстановленіемъ соціальной связи мирное сосуществованіе двухъ прежде враждебныхъ группъ. Объединеніе произойдетъ по многимъ другимъ подражаніямъ, верховные императивы будутъ другіе, и различная оцѣнка прежнихъ спорныхъ вопросовъ не вызоветъ прежней вражды. Такъ, напр., долгая, кровавая борьба между католиками и протестантами потеряла почву съ паденіемъ первостепеннаго значенія религіозныхъ подражаній, т. е. съ развитіемъ вѣротерпимости; сдѣлалось возможнымъ мирное объединеніе католиковъ и протестантовъ по принципу общей государственности, общей національности, общей культуры и т. д. Въ удѣльно-вѣчевой Руси происходившая борьба по вопросу о порядкѣ перехода великокняжескаго стола потеряла всякій смыслъ съ того времени, когда послѣ татарскаго завоеванія великій князь произвольно назначался ханскимъ ярлыкомъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда прежняя боевая тема по какимъ бы то ни было причинамъ теряетъ свое значеніе въ

умахъ, естественно, борьба уже не можетъ возобновляться.

Въ какую форму ни выльется новая группировка общества, приведетъ ли она къ единообразію, къ возобновленію борьбы, или къ медленному угасанію спорнаго вопроса, она является логическимъ завершеніемъ процесса возстановленія соціальной связи, основаннаго на роли симпатіи. Когда въ годы послѣ борьбы, всеобщая вакханалія озвѣрѣнія идетъ на убыль, когда молодое поколѣніе получаетъ въ наслѣдіе лишь общій распадъ и болѣзненную тоску—тогда начинается творческая роль симпатіи. Сдвигъ интересовъ во вниманіи общества обусловливаетъ повышеніе сознанія сходствъ. Но самымъ общимъ, самымъ широкимъ, самымъ подавляющимъ сходствомъ является чувство всеобщей беззащитности отъ дикой вакханаліи и неразбирающей репрессіи, чувство одиночества, общей неувѣренности эективацій въ этой смѣшанной аморфной массѣ друзей и враговъ и гнетущая тоска, общее незнаніе, на что употребить свою жизнь, общее стремленіе къ какимъ либо твердымъ руководящимъ началамъ, къ какимъ либо верховнымъ императивамъ, опредѣленнымъ идеаламъ. И это подавляющее сознаніе общаго страха, общаго безсилія и общей тоски вызываетъ громадное повышеніе симпатіи. У натуръ, особенно чуткихъ, болѣзненно переживающихъ тяжесть всеобщаго одиночества и безпросвѣтной тоски, симпатія выразится особенно сильно, особенно напряженно. Глубокіе, волнующіе аккорды разбитой арфы Надсона вдохновлены этой любовью къ людямъ, къ страдающему брату. Всѣ его творенія, отъ перваго и до послѣдняго, несутъ міру неувядающія розы дружескаго сочувствія, немеркнущій свѣтъ братской любви, вѣру въ то, что „погибнетъ Ваалъ и вернется на землю любовь“. У Гаршина, его утраченная вѣра, его жгучая боль сливаются воедино съ глубокой всепроникающей симпатіей къ человѣку. Его произведенія представляютъ одинъ

непрерывный вопль больной души, впитавшей въ себя муки всѣхъ одинокихъ, всѣхъ истерзанныхъ. Безграничная тоска Чехова, его теплое участіе, его глубокая задушевность, мягкое, дружеское сочувствіе къ сѣрому обыденному человѣку распространяются на каждаго изъ тѣхъ людей, милліоны которыхъ составляютъ однообразный, будничный фонъ жизни. Въ твореніяхъ Чехова симпатія уже опредѣленно принимаетъ свой обликъ возстановительницы интенсивной соціальной связи. Тоска, скорбь, окружающее зло тяжело переживаются героями Чехова. Но эта тоска уже не принимаетъ формы безумнаго отчаянія, болѣзненнаго излома. Лишь изрѣдка встрѣчаются непримиренные надрывы, незаживающія раны, приводящія къ безумію (Палата № 6) или къ самоубійству (Ивановъ, Треплевъ въ „Чайкѣ“). У большинства же чеховскихъ героевъ ихъ глубокая тоска является болѣе спокойной, примиренной. Тяготѣніе къ людямъ возвращается, а вслѣдъ за нимъ понемногу возвращается и вѣра въ людей—далекая, усталая вѣра героевъ Чехова. Еще нѣтъ опредѣленныхъ идеаловъ, еще нѣтъ руководящихъ началъ жизни, нѣтъ твердо начертанныхъ путей, но есть вѣра, что все это придетъ, что маленькія жизни сѣрыхъ тружениковъ сольются въ великой общей гармоніи, что „мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, какъ ласка“. Соня, дядя Ваня, Вершининъ, три сестры, Аня, Трофимовъ, Нина Зарѣчная, Саша Лебедева,—всѣ эти образы проникнуты вѣрой въ людей, вѣрой въ будущее, у однихъ болѣе далекой и скорбной, у другихъ болѣе юной и стремительной. И черезъ эту вѣру, черезъ это возстанавливающееся единеніе уже виднѣются въ будущемъ вѣхи новой соціальной группировки.

Такую же роль возстановительницы соціальной связи играетъ симпатія и въ большинствѣ острыхъ

конфликтовъ между личностью и обществомъ. Мы говоримъ „въ большинствѣ“, потому, что въ этихъ конфликтахъ возможны исключительные случаи, когда столкновеніе исчерпывается инымъ путемъ. Между соціальнымъ кризисомъ и конфликтомъ личности съ обществомъ имѣется существенное различіе: кризисъ всегда является двустороннимъ, конфликтъ личности съ обществомъ можетъ быть и одностороннимъ. Въ такомъ одностороннемъ конфликтѣ гнѣвъ возникаетъ лишь на одной сторонѣ, и этимъ обусловливается особая форма ликвидаціи конфликта: въ тѣхъ случаяхъ, когда морально побѣжденной является агрессивная сторона, когда личность отказывается отъ своего бунта, или общество отказывается отъ своего преслѣдованія, конфликтъ исчерпывается самъ собой. Но очевидно, что эти случаи должны быть весьма рѣдки. Исключительно моральная побѣда, возстановленіе единомыслія безъ фактическаго, сперва принудительнаго подчиненія одной изъ сторонъ, представляетъ вообще необычный способъ разрѣшенія острыхъ конфликтовъ въ обществѣ. Для того, чтобы группа подражаній, имѣвшая громадное императивное значеніе въ сознаніи одной изъ сторонъ, вдругъ потеряла это значеніе или даже смѣнилась противоположными подражаніями, необходима совершенно исключительная комбинація конкретныхъ условій; и такую комбинацію еще труднѣе предположить для односторонне преслѣдующаго общества, нежели для односторонне бунтующей личности. Нормальнымъ способомъ разрѣшенія остраго спора между личностью и обществомъ остается тотъ же, который примѣняется и къ разрѣшенію столкновенія между двумя группами въ обществѣ: способъ внѣшней, фактической побѣды и внѣшняго, принудительнаго подчиненія. Само собою разумѣется, что этотъ способъ является въ принципѣ исключеннымъ въ отношеніи личности. Насильственная побѣда личности надъ обществомъ, встрѣчается лишь въ видѣ рѣд-

каго исключенія, при вмѣшательствѣ въ борьбу со стороны чуждой соціальной сферы. Нормальнымъ разрѣшеніемъ конфликта между личностью и обществомъ является внѣшняя, фактическая, принудительная побѣда общества. Такая побѣда, очевидно, можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда общество является агрессивной стороною, т. е. при двустороннемъ конфликтѣ и при преслѣдованіи; при бунтѣ нормальной формой нужно считать затяжной конфликтъ съ тенденціей переходитъ со временемъ въ составной двусторонній, который обыкновенно разрѣшается уже по общему правилу побѣдой общества.

Что же должно произойти въ этомъ нормальномъ случаѣ, когда общество насильственно возстановило единообразіе въ своей средѣ? Въ какомъ направленіи, какимъ путемъ пойдетъ возстановленіе соціальной связи?

Въ соціальномъ кризисѣ обѣ стороны различны лишь по содержанію своихъ императивовъ, но существенно однородны по своему составу. И та, и другая представлены группами, лагерями; распаденіе группъ одинаково сказывается на обѣихъ. Въ конфликтѣ личности и общества положеніе иное. Группа имѣется лишь на одной сторонѣ, и эта группа не распадается и послѣ побѣды; вторая же побѣжденная сторона представлена не группой, а изолированной личностью. Поэтому здѣсь процессъ возсоединенія не можетъ быть ни общимъ, ни даже одинаковымъ для обѣихъ сторонъ. Если возсоединеніе послѣ соціальнаго кризиса мы могли разсматривать, какъ одинъ процессъ, то въ возсоединеніи личности и общества ясно различаются два процесса, которые, какъ увидимъ, могутъ даже не сопутствовать другъ другу и во всякомъ случаѣ нуждаются въ отдѣльномъ разсмотрѣніи.

На сторонѣ общества возсоединеніе протекаетъ приблизительно въ тѣхъ же общихъ чертахъ, какъ и при возсоединеніи послѣ соціальнаго кризиса. Разли-

ченъ варіантъ, различна и степень интенсивности процесса. Той болѣзненной остроты, которую имѣютъ процессы, происходящіе послѣ соціальнаго кризиса, никогда не могутъ принять процессы, порождаемые столкновеніемъ съ единичной личностью. Основного фактора, создающаго психологію послѣ кризисныхъ эпохъ, распада лагерной группировки нѣтъ въ разбираемомъ случаѣ. Побѣжденные враги не составляютъ значительной части общества, ихъ внѣшнее подчиненіе не сливается съ дѣйствительнымъ императивнымъ сознаніемъ побѣдителей, и характерной нераспознаваемости друзей и враговъ не возникаетъ. Въ связи съ сохраненіемъ общественной группировки отсутствуетъ почва и для распада въ обществѣ императивовъ. Нѣтъ и той всеобщей продолжительной борьбы, того моря крови, которое такъ пьянитъ, такъ туманитъ умы въ эпохи соціальныхъ кризисовъ; нѣтъ всеобщаго озвѣрѣнія, нѣтъ всеобщаго распада императивовъ, всеобщаго взаимнаго недовѣрія—словомъ, нѣтъ всей той удручающей картины, которую такъ неизбѣжно развертываютъ передъ нами соціальные кризисы. Самый гнѣвъ противъ единичнаго нарушителя императивовъ совершенно несравнимъ съ гнѣвомъ противъ враждебнаго лагеря. Въ то время, какъ при соціальномъ кризисѣ негодованіе постоянно поддерживается, постоянно усиливается все новыми и новыми нарушеніями лагернаго императива, при конфликтѣ между личностью и обществомъ этого ингредіента нѣтъ. Меньше разростается и самая тема конфликта. Сопротивленіе единичной личности никогда не можетъ придать спорному вопросу такую колоссальную остроту, никогда не можетъ такъ непомѣрно увеличить мѣсто спорной темы въ синтезѣ личности, сдѣлать изъ нея такой верховный всеподавляющій императивъ, какъ это дѣлаетъ длительное сопротивленіе большой соціальной группы. Поэтому гнѣвная эмоція противъ единичнаго нарушителя возникаетъ съ значительно меньшей силой.

Отсюда объясняется и большая легкость возсоединенія при единичномъ нарушеніи. Съ того момента, когда наступаетъ внѣшняя, фактическая побѣда общества, принудительное подчиненіе нарушившей императивъ личности, гнѣвъ теряетъ свою основную почву; борьба кончена, непосредственной опасности нѣтъ. А между тѣмъ, симпатія имѣетъ всѣ данныя для непрерывнаго роста. Подчиненіе личности, хотя бы и формальное, все же создаетъ единообразіе въ основномъ пунктѣ конфликта. Это вліяетъ, какъ и при соціальномъ кризисѣ, на усиленіе симпатіи, ибо симпатія есть субъективный корреллатъ всякаго подражанія вообще. Съ другой стороны, сдвигъ вниманія общества въ сторону другихъ моментовъ личнаго синтеза происходитъ тѣмъ свободнѣе, что нарушенный императивъ никогда не пріобрѣталъ, какъ при лагерной группировкѣ, верховенства, никогда не подавлялъ другихъ сторонъ соціальной личности. Поэтому необходимыя, неизбѣжныя сходства между преступной личностью и остальными членами общества должны скоро обнаружиться и вызвать повышеніе симпатіи. Процессъ идетъ въ общихъ чертахъ приблизительно сходно съ процессомъ возстановленія интенсивной соціальной связи послѣ кризиса. Но тутъ присоединяется еще одинъ факторъ, который вліяетъ чрезвычайно сильно на повышеніе симпатіи. Факторъ этотъ—особенное исключительное страданіе преступной личности.

Общеизвѣстный фактъ, что страданіе обладаетъ болѣе дифференцированной физіологической чувствительностью, нежели удовольствіе, и въ сознательной жизни соотвѣтственно больше приковываетъ вниманіе [1]). Многіе филологи считаютъ, что въ языкахъ существуетъ несравненно большее количество словъ, не-

---

[1]) Рибо op. cit. начало главы объ удовольствіи, Wundt. Grundriss der Psychologie S. 211, Болдуинъ. Дух. раз. дѣтск. индив. и человѣч. рода т. II стр. 220—221, 224.

сравненно большее богатство оттѣнковъ для выраженія страданія, нежели для выраженія удовольствія. [1]) Въ философіи прямо поражаетъ та особая чуткость, съ которой относились мыслители къ проявленіямъ страданія. Начиная съ Будды и кончая новѣйшими авторами, вся пессимистическая философія построена на этомъ усиленномъ напряженномъ вниманіи къ человѣческому страданію. Еще великій Кантъ утверждалъ первенствующее мѣсто страданія надъ удовольствіемъ въ человѣческой жизни и отводилъ ему соотвѣтственно первенствующее мѣсто въ философіи. [2]) Шопенгауеръ провозглашаетъ страданіе основнымъ моментомъ въ жизни людей и утверждаетъ, что философски удовольствіе можетъ быть понятно лишь отрицательно, какъ отсутствіе страданія. [3]) Философія Гартмана, исходя въ общихъ чертахъ изъ теоріи Шопенгауера, и оспаривая эту теорію въ нѣкоторыхъ пунктахъ, подчеркиваетъ доминирующую роль страданія и считаетъ, что страданіе принадлежитъ къ сферѣ сознательной жизни по существу, тогда какъ удовольствіе въ принципѣ относится къ безсознательному и лишь косвенно отражается въ сознаніи [4]) Эти пессимистическія воззрѣнія не составляютъ исключительной особенности нашей эпохи. Приматъ страданія надъ удовольствіемъ провозглашалъ въ теоретической формѣ еще итальянскій философъ XVIII в. Верри [5]). Начальная фраза „Анны Карениной“, что „всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, а несчастливыя несчастливы каждая по своему“, не свидѣтельствуетъ ли также о большей чуткости къ страданію?

---

[1]) Ср. напр. Wundt op cit loc. cit.

[2]) Kant. Anthropologie § 59.

[3]) Schopenhauer. Wellt als Wille und Vorstellung.

[4]) Hartmann. Philosophie des Unbewussten. 10 aufl. B. II. Cap. Die Unvernunft des Wollen u. das Elend des Daseins pass. особенно стр. 295—300.

[5]) Verri. Sull' indole del piacere e del dolore 1781.

Физіологически большая чувствительность къ страданію объясняется легко. Вѣроятно, она происходитъ отъ прямого дѣйствія естественнаго отбора. Въ случаѣ опасности необходимо особенно тонко распознавать всѣ детали ея характера для болѣе адэкватной защиты; между тѣмъ, для тяготѣнія къ полезнымъ раздраженіямъ вполнѣ достаточно отличать ихъ общій характеръ. Поэтому болѣе развитая и болѣе дифференцированная чувствительность къ страданію, нежели къ удовольствію, есть простое слѣдствіе экономіи развитія.

Уже изъ одного этого вытекаетъ съ несомнѣнностью, что симпатія должна быть сильнѣе при страданіи, нежели при удовольствіи. Симпатія представляетъ, какъ мы видѣли, распространеніе инстинкта самосохраненія на другого индивидуума. Поэтому, разъ инстинктъ дѣйствуетъ въ отношеніи самого себя сильнѣе при страданіи, то естественно, что въ этихъ условіяхъ онъ долженъ дѣйствовать сильнѣе и въ отношеніи другого индивидуума. Въ частности, болѣе сильное и болѣе дифференцированное психологическое дѣйствіе страданія соотвѣтственно отражается и на его двигательномъ выраженіи. Едва ли нужно повторять еще разъ о неразложимой двусторонности психофизической реакціи; а между тѣмъ, изъ одного факта этой двусторонности уже вытекаетъ съ полной ясностью, что въ конкретномъ случаѣ большей силѣ и дифференцированности одной стороны должна соотвѣтствовать большая сила и дифференцированность другой. Большую силу и дифференцированность двигательнаго выраженія страданія отмѣчаетъ и Вундтъ, полагая, что въ филогенезисѣ первыми звуками, издаваемыми животными, были громкіе крики голода и боли и лишь впослѣдствіи возникли тихіе звуки удовольствія [1]). Эта большая сила и дифференцированность двигательнаго выраженія страданія по сравненію съ выраже-

[1]) Wundt. Völkerpsych. I S. 250—254.

ніемъ удовольствія имѣетъ для насъ особенное значеніе потому, что воспріятіе двигательнаго выраженія составляетъ, какъ мы уже видѣли, непосредственный первоначальный механизмъ симпатіи. Физіологи отмѣчаютъ поразительный фактъ: особую склонность симпатіи принимать двигательное выраженіе, сходное съ выраженіемъ страданія [1]). Такимъ оно бываетъ у дѣтей, такимъ же сохраняется и у взрослыхъ. Согласно общей теоріи выраженія эмоцій, двигательное выраженіе чувствованія на послѣдующихъ стадіяхъ есть живая исторія филогенезиса данной эмоціи. Если симпатія пріобрѣла общее выраженіе страданія, то, очевидно, путемъ симпатіи проходили наиболѣе часто и интенсивно двигательные разряды страданія. Этимъ эмпирическимъ фактомъ подтверждается какъ нельзя лучше дедуктивное положеніе, по которому симпатія должна сильнѣе дѣйствовать при страданіи. Въ жизни вѣрность этого положенія общеизвѣстна [2]).

---

[1]) Baldwin. op. cit. p. 218 ср. Дарвинъ. О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ С.-Петерб. 1878 стр. 179—181, 127, 134.

[2]) Ср.. Геффдингъ op. cit. VI, C, 4, 5. Всего рельефнѣе выражается преобладающее сочувствіе страданію на высшихъ стадіяхъ, то особенное сочувствіе страданію, которое отмѣчаютъ многіе философы и поэты. Въ противоположность этому взгляду Спенсеръ утверждаетъ болѣе универсальное распространеніе сочувствія къ удовольствію, нежели къ страданію. (Основанія Психологіи т. IV стр. 271). Но доказательства, на которыхъ основанъ этотъ выводъ, страдаютъ многими недочетами. Узость сферы сочувствія страданію Спенсеръ обусловливаетъ отсутствіемъ состраданія къ врагу. Но мы уже видѣли, что въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ противоположная симпатіи эмоція гнѣва, и о симпатіи вообще говорить не приходится. Ограниченіе сферы сочувствія здѣсь относится къ симпатіи въ цѣломъ; радость врага въ большинствѣ случаевъ не только не вызываетъ сочувствія, но даже обусловливаетъ состояніе недовольства, а въ крайнихъ проявленіяхъ—ярости. Далѣе Спенсеръ видитъ доказательство универсальнаго распространенія сочувствія удовольствію въ заразительности смѣха, (ибо

На высшихъ стадіяхъ развитія, когда симпатическія переживанія вызываются уже не однимъ только непосредственнымъ воспріятіемъ чужого двигательнаго выраженія, особенная роль страданія въ субъективномъ сознаніи соотвѣтственно отражается и въ эективномъ. Представленіе о страданіи переносится на другую личность съ тѣмъ же особымъ значеніемъ, съ той же преобладающей силой, которую оно имѣетъ въ субъективномъ сознаніи. При особо тонкой и сильной симпатіи къ страданію, подобная эективація влечетъ за собою сильное напряженіе симпатическихъ чувствованій.

Сильный подъемъ симпатіи, вслѣдствіе эективаціи страданія, служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ момен-

---

смѣхъ является выраженіемъ удовольствія) и ссылается на общеизвѣстные факты перехода дѣтей отъ слезъ къ смѣху, если въ присутствіи плачущаго ребенка кто либо засмѣется. Думается, что въ этихъ словахъ психологическія условія заразительности смѣха взяты чрезвычайно недифференцированно, можно даже больше сказать, исключительно съ точки зрѣнія физіологической, какъ непосредственный, стихійный моторный импульсъ. Мы видѣли, что всякій моторный импульсъ, исходящій отъ сходной особи, заразителенъ, въ особенности для дѣтей. Факты бурныхъ вспышекъ слезъ и рыданій, какъ выраженіе сочувствія у дѣтей, всѣмъ общеизвѣстны. Врядъ ли имѣется достаточно данныхъ, чтобы настаивать на преобладающей заразительности смѣха. Если мы обратимся къ высшимъ стадіямъ, то мы увидимъ, что стихійный моторный импульсъ тамъ не господствуетъ, а подчиняется всей массѣ сложившихся отношеній между индивидуальными сознаніями; его проявленіе или задержка непосредственно зависятъ отъ степени субъективной симпатіи. Конечно, въ веселой компаніи, члены которой объединены между собою многими линіями соціальности и огромной квалифицированной симпатіей, смѣхъ чрезвычайно заразителенъ. Но совсѣмъ не заразительно ликованіе побѣдителя для побѣжденнаго, совсѣмъ не заразительна веселая шутка для человѣка, находящагося въ глубокомъ горѣ. Всѣ эти различія стадій Спенсеръ совершенно опускаетъ. Врядъ ли можно дѣлать выводы на основѣ столь мало дифференцированныхъ понятій; но еще труднѣе строить на такихъ выводахъ дальнѣйшія заключенія.

товъ при возстановленіи соціальной связи съ преступной личностью. Какъ и послѣ соціальнаго кризиса, роль симпатіи состоитъ съ одной стороны въ вытѣсненіи гнѣвной эмоціи, въ устраненіи того осадка негодованія и ненависти, который остался со времени минувшей борьбы; съ другой стороны—въ подчеркиваніи сходствъ, подготовляющемъ возстановленіе полнаго критерія чужой личности и черезъ него возстановеніе соціальной связи. Страданіе преступника, напрягая весьма сильно симпатію, ускоряетъ и облегчаетъ этотъ процессъ. Конечно, его развитіе предполагаетъ фактическую побѣду общества, минованіе опасности, подчиненіе преступной личности. Если это подчиненіе нарушается (напр., новымъ преступленіемъ или побѣгомъ изъ заключенія), если, такимъ образомъ, борьба и опасность возобновляются, то процессъ, естественно, прерывается въ силу агрессивнаго дѣйствія инстинкта самосохраненія. Но въ нормальныхъ условіяхъ, при продолжающемся подчиненіи, страданіе нарушившей императивъ личности вызываетъ симпатію. Въ криминалистикѣ давно извѣстно, что наказаніе лишеніемъ свободы имѣетъ тотъ именно дефектъ, что квалификація его возможна только во времени; а между тѣмъ, долговременное заключеніе преступной личности вызываетъ къ ней со стороны общества столь сильную симпатію, которая переходитъ даже въ ропотъ противъ суровости власти [1]). Громадное усиленіе симпатіи, вслѣдствіе страданія преступника, ярко отразилось въ словѣ „несчастненькіе“, которымъ народъ называетъ заключенныхъ на Руси. Если мы вспомнимъ, что одной изъ основныхъ христіанскихъ добродѣтелей было посѣщеніе тюремъ, и что, напр., у насъ на Руси эта добродѣтель стояла весьма высоко, то намъ станетъ яснымъ вліяніе страданія на усиленіе симпатіи. И ту же покоряющую силу страданія мы находимъ и

[1]) Ср. напр. Сергѣевскій, Русское уголовное право изд. 7, Петер. 1908 г., стр. 144.

въ литературѣ. „Не тебѣ кланяюсь, страданію твоему кланяюсь“. Эти слова Раскольникова, обращенныя къ Сонѣ, можно поставить эпиграфомъ ко всему творчеству Достоевскаго. Свою громадную примиряющую силу, свое глубокое внутреннее просвѣтлѣніе образы Достоевскаго имѣютъ отъ магнитизма страданія. Соня Мармеладова, Грушенька, Катерина Ивановна, Раскольниковъ, Митя и Иванъ Карамазовы — все это въ глазахъ автора нарушители императивовъ, „преступники“ въ соціологическомъ смыслѣ, оправданные Достоевскимъ за ихъ страданіе. И когда старецъ Зосима, олицетворяющій праведность и любовь, кланяется въ ноги безчестному, распутному и преступному Дмитрію Карамазову, предвидя его будущее страданіе, то вся идеологія, весь внутренній смыслъ твореній Достоевскаго суммируются въ этомъ поклонѣ. Глубокіе надрывы „униженныхъ и оскорбленныхъ“, надрывы Мармеладова и штабсъ-капитана Снѣгирева, муки „бывшихъ людей“ заставляютъ не только глубоко, всей душою сочувствовать имъ, но и примириться съ ними, простить имъ ихъ паденіе. Эта всеобщая симпатія къ страдальцамъ „дна“, это всеобщее прощеніе павшихъ за ихъ страданія, прощеніе всякаго грѣха, всякаго паденія возведены въ общій принципъ Горькимъ. Чарующая красота, плѣняющая сила его образовъ основана на покоряющемъ могуществѣ страданія. Вся вереница большихъ и малыхъ произведеній Горькаго, начиная безсмертнымъ „На Днѣ“ и кончая самыми мелкими разсказами, вся галлерея его героевъ построены на этотъ общемъ принципѣ, симпатіи и милости къ павшимъ, къ страдающимъ.

Такъ происходитъ возстановленіе на сторонѣ общества соціальной связи съ нарушителемъ императива. По мѣрѣ того, какъ возстановляется субъективный критерій въ отношеніи нарушившей императивъ личности, члены общества снова начинаютъ эектировать на нее подражанія данной среды. Съ теченіемъ времени эта эективація снова пріобрѣтаетъ въ отношеніи существенныхъ

моментовъ личности прежнюю силу, прежнюю увѣренность. Личность, когда-то нарушившая императивъ, становится снова полнымъ членомъ среды, и въ обществѣ возникаетъ увѣренность, что это нарушеніе произошло только тогда, а теперь данная личность считается съ императивами такъ же, какъ и другіе члены среды. Но этотъ процессъ принимаетъ особыя формы и совершенно особую окраску въ тѣхъ случаяхъ, когда съ самаго начала произошла не одна только внѣшняя побѣда общества, а дѣйствительная ликвидація конфликта. Если преступная личность въ самый моментъ своего пораженія не внѣшнимъ только образомъ подчинилась обществу, а сознала свою неправоту, присоединилась къ общественнымъ императивамъ и къ общественному осужденію нарушителя, если съ самаго же начала за обществомъ осталась и моральная побѣда, если личность покаялась, то разрывъ соціальной связи, вызванный нарушеніемъ императива, сразу же ликвидированъ, критерій возстановленъ, личность снова является полнымъ членомъ среды. Въ такихъ случаяхъ ея страданіе, само собою понятно, должно особенно сильно дѣйствовать на сознаніе членовъ среды. Симпатія, возбуждаемая страданіемъ полнаго члена своей соціальной сферы, повышается особенно сильно. Изъ всѣхъ членовъ среды кающійся грѣшникъ становится особенно близкимъ, особенно дорогимъ. Въ религіи и въ этической философіи это явленіе извѣстно. Тезисъ, что кающійся грѣшникъ угоднѣе Богу, чѣмъ праведникъ, евангельскія притчи о мытарѣ и фарисеѣ, о найденной овцѣ, которая дороже незаблуждавшейся—все это лишь разныя выраженія одной и той же общей идеи.

Таковы существенныя черты процесса возстановленія соціальной связи общества въ отношеніи нарушившей императивъ соціальной личности. Посмотримъ теперь, какой процессъ и въ какихъ формахъ происходитъ на сторонѣ личности. Тутъ могутъ быть самые

различные случаи, начиная отъ полнаго возстановленія соціальной связи со средой и кончая непрерывнымъ, длительнымъ протестомъ.

Тамъ, гдѣ конфликтъ односторонній, гдѣ оппозиціи со стороны личности нѣтъ, а есть простая слабость въ сознаніи соотвѣтственныхъ императивовъ, гдѣ со стороны личности соціальная связь оставалась въ полной силѣ, а было лишь преслѣдованіе со стороны общества, возмущеніе общества можетъ оказать двоякое вліяніе. Съ одной стороны, возмущеніе общества обнаруживаетъ колоссальную силу императива въ сознаніи его членовъ, высокую степень увѣренности, съ которой происходитъ эективація. Если конфликтъ односторонній, если связь съ обществомъ существуетъ въ сознаніи личности, то громадная сила эективнаго сознанія членовъ среды, обнаружившаяся на опредѣленномъ конкретномъ пунктѣ, повыситъ значеніе этого пункта въ глазахъ личности, укрѣпитъ данный императивъ въ ея сознаніи. Но съ другой стороны вспышка гнѣва, борьбы со стороны общества можетъ непосредственно вызвать агрессивную эмоцію самосохраненія со стороны личности, вызвать протестъ въ ея сознаніи. Эмоція гнѣва подчеркнетъ въ сознаніи личности ея различія съ другими членами среды, и въ частности различіе усилится и по пункту раздора. Какое изъ этихъ вліяній общественнаго возмущенія окажется сильнѣе въ данномъ конкретномъ случаѣ, это, конечно, зависитъ отъ индивидуальной психологіи конкретной личности, отъ всѣхъ деталей осуществленнаго синтеза, отъ всего содержанія ея субъективнаго сознанія. Но путь, который проходитъ личность въ томъ или въ другомъ случаѣ, существенно различенъ. Когда личность всецѣло присоединилась ко взгляду общества, тогда съ ея стороны конфликта съ обществомъ нѣтъ; есть съ собой только конфликтъ, со своимъ прошлымъ. Въ моментъ присоединенія личность является уже вполнѣ членомъ соціальной среды. И ея примиреніе съ собою возможно че-

резъ примиреніе съ ея прошлымъ всѣхъ членовъ среды. Когда личность мечется между двумя полюсами, рѣзко, выступающими въ ея сознаніи, между ужаснымъ прошлымъ и нормальнымъ настоящимъ, когда каждая мысль, каждое движеніе отравлено недовѣріемъ къ себѣ, то выходъ изъ этого мучительнаго состоянія можетъ дать только сила, ясно и опредѣленно съ несомнѣннымъ господствомъ выдвигающая въ сознаніи одинъ изъ этихъ полюсовъ. Такой силой является эективное сознаніе среды, дѣйствующее на личность. Эективируя на самого себя, какъ члена среды, эективное сознаніе другихъ членовъ, бывшій нарушитель возвращается къ нормальной твердости императивовъ, къ нормальному облику соціальной личности въ данной группѣ. Примиреніе съ прошлымъ нарушеніемъ императивовъ, прощеніе этого нарушенія, возникая въ средѣ, становясь въ ней всеобщимъ, взаимно-эективируемымъ явленіемъ, также начинаетъ переноситься на самого себя. Личность въ своемъ новомъ обликѣ, личность — членъ общества, личность—судья примиряется съ бывшимъ преступникомъ, прощаетъ его. Въ этомъ для индивидуальнаго сознанія сила отпущенія грѣховъ. Личность примиряется съ собой, эективируя на себя прощеніе Судьи.

Каковъ же путь, каковъ же конкретный механизмъ этого примиренія личности съ собою? Очевидно, если внутреннее примиреніе личности достигается черезъ примиреніе съ нею соціальной среды, то и путемъ этого внутренняго примиренія можетъ быть только отраженіе въ сознаніи происходящей на сторонѣ общества ликвидаціи конфликта. Раскаяніе и страданіе, служащія путемъ для примиренія съ обществомъ, примиряютъ и съ самимъ собою. Этимъ объясняется очистительная сила страданія и раскаянія въ индивидуальномъ сознаніи. Но отсюда же объясняется, почему такой очистительной силой обладаетъ лишь то раскаяніе и страданіе, которое по своей формѣ доступно познанію другихъ членовъ общества. Если страданіе или раскаяніе

было замкнутымъ, если другіе члены среды не могли узнать его, если раскаяніе не могло возстановить соціальной связи съ ними, а страданіе не могло заставить ихъ простить, то преступникъ не будетъ очищенъ и передъ самимъ собою. Вотъ гдѣ лежитъ психологическая основа публичнаго покаянія и искупляющая сила страданія, наложеннаго обществомъ. Какъ бы глубоко преступникъ ни каялся въ душѣ, какъ бы ужасны ни были муки его совѣсти, онъ примиренія съ собою не найдетъ, пока его раскаяніе и его страданіе не раскроются передъ соціальной средой. Публичное покаяніе Никиты у Толстого, именно, потому есть „дѣло Божье“, что оно очищаетъ согрѣшившаго и даетъ ему внутренній миръ. Митя Карамазовъ страстно жаждетъ этого искупляющаго страданія, и когда присяжные безъ вины осуждаютъ его въ страшномъ преступленіи, онъ охотно принимаетъ это осужденіе, какъ искупленіе своихъ дѣйствительныхъ грѣховъ. Все творчество Достоевскаго проникнуто идеей объ искупляющей силѣ публичнаго покаянія и публичнаго страданія. Устами Сони Мармеладовой, когда она совѣтуетъ Раскольникову выйти на перекрестокъ, поклониться на всѣ четыре стороны и сказать всѣмъ людямъ, что онъ убійца, поклониться и землѣ, просить о прощеніи и ее—устами Сони говоритъ самъ авторъ. Въ дѣйствительной жизни о томъ же свидѣтельствуетъ общеизвѣстный фактъ, что кающіеся преступники мучительно чувствуютъ потребность открыться и бѣгутъ къ слѣдователямъ отъ терзаній своей совѣсти. Въ теоріи уголовнаго права на этомъ фактѣ построено ученіе, стремящееся гуманно обосновать наказаніе, какъ искупленіе, необходимое для самого преступника. Только то страданіе, только то раскаяніе, которое происходитъ на глазахъ у членовъ общества, можетъ очистить преступника передъ его собственной совѣстью.

Особую форму получаютъ эти отношенія въ томъ спеціальномъ обществѣ, которое образуетъ религія.

Здѣсь личность ищетъ искупленія не столько передъ другими вѣрующими, сколько передъ верховнымъ Главой общества, прощеніе котораго является опредѣляющимъ для всѣхъ членовъ. Какимъ же образомъ личность можетъ эективировать на Божество Его эективное сознаніе прощенія грѣшника? Очевидно, для этого существуютъ два пути. Съ одной стороны, такимъ путемъ можетъ служить завѣреніе лица, на которомъ по убѣжденію среды почіетъ благодать, которое является посредникомъ въ сношеніяхъ съ Богомъ; съ другой стороны, въ виду той соціальной связи съ Божествомъ, которую создаетъ религія, такимъ путемъ можетъ служить убѣжденіе всѣхъ членовъ общества, всѣхъ вѣрующихъ. Отсюда возникаютъ и двѣ формы религіознаго покаянія, религіознаго прощенія: на одной сторонѣ публичная молитва, публичное покаяніе евреевъ и первыхъ христіанъ, на другой—исповѣдь и духовникъ, какъ minister Dei. Всевозможныя формы церковнаго покаянія, тайныхъ и гласныхъ, добровольныхъ и налагаемыхъ эпитимій основаны на различныхъ комбинаціяхъ этихъ двухъ моментовъ.Но путь къ примиренію съ собою одинаковъ во всѣхъ этихъ случаяхъ: добиться прощенія Бога въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ оно можетъ дойти до эективнаго сознанія личности.

Всѣ эти многообразныя формы примиренія съ собою представляютъ лишь различные психологическіе варіанты того случая, когда самый фактъ общественнаго возмущенія по поводу нарушенія императива, немедленно же оказалъ воздѣйствіе на личность въ смыслѣ усиленія соотвѣтственнаго императива и раскаянія въ совершонной ошибкѣ. Но возможенъ и обратный случай. Личность можетъ въ свою очередь встрѣтить общественное негодованіе агрессивной эмоціей, бурнымъ протестомъ. Тогда подчиненіе личности будетъ только внѣшнимъ, формальнымъ; это подчиненіе безсилія, а не подчиненіе раскаянія. Страданіе, налагаемое обществомъ въ этихъ случаяхъ, воспринимается

личностью не какъ искупленіе, а какъ безсмысленная месть, которой только внѣшняя сила заставляетъ подчиниться. Въ этихъ случаяхъ возстановленіе соціальной связи можетъ идти только медленно, постепенно. Мы уже видѣли, какимъ образомъ этотъ процессъ воссоединенія происходитъ на сторонѣ общества. Сдвигъ интересовъ, возрастаніе симпатіи (особенно вслѣдствіе страданія), вызванное этими причинами паденіе гнѣва—вотъ тѣ факторы, которые дѣйствуютъ на сторонѣ общества. Они же обусловливаютъ возсоединеніе и на сторонѣ личности. И на сторонѣ личности происходитъ сдвигъ интересовъ, ея подчиненіе становится для нея привычнымъ, ея симпатія къ другимъ членамъ общества возрастаетъ и заглушаетъ у нея гнѣвную эмоцію. Съ прекращеніемъ гнѣва, возстановляется, какъ мы видѣли, критерій чужой личности, возстановляются увѣренныя эективаціи, соціальная связь опять становится интенсивной. При такихъ условіяхъ возстановляется и система императивовъ; въ частности возстановляется и пріобрѣтаетъ нормальную въ средѣ силу и тотъ императивъ, который когда-то былъ нарушенъ личностью. Отсюда логически должно было бы возникнуть и самоосужденіе за прошлый грѣхъ. Но въ дѣйствительности процессъ обыкновенно принимаетъ иную форму. При нормальныхъ условіяхъ общество, для котораго опасность миновала съ момента его фактической побѣды, а симпатія чрезвычайно усиливается страданіемъ преступной личности, примиряется съ преступникомъ раньше, нежели онъ съ своей стороны примиряется съ обществомъ. Поэтому, къ тому времени, когда у преступника наступаетъ примиреніе съ соціальной средой, его прошлый грѣхъ является въ глазахъ общества уже прощеннымъ, уже искупленнымъ. Вступая вновь въ это простившее общество, эективируя на самого себя эективное сознаніе членовъ среды, личность сразу же находитъ примиреніе. Ея прошлый грѣхъ очищенъ тѣмъ страданіемъ, которое она

переносила еще до своего покаянія. Конечно, необходимымъ условіемъ этой формы является предшествующее примиренію личности прощеніе общества. Если по какимъ либо индивидуальнымъ причинамъ процессъ на сторонѣ личности пойдетъ ускореннымъ темпомъ, и примиреніе произойдетъ сперва на ея сторонѣ, то получится форма смѣшанная, гдѣ сначала будетъ гнѣвъ, и наказаніе явится насильственно наложеннымъ страданіемъ, а затѣмъ произойдетъ раскаяніе, и наказаніе превратится въ сознаніи личности въ искупленіе. Въ такой, именно, формѣ идетъ процессъ возсоединенія съ обществомъ у Раскольникова. Вначалѣ онъ раскаянія не испытываетъ, никакой потребности публичнаго покаянія не чувствуетъ и на судѣ передъ присяжными засѣдателями своей души не открываетъ; первое время его ссылки отмѣчено гнѣвомъ и ропотомъ, и лишь впослѣдствіи постепенно является раскаяніе, и наказаніе обращается для него въ искупленіе.

Но діаметрально противоположная картина, къ сожалѣнію, весьма частая въ дѣйствительности, получается въ томъ случаѣ, когда гнѣвъ преступника, его агрессивное возбужденіе противъ общества не улеглось, когда оно переходитъ въ состояніе длительной борьбы съ обществомъ. Наиболѣе частымъ и наиболѣе простымъ путемъ для такого длящагося гнѣва служитъ взаимная эективація его между нѣсколькими преступниками. Попадая въ тюрьму, преступникъ вступаетъ тамъ въ общеніе съ людьми, которыхъ объединяетъ общественное осужденіе и агрессивный протестъ противъ этого осужденія. Взаимно эективируемый протестъ усиливается, поддерживается; увѣренная эективація вражды къ обществу дѣлаетъ эту вражду императивомъ вновь образующейся соціальной группы. Огромная взаимная симпатія осужденныхъ облегчаетъ, ускоряетъ образованіе этой группы. Выходя изъ тюрьмы, такой преступникъ будетъ находиться въ субъективномъ состояніи острой борьбы съ обществомъ; это готовый рецидивистъ.

Именно, отсюда вытекаетъ отмѣченная уголовной теоріей опасность наказаній лишеніемъ свободы, въ особенности наказаній кратковременныхъ, въ теченіе которыхъ не успѣваетъ произойти задерживаемый групповой эктиваціей процессъ примиренія съ обществомъ.

Это состояніе непримиренности и рецидива, будучи аномальнымъ при конфликтѣ, существенно одностороннемъ, представляетъ нормальный случай при двустороннемъ конфликтѣ. Тамъ, гдѣ нарушительницей императива является каждая сторона въ сознаніи другой, гдѣ эти нарушенія неразрывно связаны между собою, процессъ возстановленія соціальной связи значительно осложняется. Протестъ личности вытекаетъ изъ всего содержанія ея сознанія, изъ всего уже осуществленнаго ею синтеза. До тѣхъ поръ, пока не измѣнится это основное условіе, заставляющее личность нарушать общественные императивы, пока подъ какими нибудь новыми соціально-біографическими вліяніями не измѣнится весь строй данной личности, она будетъ продолжать свою оппозицію. Восклицаніе Галлилея „а она все таки вертится!“ немедленно послѣ вынужденнаго отреченія отъ своихъ взглядовъ представляетъ классическій случай такого соціологическаго рецидива. Почти всѣ мученики науки и даже религіи были въ соціологическомъ смыслѣ рецидивистами.

Возможны, однако, условія, когда и двусторонній конфликтъ заканчивается возстановленіемъ соціальной связи. Если въ развитіи личности произошелъ рѣзкій поворотъ, заставившій ее отказаться отъ своего протеста, присоединиться къ общественнымъ императивамъ и къ общественному осужденію своего поступка, то возстановленіе соціальной связи пойдетъ однимъ изъ направленій, очерченныхъ выше. У Якова Терехова въ „Убійствѣ“ Чехова, религіозное чувство, вслѣдствіе одинокой жизни и вызваннаго ею ослабленія живой связи съ эективнымъ сознаніемъ среды, болѣзненно

тянулось къ доступной ему кристаллизованной формѣ этого сознанія, къ обряду. Обрядъ выдвигался на первое мѣсто въ его личности, становился верховнымъ императивомъ и заглушалъ другіе императивы, болѣе важные въ сознаніи общества. Когда же сахалинская ссылка поставила его въ близкое общеніе съ другими людьми, произошло укрѣпленіе связи съ живымъ эективнымъ сознаніемъ, значеніе обряда само собою пало, и Яковъ нашелъ другую вѣру. Его дальнѣйшее примиреніе со средой направилось по общей линіи очищенія черезъ страданіе.

До сихъ поръ мы разсматривали различные психологическіе варіанты процесса возстановленія соціальной связи въ тѣхъ его формахъ, когда окончательная побѣда оставалась на сторонѣ общества. Но процессъ возстановленія соціальной связи можетъ принять и такое направленіе, чтобы побѣда оказалась на сторонѣ личности. Само собою понятно, что насильственная побѣда личности надъ обществомъ невозможна. Такую побѣду можно себѣ представить только при вмѣшательствѣ чуждой силы, напр., иноземныхъ войскъ и т. п. Но въ этихъ случаяхъ конфликтъ теряетъ свой основной характеръ столкновенія между личностью и обществомъ и превращается въ столкновеніе двухъ соціальныхъ сферъ; боровшаяся личность становится уже не стороною, а только предателемъ, дѣйствующимъ за одно съ врагами. Поэтому изъ возможныхъ случаевъ побѣды личности соціологическій интересъ представляетъ только побѣда моральная. Она возможна при нѣкоторыхъ формахъ односторонняго конфликта, въ нѣкоторыхъ случаяхъ бунта личности противъ общества, когда личность протестуетъ, обличаетъ, негодуетъ, а общество преклоняется передъ своимъ обличителемъ. Но даже въ этихъ случаяхъ полная моральная побѣда личности въ томъ же поколѣніи, полное присоединеніе къ ея взглядамъ ея соціальной среды представляется рѣдкимъ, исключительнымъ. Бунтъ личности противъ

общества всегда указываетъ на какія либо особыя условія, сдѣлавшія въ синтезѣ данной личности существеннымъ то, что занимаетъ меньшее мѣсто у остальныхъ членовъ среды; присоединеніе общества къ воззрѣніямъ бунтующей личности означаетъ, что развитіе общественнаго сознанія въ данномъ направленіи сдѣлало шагъ впередъ, что этотъ пунктъ сталъ существеннымъ и въ глазахъ всего общества. Такимъ образомъ, подобная картина можетъ получиться лишь въ томъ случаѣ, когда личность была провозвѣстникомъ новаго теченія, развивавшагося съ меньшей быстротой во всемъ обществѣ. Для того, чтобы различіе въ степени между личностью и обществомъ успѣло сгладиться въ томъ же поколѣніи, необходимо одно изъ двухъ: либо путь, раздѣляющій обѣ стороны, долженъ быть небольшимъ, либо должны существовать особыя историческія условія, заставляющія общество пройти этотъ путь съ совершенно исключительной быстротой. Въ первомъ случаѣ, очевидно, расхожденіе не можетъ принять столь острой формы, чтобы вызвать рѣзкій конфликтъ, бунтъ личности; во второмъ случаѣ бунтъ произойдетъ, но еще въ томъ же поколѣніи за личностью останется полная моральная побѣда, въ видѣ присоединенія всего общества къ ея воззрѣніямъ. Легко видѣть, какими исключительными должны быть въ исторіи подобныя побѣды. Едва ли въ лѣтописяхъ можно найти много такихъ примѣровъ; но для иллюстраціи вспомнимъ примѣръ Петра Пустынника, который всего за нѣсколько лѣтъ до перваго крестоваго похода обращался къ папѣ съ горячими посланіями, гдѣ горько сѣтовалъ на равнодушіе западнаго міра къ судьбамъ іерусалимскихъ святынь. Въ этихъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ моральная побѣда личности по самому существу своему исчерпываетъ конфликтъ между нею и обществомъ, возстановляетъ единомысліе. Но разрывъ образуется въ субъективномъ сознаніи самихъ членовъ общества, мало считавшихся въ про-

шломъ съ тѣмъ, что для нихъ стало однимъ изъ самыхъ основныхъ императивовъ въ настоящемъ. Какимъ же путемъ возможно для членовъ общества примиреніе съ собою, со своимъ прошлымъ? Путь этотъ очевиденъ. Когда общество присоединяется къ воззрѣніямъ личности, эта личность является для него вождемъ, пророкомъ. Общество, естественно, находится въ отношеніи этой личности на проэктивномъ полюсѣ сознанія. Сознаніе этой личности является руководящимъ, какъ бы законодательствующимъ въ отношеніи всѣхъ сознаній среды. Каждый изъ членовъ общества увѣренно эктивируетъ на всѣхъ другихъ подражаніе въ конкретномъ случаѣ руководящему сознанію. Общество, присоединившееся къ бунтующей личности, представляетъ, такимъ образомъ, частный случай общества, имѣющаго главу. Подобно теократіи, подобно абсолютной монархіи, такое общество руководствуется все цѣликомъ сознаніемъ одного изъ своихъ членовъ. Поэтому прощеніе главенствующей личности является руководящимъ для всѣхъ членовъ общества. Каждый членъ среды эктивируетъ на всѣхъ другихъ, эктивируетъ на всякаго нормальнаго члена въ томъ числѣ и на самого себя прощеніе, если оно дано главою общества. Такой случай мы уже видѣли въ отношеніи прощенія Божества въ обществѣ вѣрующихъ; аналогично прощеніе монарха, прощеніе пророка, учителя и т. д.

Намъ остается еще разсмотрѣть одинъ только вопросъ: каковы условія индивидуальнаго прощенія личности?

По своей природѣ прощеніе представляетъ, какъ мы видѣли, паденіе, подавленіе гнѣвной эмоціи. Если гнѣвная эмоція совершенно не возникаетъ, если съ самаго начала нѣтъ осужденія, а есть спокойное сознаніе, что императивъ нарушенъ, но къ возмущенію противъ нарушателя нѣтъ основаній—тогда передъ нами не прощеніе, а невмѣненіе. Прощеніе характери-

зуется, именно, наличностью осужденія дѣятеля и подавленіемъ уже возникшаго гнѣва.

Мы видѣли, что такое подавленіе гнѣва представляетъ вообще дѣйствіе противоположной ему тенденціи, симпатіи. Чѣмъ сильнѣе развито въ данной личности сознаніе своего сходства съ окружающими, чѣмъ сильнѣе поэтому симпатія, тѣмъ психологически легче происходитъ прощеніе. Наоборотъ, сильное и тонкое сознаніе своихъ различій съ окружающими, своихъ превосходствъ надъ ними препятствуетъ развитію симпатіи, препятствуетъ прощенію и облегчаетъ развитіе гнѣва. Въ этихъ случаяхъ гнѣвъ падаетъ на готовую почву и еще больше подчеркиваетъ въ сознаніи личности различія ея съ ея средой. Вотъ почему отцы церкви считали кротость признакомъ смиренія, а гнѣвность признакомъ гордости. Мистикъ Достоевскій раздѣлялъ этотъ взглядъ, столь ярко отразившійся въ фигурахъ Ивана Карамазова съ одной стороны, Алеши и старца Зосимы съ другой.

Изъ этихъ положеній съ несомнѣнностью вытекаетъ, что соціально-біографическія условія, вызывающія у конкретной личности сильное повышеніе симпатіи, тѣмъ самымъ должны способствовать прощенію съ ея стороны. Такимъ предрасполагающимъ къ прощенію моментомъ является какая-либо радость, возникшая у данной личности. Личность, испытывающая большую радость, находится въ такомъ субъективномъ состояніи, когда обычное будничное состояніе ей кажется сѣрымъ, невзрачнымъ. Всякое дѣйствительное страданіе другого по контрасту съ ея состояніемъ особенно сильно поражаетъ ея воображеніе. Поэтому, въ такіе моменты чужое страданіе вызываетъ со стороны ликующей личности особенно сильную симпатію. Это повышеніе симпатіи и обусловливаетъ подавленіе гнѣва, прощеніе. Случаи помилованій и амнистій по поводу большихъ радостей въ семьѣ монарха представляютъ лучшую иллюстрацію этого положенія. Древній еврейскій обы-

чай выпускать въ первый день Пасхи одного преступника, обычай столь укоренившійся, что его соблюдали даже римскіе преторы въ Іудеѣ [1]), существовавшее въ Московской Руси обыкновеніе царскаго помилованія въ день Свѣтлаго Воскресенія—все это явленія того же порядка.

Возможны, однако, личности, у которыхъ сила симпатіи вызывала бы прощеніе постоянно, въ видѣ общаго правила безъ исключительныхъ возбуждающихъ факторовъ. Конечно, полная органическая неспособность къ агрессивной эмоціи самосохраненія представляла бы біологическую аномалію. Но для всеобщаго дѣйствія симпатіи въ допущеніи такой аномаліи и не представляется надобности. Если гнѣвъ подавляется, заглушается симпатіей въ первые же моменты своего возникновенія, то на ряду съ яснымъ осужденіемъ преступника выступаетъ въ сознаніи и полное прощеніе его. По своему существу гнѣвъ, какъ эмоція агрессивная, неразрывно связанъ съ представленіемъ о страданіи, которое должно наступить для другой стороны. Если у личности, испытывающей гнѣвъ, симпатія къ людямъ вообще сильно развита, если эта симпатія обладаетъ большой возбудимостью, то самаго этого представленія о будущемъ чужомъ страданіи можетъ быть достаточно, чтобы вызвать бурный подъемъ симпатіи, совершенно заглушающей болѣе слабое чувство гнѣва. Гнѣвъ при такихъ условіяхъ можетъ возникать лишь въ видѣ минутныхъ вспышекъ, немедленно же подавляемыхъ. Самая сфера его дѣйствія значительно сократится, вслѣдствіе постоянной огромной симпатіи и ограничится лишь нарушеніями наиболѣе важныхъ императивовъ. Въ этихъ предѣлахъ въ сознаніи личности возникаетъ почти параллельно осужденіе зла и прощеніе злого. Если такая личность, будучи морально значительно болѣе развитой, нежели общество, находится въ субъек-

[1]) Евангеліе отъ Луки гл. 23, ст. 17.

тивномъ состояніи бунта противъ среды, то получается явленіе, сходное съ перемѣнными электрическими токами въ физикѣ: постоянное смыканіе и размыканіе цѣпи, возникновеніе и подавленіе гнѣвныхъ эмоцій, осужденіе и прощеніе.

Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи такая широкая симпатія можетъ привести къ полному невозникновенію гнѣва, ко всеобщему неосужденію. Въ этихъ случаяхъ приходится констатировать такой огромный потенціалъ симпатіи, котораго психологически противоположная эмоція гнѣва никогда, ни при какихъ условіяхъ не можетъ побѣдить. Въ своемъ идеологическомъ обоснованіи эта форма всепрощенія неизбѣжно приходитъ къ одному изъ видовъ, разсмотрѣнныхъ выше, ко всеобщему неосужденію, вслѣдствіе кажущейся только преступности. Чрезвычайно сильно подчеркивая въ субъективномъ сознаніи сходства между собою и другими, симпатія должна вызывать огромное, подавляющее напряженіе этого сознанія сходствъ, когда она доводится до своего логическаго конца. Поэтому самое нарушеніе императива однимъ изъ членовъ среды тоже подхватывается этимъ сознаніемъ сходствъ. Возникаетъ представленіе, что грѣховны всѣ, и конкретная форма грѣха совершенно не имѣетъ значенія. Получается типичное аскетическое міросозерцаніе. Странникъ Лука у Горькаго, всю жизнь скитающійся по ночлежкамъ, постоянно сталкивающійся съ различными формами человѣческаго грѣха и паденія, выражаетъ свою симпатію къ людямъ, именно, въ такомъ міросозерцаніи: онъ уважаетъ и жуликовъ, ибо всѣ грѣшны, прощаетъ убійство, какъ ошибку, какъ заблужденіе, говоря „ничего нѣтъ труднаго, люди эдакъ часто заблуждаются“; всѣ грѣховны и потому никого нельзя осуждать. Тургеневская Лиза, избѣгающая говорить и думать о людяхъ, которыхъ она боится осудить, уходитъ въ монастырь, повинуясь своему аскетическому міросозерцанію. Старецъ Зосима, въ исповѣдальной котораго

тайны человѣческихъ грѣховъ раскрывались во всемъ своемъ многообразіи, обладаетъ исключительной любовью къ людямъ, исключительно сильнымъ сознаніемъ всеобщей грѣховности и исключительно полнымъ неосужденіемъ. Въ этой полной формѣ неосужденіе становится настолько существенной чертою личности, что увѣренно эективируется на всякаго нормальнаго члена среды и вызываетъ появленіе въ личномъ сознаніи соотвѣтственнаго императива.

Но императивную форму можетъ принять и другой видъ всепрощенія, прощеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, подавленіе возникающаго гнѣва. Его императивное значеніе также обусловливается существеннымъ мѣстомъ въ синтезѣ личности. Вторая половина творчества Горькаго, съ его страстнымъ гнѣвомъ и всеподавляющей, всепоглощающей любовью къ людямъ могучими линіями очерчиваетъ передъ нами императивъ милосердія. Этимъ императивомъ проникнута вся поэзія Чехова, начиная съ его первыхъ твореній и кончая его лебединой пѣснью, драмой-поэмой „Вишневымъ садомъ". „Надо быть милосерднымъ, надо быть милосерднымъ"! говоритъ Соня въ „Дядѣ Ванѣ". Ея далекая, усталая вѣра въ „милосердіе, которое наполнитъ собою весь міръ", еще не есть идеологія. Требованіе милосердія вырывается изъ ея изстрадавшейся души, непосредственно вдохновленное любовью. Воплощенный образъ такой любви, прощающей и повелѣвающей прощать, еще недавно жилъ между нами въ лицѣ великаго старца— Толстого. Въ философіи такой императивъ милосердія формулированъ Владиміромъ Соловьевымъ.

Какая же изъ этихъ двухъ формъ всепрощенія— всеобщее неосужденіе или всеобщее милосердіе,— болѣе адэкватна природѣ соціальныхъ отношеній? Аскетическая идея неосужденія, невозникновенія негодованія, представляетъ въ принципѣ отказъ отъ всякой общественной реакціи на нарушеніе императивовъ. Совершила ли личность преступленіе или нѣтъ, она оди-

наково грѣховна и одинаково непреступна. Если бы такая точка зрѣнія сдѣлалась господствующей въ какой либо соціальной средѣ, если бы нормальный членъ этой среды никого и ни въ чемъ не осуждалъ, то личность, эективируя на самое себя эективное сознаніе среды, не находила бы въ этомъ сознаніи осужденія ни одному поступку. При такихъ условіяхъ, когда среда ничего ни отъ кого не требуетъ, не могло бы возникнуть почвы для требованія къ самому себѣ. Если у такой личности имѣется по крайней мѣрѣ вѣра въ безгрѣшный идеалъ, въ Бога, могущаго осудить, ибо Онъ Самъ абсолютно чистъ—тогда возможенъ императивъ въ отношеніяхъ къ Богу, императивъ религіозный. Но если этой вѣры нѣтъ, если по особенностямъ эпохи или конкретной индивидуальности религіозный идеалъ играетъ слабую роль, то господство всеобщаго неосужденія должно было бы повести ко всеобщему распаденію императивовъ. Поэтому такъ необходимъ Богъ Достоевскому и его героямъ, поэтому Иванъ Карамазовъ говоритъ, что если нѣтъ загробной жизни, тогда все дозволено. Мы видѣли, что императивы черпаются изъ эективаціи на самого себя осужденія, нормальнаго въ средѣ. Не находя у другихъ членовъ общества осужденія, индивидуумъ не имѣетъ откуда его взять. Поэтому соціально-нормальной, могущей господствовать безъ разрушенія системы императивовъ, можно признать только ту форму всепрощенія въ тѣсномъ смыслѣ всеобщаго милосердія, которая сохраняетъ моментъ осужденія.

Съ идеей всепрощенія, особенно въ ея аскетической формѣ имѣетъ нѣкоторую близость идея непротивленія злу. Непротивленіе злу представляетъ симпатію, доведенную не только до логическаго, но и до біологическаго конца: до полной атрофіи агрессивныхъ формъ инстинкта самосохраненія. Если неосужденіе зла представляетъ соціальную аномалію, то непротивленіе злу составляетъ уже аномалію біологическую. Разновид-

ность, которая утратила бы агрессивныя формы самосохраненія, была бы обречена на неминуемую гибель въ силу естественнаго отбора. Быть можетъ, моралисты могли бы сказать, что необходимость противленія злу есть только несовершенство нашей біологической природы; возможно даже, что это правда. Но въ реальномъ человѣческомъ обществѣ непротивленіе злу представляется неосуществимымъ; и вполнѣ послѣдовательно глубоко гуманный философъ Владиміръ Соловьевъ, проповѣдуя милосердіе, отрицалъ вмѣстѣ съ тѣмъ непротивленіе злу. Высшая точка адэкватнаго природѣ соціальныхъ отношеній развитія симпатіи—это всепрощеніе въ формѣ всеобщаго милосердія. Образъ Толстого, творчество Чехова и Горькаго, философія Владиміра Соловьева раскрываютъ передъ нами идеалъ соціальнаго развитія любви и милосердія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Границы соціальной связи.

Значеніе органическихъ различій между человѣкомъ и животными. Интроспекція, какъ отличительная особенность homo sapiens. Вліяніе интроспективнаго самосознанія на соціальную связь и ея важнѣйшія проявленія. Вопросъ о соціальной связи, религіи, власти, собственности и т. д. у животныхъ. Мѣсто стадной жизни въ генезисѣ соціальной связи. Неразрывная двусторонность субъективнаго и эективнаго сознанія личности и общества. Теорія проф. де-Роберти. Заключеніе.

Эволюціонная теорія въ біологіи и психологіи съ колоссальнымъ богатствомъ и убѣдительностью данныхъ доказала генезисъ физіологіи и психологіи человѣка отъ общаго предка съ человѣкообразной обезьяной. Это положеніе, провозглашенное еще Дарвиномъ и въ настоящее время ставшее трюизмомъ, предрѣшаетъ и происхожденіе человѣческихъ обществъ отъ животныхъ стадъ. Но само собою понятно, что генетическій признакъ, общность происхожденія еще не предрѣшаетъ логическаго признака тождества природы. Именно, объемъ логическаго понятія, а не исторія происхожденія интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ. Особенности человѣческаго развитія, его громадное превосходство по сравненію даже съ наиболѣе развитыми животными, не подлежитъ сомнѣнію. И первый вопросъ,

который встаетъ передъ соціологомъ—каково вліяніе этихъ особенностей на соціальную связь?

На протяженіи лѣстницы зоологическаго развитія мы видимъ постепенное увеличеніе сознательной дѣятельности. Наслѣдственно-фиксированная передача становится все менѣе полной, все болѣе смѣшивается съ элементами сознательной дѣятельности. Инстинкты на разныхъ стадіяхъ психофизическаго развитія обнаруживаютъ различное сочетаніе, различную примѣсь элементовъ разсудочности [1]). Чѣмъ выше мы поднимаемся по скалѣ, тѣмъ болѣе мы приближаемся къ разумно-волевому типу, кульминаціонную точку котораго среди живыхъ организмовъ, представляетъ человѣкъ. Съ приближеніемъ къ разумно-волевому типу возрастаетъ ясность сознанія. Оно и естественно. Въ разумной дѣятельности сознаніе индивидуума играетъ руководящую роль въ процессѣ приспособленія къ окружающей средѣ; но такая руководящая роль сознанія можетъ дать болѣе или менѣе правильное приспособленіе лишь въ томъ случаѣ, если моменты, въ отношеніи которыхъ происходитъ приспособленіе, отражаются въ сознаніи отчетливо, опредѣленно. При смутномъ неопредѣленномъ отраженіи руководящая роль сознанія была бы гибелью, а не преимуществомъ и слѣдовательно, была бы устранена естественнымъ отборомъ. Поэтому, именно, ясность сознанія является необходимымъ условіемъ разумно-волевого типа, и по мѣрѣ приближенія къ нему по зоологической лѣстницѣ, соотвѣтственно увеличивается и ясность сознанія. Поэтому, естественно, наибольшую ясность сознанія имѣетъ человѣкъ. Онъ осуществляетъ наиболѣе полно разумно-волевой типъ, въ его сознаніи наиболѣе полно и отчетливо отражается процессъ приспособленія къ окружающей средѣ.

---

[1]) Ромэнсъ. Умъ животныхъ, Mental Evolution in Animals Schneider, der Thierische Wille, Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ. С.-Петерб. 1898 г.

Это отчетливое преломленіе въ субъективномъ сознаніи процесса приспособленія должно, конечно, коснуться и центральнаго пункта субъективнаго сознанія, сознанія своего „я“. И дѣйствительно, развитое сознаніе человѣка имѣетъ то свойство, котораго лишенъ животный міръ—полное интроспективное самосознаніе, сознаніе себя, какъ источника мысли. Блестящія изслѣдованія Ромэнса устанавливаютъ различіе между человѣкомъ и животнымъ, главнымъ образомъ, въ процессѣ интроспекціи, отчетливаго сознанія своей собственной духовной дѣятельности. Моментъ интроспекціи и личнаго самосознанія даетъ разумную, сознающую себя человѣческую мысль, человѣческое „сужденіе“ [1]). Наоборотъ, у животныхъ, гдѣ сознаніе отличается несравненно меньшей ясностью самосознанія въ собственномъ смыслѣ, сознанія себя, какъ источника мысли, не можетъ быть. У животныхъ нѣтъ даже условій, необходимыхъ для возникновенія интроспекціи. Развитіе человѣка значительно превосходитъ развитіе животныхъ не только на стадіи интроспекціи, но и въ предшествующихъ ей подготовительныхъ моментахъ [2]). Высшая ступень, доступная животнымъ, заключена въ сферѣ непреднамѣреннаго безсознательнаго отвлеченія, „рецепта“,по терминологіи Ромэнса [3]). Птица, стремглавъ бросающаяся въ море, хищникъ, отличающій опредѣленный родъ добычи, обнаруживаютъ общее распознаваніе воды и пищи. Безконечно повторяясь, отдѣльныя представленія ассоціировались, сложились въ нѣкоторую общую сумму; но самое это общее представленіе не сознается, какъ таковое, какъ продуктъ дѣятельности сознанія. Чтобы превратиться въ мысль, ему не достаетъ интроспекціи, процесса внутренняго самосознанія.

---

[1]) Романесъ. Духовное развитіе человѣка стр. 32—33. Baldwin, Interp. soc. et. mor des. princ. du devel. ment. p. 131—132 243—253, 356—364.

[2]) Романесъ op. cit. pass. особенно стр. 291, 309.

[3]) Ibid. pass. особенно стр. 48—55.

Конечно, говорить объ отсутствіи самосознанія можно лишь относительно, имѣя въ виду самосознаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ отчетливое, ясное сознаніе своихъ душевныхъ состояній, и вытекающій изъ интроспекціи волевой актъ. Въ зачаточной формѣ, какъ отраженіе нѣкоторыхъ физіологическихъ основъ, сознаніе себя должно быть присуще и животнымъ. Сознаніе своего тѣла, сознаніе своей активности, хотя бы вслѣдствіе мускульнаго чувства, безусловно имѣется у животныхъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя не согласиться съ Вундтомъ, проводящимъ идею зачатка будущаго самосознанія въ самыхъ элементарныхъ психофизическихъ организаціяхъ и слѣдящимъ за постепеннымъ ростомъ элементовъ самосознанія вплоть до его окончательной формы человѣческаго развитія[1]). Тонкій анализъ Ромэнса и Болдуина доказываетъ, что характерной чертой человѣческаго самосознанія является, именно, отсутствующее у животныхъ преломленіе въ сознаніи своихъ субъективныхъ состояній подъ давленіемъ сознающей себя мысли, то особое сознаніе своей психической жизни, возникающее, благодаря интроспективной мысли. Испытывая удовольствіе или страданіе, животное съ трудомъ отдѣляетъ ихъ отъ раздражителя, ихъ вызвавшаго; между тѣмъ, человѣкъ сознаетъ свое состояніе, какъ субъективное, переживаетъ его, какъ ингредіентъ своей личности, сознаетъ себя мыслящимъ, а вслѣдствіе этого тонко чувствующимъ и цѣлесообразно дѣйствующимъ субъектомъ. У человѣка самосознаніе „субъективное“, а не „объективное“, какъ у животныхъ[2]). Это субъективное самосознаніе человѣка и

---

[1]) Wundt, Vorles. über Menschen u. Thieresseele I. S. 459.

[2]) Ромэнсъ op. cit. гл. X, Baldwin loc. cit. Ничего новаго въ этотъ вопросъ не внесли наблюденія Кралля (Denkende Thiere), указывающія лишь нѣкоторое расширеніе рецептуальной сферы и веденныя безъ научныхъ методологическихъ пріемовъ, что отмѣченно IX съѣздомъ зоологовъ въ Монако въ 1913 г. Проф. Джемсъ считаетъ, что животныя отличаются отъ

есть полное внутреннее отраженіе совершающагося процесса приспособленія къ окружающей средѣ, кульминаціонный пунктъ разумно-волевого типа.

Въ связи съ наиболѣе полнымъ осуществленіемъ разумно-волевого типа находится и болѣе полное развитіе процессовъ вниманія. Вниманіе по существу своему представляетъ реакцію на воскресающую въ сознаніи систему воспоминаній [1]). Поэтому, вполнѣ естественно, чѣмъ богаче будетъ эта система, тѣмъ острѣе, разностороннѣе будетъ вниманіе, тѣмъ болѣе широкую сферу явленій оно охватитъ. Отсюда вытекаетъ тотъ фактъ, что съ ростомъ духовнаго развитія расширяется сфера вниманія [2]). Вниманіе рефлективное реагируетъ на большій кругъ воспріятій потому, что многіе ингредіенты этихъ воспріятій уже вошли въ систему осуществленныхъ приспособленностей, уже наложили свою печать на психофизическое развитіе организма. Произвольное вниманіе только начинаетъ развиваться на этихъ высокихъ ступеняхъ; оно по существу своему требуетъ высокаго сознанія, ибо представляетъ сознательно намѣренно направленную реакцію съ полнымъ знаніемъ цѣлей и средствъ [3]). Поэтому главное различіе между психологіей человѣка и животныхъ, которое приводитъ Вундтъ, процессы сложныхъ апперцепціонныхъ соединеній, построенные на

человѣка малымъ развитіемъ ассоціацій по сходству. (Психологія, стр. 300). Однако факты врядъ ли подтверждаютъ такой выводъ въ полномъ объемѣ. Съ увѣренностью можно сказать, что у животныхъ очень узкая сфера ассоціацій по сходству. Но сфера ассоціацій по сходству находится въ прямомъ соотношеніи съ общимъ духовнымъ развитіемъ, слѣдовательно, съ ясностью сознанія, отчетливостью и полнотой внутренняго, самосознанія.

[1]) Болдуинъ. Дух. раз. дѣт. и индив. челов. рода т. II стр. 45.

[2]) Ср. Рибо. Воля въ ея нормальномъ и болѣзненныхъ состояніяхъ пер. съ 8 франц. изд. С.-Петерб. 1894 стр. 78. Психологія вниманія, Кіевъ 1897 г. стр. 12.

[3]) Рибо. Психологія вниманія стр. 48 слѣд.

произвольномъ вниманіи, дѣятельность мышленія и творческаго воображенія [1]),—это различіе всецѣло входитъ въ то же русло болѣе полнаго осуществленія разумно-волевого типа. Но даже съ точки зрѣнія школы Рибо, считающей что случаи наиболѣе интенсивной дѣятельности мышленія и творческаго воображенія, всѣ случаи „вдохновенія“ зависятъ отъ рефлективнаго вниманія [2]), является несомнѣннымъ, что столь утонченныя формы рефлективнаго вниманія требуютъ высокаго духовнаго развитія. Утонченность приспособленія вниманія составляетъ отличительную черту разумно-волевого типа и неразрывно связана со свойственной ему ясностью сознанія и тонкой приноровленностью дѣятельности.

Такимъ образомъ, различія между человѣкомъ и животными сводятся къ болѣе полному осуществленію разумно-волевого типа, къ ясности сознанія, утонченному вниманію, сознанію своей психической жизни, своего „я“. Конечно, всѣ эти свойства продолжаютъ развиваться какъ въ человѣческой личности, такъ и въ родѣ и послѣ момента перваго появленія отчетливаго сознанія своего „я“. Всякое новое пріобрѣтеніе знаній и приспособленностей, увеличиваетъ ясность сознанія, способность дальнѣйшаго приспособленія. Преломляясь въ личномъ синтезѣ, оно его обогащаетъ, увеличиваетъ интеллектуальный багажъ, соединяясь съ соотвѣтственными эмоціями, даетъ новыя, болѣе утонченныя чувствованія. Такимъ путемъ мы приходимъ къ тому процессу, который Вундтъ обозначилъ, какъ основной моментъ дальнѣйшаго развитія личнаго самосознанія: преобладаніе въ субъективномъ самосознаніи духовной стороны и вытекающей

---

[1]) Wundt, Phys. Psych. B. II. S. 618—619, Grundriss der Pychol. S. 329-330. См. въ этихъ же трудахъ отдѣлы объ „Apperceptionsverbindungen“.

[2]) Рибо. Воля въ ея норм. и болѣзн. сост. стр. 76—77, Психологія вниманія стр. 14—17.

изъ него волевой дѣятельности [1]). На высшихъ ступеняхъ этого развитія получается та картина непосредственнаго опредѣленія каждаго дѣйствія всѣмъ содержаніемъ личнаго синтеза, подъ давленіемъ личнаго самосознанія, которою характеризуется полный сознательный волевой актъ. Воля въ этомъ случаѣ представляетъ іерархическую координацію большаго числа стремленій и обусловливается всѣмъ содержаніемъ сознанія, всѣмъ складомъ личности [2]). Въ связи съ развитіемъ ясности сознанія и богатства системы воспоминаній расширяется какъ сфера дѣйствія, такъ и интенсивность вниманія. Способность къ сосредоточенности развивается. Тонкость реакцій вниманія на каждой данной ступени одновременно и выражаетъ опредѣленную стадію развитія, степень достигнутаго приспособленія, и является почвой для дальнѣйшаго приспособленія. Такимъ образомъ, развитіе личнаго самосознанія продолжается и послѣ перваго появленія въ сознаніи отчетливаго представленія о своемъ „я“; оно идетъ непрерывно въ теченіе всей жизни индивидуума, въ теченіе всего развитія вида. Между культурнымъ человѣкомъ и дикаремъ имѣются глубокія различія; и эти громадныя различія еще осложняютъ вопросъ о вліяніи личнаго самосознанія на соціальную связь. Объединяя въ понятіе общества самыя различныя ступени историческаго развитія, можемъ ли мы послѣдовательно провести грань въ отношеніи животныхъ или должны включить въ понятіе „общества“ и животныя стада? Другими словами, имѣетъ ли появленіе личнаго самосознанія рѣшающее значеніе для соціальной связи или оно является только одною изъ ступеней ея развитія?

Мы опредѣляли соціальную связь, какъ эективацію подражанія. Между тѣмъ, содержаніе эективнаго

---

[1]) Wundt. Phys. Psych. II S. 564.

[2]) Рибо. Воля въ ея норм. и болѣзн. проявл. pass. особенно стр. 53—54, 108, 118 Höffding op. cit. S. 415—416.

сознанія находится въ непосредственной зависимости отъ содержанія субъективнаго. Степень ясности субъективнаго сознанія, сознаніе своего „я“ непосредственно отражается въ эективномъ сознаніи. Поэтому при смутномъ, рецептуальномъ, „объективномъ“ самосознаніи, какъ у животныхъ, эективація будетъ совершенно зачаточная, крайне неясная, неопредѣленная. Подражаніе въ его широкихъ предѣлахъ даетъ непосредственное отрывочное, неясное и неточное ощущеніе сходства съ другимъ индивидуумомъ, ощущеніе, на которомъ основана симпатія [1]); и въ этомъ смыслѣ возможна примитивная эективація; хитрость, притворство животныхъ обнаруживаютъ такую зачаточную, примитивную эективацію. Но въ этой эективаціи есть только рецептуальный, т. е. неосознанный разсчетъ на сходство съ другимъ индивидуумомъ. Вслѣдствіе неясности субъективнаго самосознанія не можетъ быть и опредѣленнаго критерія сознанія, и дѣятельности другого индивидуума. Неясное сознаніе себя неминуемо связано съ неяснымъ сознаніемъ окружающихъ. Вслѣдствіе этого, не можетъ быть и отчетливаго сознанія отношеній между собою и окружающими. Подражательно пріобрѣтенный навыкъ не сознается необходимымъ обще-распространеннымъ моментомъ другихъ сознаній. Дѣйствительнаго процесса эективаціи подражанія не возникаетъ, ибо вся субъективная сторона этого процесса отсутствуетъ. А въ связи съ этимъ не можетъ возникнуть и необходимаго субъективнаго корреллата соціальной связи—императивныхъ формъ сознанія.

Психологическое возникновеніе императива обладаетъ значительной сложностью, необходимо требуетъ яснаго сознанія отношеній между своей личностью и окружающими. Чтобы возникло представленіе о требованіи опредѣленнаго поведенія со стороны другихъ, нужно ясно сознавать не только гнѣвную эмоцію, слѣ-

[1]) См. выше стр. 217.

дующую за неповиновеніемъ: необходимо понимать, что другіе опредѣленно ожидаютъ даннаго поступка, увѣренно эективируютъ на дѣятеля извѣстное поведеніе; что гнѣвная реакція есть въ данномъ случаѣ, именно, слѣдствіе неподтвержденія этого ожиданія, что нарушенія увѣренной эективаціи связаны съ осужденіемъ дѣятеля. Далѣе въ моментѣ эективаціи на самого себя, необходимо ясно сознавать свою принадлежность къ средѣ и вслѣдствіе этого обращенное къ себѣ самому и отъ своего лица требованіе среды объ опредѣленномъ поведеніи. А все это совершенно немыслимо безъ яснаго сознанія себя, какъ мыслящей, тонко, дифференцированно чувствующей и цѣлесообразно дѣйствующей личности, и своихъ отношеній съ другими, такими же личностями. Поэтому объ императивахъ, объ этомъ существенномъ корреллатѣ соціальной связи, не приходится и говорить у животныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаютъ и всѣ тѣ процессы разрыва и возстановленія соціальной связи, которые намъ приходилось разсматривать въ обществѣ. Отсутствіемъ яснаго эективнаго сознанія объясняется многократно отмѣченная невозможность для животныхъ высшихъ чувствъ, напр., религіознаго, нравственнаго и т. д. [1]).

Едва ли приходится упоминать о непримѣнимости къ стадной жизни основного принципа соціальной структуры. Существованіе пересѣкающихся и концентрическихъ круговъ соціальности возможно лишь при отчетливомъ сознаніи своей соціальной связи по разнымъ пунктамъ съ разными индивидуумами. А для этого первымъ необходимымъ условіемъ является, чтобы эти основные моменты своей личности, дающіе содержаніе различнымъ эективаціямъ, ярко выступали въ сознаніи. Сознаніе себя, какъ личности, сознаніе своей

---

[1]) Романесъ op. cit. стр. 8—9. Wundt Vorles. über Menschen u. Thieresseele B. II S. 186 ср. Phys. Psych. B. II S. 521—522.

психической жизни является логически неизбѣжной предпосылкой закона соціальной структуры.

Съ этой же точки зрѣнія субъективнаго самосознанія вполнѣ очевидны громадныя различія между человѣкомъ и животными въ подражательномъ воспріятіи новаго изобрѣтенія. У человѣка возможно заимствованіе путемъ высшаго напряженія сознательной жизни. Система уже осуществленныхъ приспособленностей отражается въ субъективномъ самосознаніи и въ этой системѣ опредѣляется мѣсто новаго изобрѣтенія. Субъективный критерій вѣры, основанный на всемъ содержаніи субъективнаго сознанія, отбираетъ тѣ элементы, которые согласуются со всей системой, и отвергаетъ противорѣчащіе. Совершающійся процессъ приспособленія болѣе или менѣе ясно отражается въ субъективномъ самосознаніи. Ясное самосознаніе придаетъ всему процессу приспособленія съ субъективной точки зрѣнія характеръ цѣлесообразности, гдѣ цѣлью является благополучіе своей личности. Наоборотъ, у животныхъ, гдѣ процессъ приспособленія весьма смутно и неполно отражается въ сознаніи, единственно возможный путь подражательнаго заимствованія—это простое внушеніе. Отборъ принимаемаго изобрѣтенія производится безсознательно, въ силу органической приспособленности къ нему. Ни о какомъ сознательномъ критеріи вѣры здѣсь говорить не приходится. Момента субъективной цѣлесообразности, процесса приспособленія также не возникаетъ. Кажущаяся разумность приспособленія вырабатывается исключительно естественнымъ отборомъ [1]). Выражаясь кратко, весь процессъ приспособленія не имѣетъ такого сознательнаго характера, какъ у человѣка, а потому его не можетъ имѣть и отдѣльный моментъ этого процесса, подражательное заимствованіе новаго изобрѣтенія.

---

[1]) Ср. Baldwin. op cit. p. 358.

Тѣ же различія между человѣкомъ и животными сказываются и въ отношеніи традиціи. Вся субъективная сторона традиціи отсутствуетъ у животныхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ личности, гдѣ нѣтъ яснаго сознанія психической жизни своей и окружающихъ, гдѣ нѣтъ отчетливаго сознанія своихъ отношеній къ окружающимъ— тѣмъ болѣе невозможно сознаніе своихъ отношеній черезъ окружающихъ старшихъ къ прошлымъ поколѣніямъ. Уже по одному этому нельзя говорить о субъективной сторонѣ традиціи у животныхъ. Тамъ, гдѣ подражательно пріобрѣтенный признакъ не сознается, какъ существенный моментъ свой личности, не можетъ быть и рѣчи о субъективномъ интересѣ къ источнику подражанія. Очевидно, вопросъ о соціальной связи съ прошлыми поколѣніями у животныхъ отпадаетъ самъ собой. А вмѣстѣ съ нимъ отпадаютъ и два характерныхъ момента традиціи: ея императивность и піэтетъ. Невозможность возникновенія у животныхъ императивныхъ формъ сознанія предрѣшаетъ, конечно, вопросъ и въ частномъ случаѣ императива въ отношеніи традиціи; но въ данномъ случаѣ это выступаетъ особенно ярко еще потому, что въ императивности традиціи соединились два момента, оба немыслимые у животныхъ: самый императивъ немыслимъ, а еще болѣе немысимъ такой императивъ, который охватываетъ соціальную связь съ прошлыми поколѣніями. Что же касается піэтета, то онъ возникаетъ, какъ мы видѣли, изъ нарастающей проэктивности сознанія въ отношеніи предковъ. Поэтому, если нѣтъ яснаго отчетливаго сознанія своей соціальной связи съ прошлымъ, то нѣтъ почвы и для піэтета.

Конечно, всѣ эти различія относятся только къ субъективному сознанію традиціи. Объективное явленіе передачи накопленныхъ пріобрѣтеній существуетъ у животныхъ и обусловливается органическимъ отборомъ. Если молодое поколѣніе подражательно не заимствуетъ существующихъ у старшихъ особей приспособленностей, то оно погибнетъ въ борьбѣ за существованіе.

Выживаютъ только тѣ особи, которыя подражательно перенимаютъ пріобрѣтенія старшихъ. Проэктивность молодого поколѣнія въ отношеніи старшаго существуетъ въ силу органическаго отбора, но не преломляется въ субъективномъ сознаніи молодого поколѣнія, не сознается имъ, какъ таковая. Различія, существующія между преемственностью соціальной связи даже въ самыхъ неразвитыхъ человѣческихъ обществахъ и явленіями преемственности приспособленностей у животныхъ настолько велики, что говорить о традиціи у животныхъ очень трудно. Было бы желательно болѣе строго разграничивать эти явленія и даже, можетъ быть, ввести соотвѣтственную терминологію.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ съ полной очевидностью, что объ общественномъ мнѣніи у животныхъ нельзя даже говорить серьезно. Всѣ основные моменты, образующіе общественное мнѣніе, отсутствуютъ въ стадной жизни. Нѣтъ у нихъ императивовъ, сознательной соціальной группировки, традиціи, критики новыхъ изобрѣтеній, слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть общественнаго мнѣнія.

Съ этой же точки зрѣнія вполнѣ ясны и различія между симпатіей животныхъ и взаимной симпатіей членовъ человѣческаго общества. Если нѣтъ яснаго субъективнаго, а слѣдовательно, и эективнаго сознанія, если отсутствуетъ сознаніе соціальной связи, то не можетъ быть и той квалифицированной симпатіи, которую даетъ соціальная связь. Симпатіи, вслѣдствіе сознаваемаго сходства психической жизни, сходства субъективныхъ и эективныхъ сознаній, нѣтъ у животныхъ. У нихъ можетъ быть только симпатія въ тѣхъ формахъ, которая непосредственно связана съ широкими предѣлами подражанія, зависящаго отъ біологическихъ сходствъ. Степень этихъ сходствъ, конечно, вліяетъ на полноту подражательнаго момента, а слѣдовательно, и на степень симпатіи. Поэтому между животными одного вида можетъ существо-

вать наибольшая симпатія. Симпатія эта возрастаетъ, когда взаимное подражаніе имѣетъ постоянный, длительный, хроническій, а не спорадическій характеръ. Но и въ этомъ моментѣ стадной жизни остается все то же существенное различіе между симпатіей стадныхъ товарищей и симпатіей членовъ общества: отсутствіе у животныхъ самаго существеннаго ингредіента человѣческой симпатіи—соціальной связи, сознаваемаго сходства своего субъективнаго и эективнаго сознанія съ окружающими.

Въ связи съ различіями въ традиціи и симпатіи стоятъ и различія между біологической и соціальной семьей. Мы видѣли, что типъ разумно-волевого приспособленія характеризуется слабостью, безпомощностью молодого поколѣнія при его появленіи на свѣтъ. Заботы старшихъ особей, не изолированная, а семейная жизнь во все время развитія молодого поколѣнія, являются безусловной необходимостью. Поэтому она развивается и упрочивается въ видѣ.

Изъ основныхъ моментовъ семьи можно констатировать только два момента, общихъ для семьи біологической и соціальной: съ одной стороны законами органическаго отбора обусловливается преемственность приспособленностей отъ старшаго къ молодому поколѣнію, съ другой стороны и въ біологической и соціальной семьѣ члены связаны между собою значительной взаимной симпатіей. Во всемъ остальномъ эти два типа семьи различны. Соціальная семья является прежде всего основной ячейкой, пересѣкающей множество линій соціальности. Сознаніе безчисленныхъ взаимно эективируемыхъ подражаній характеризуетъ соціальную семью. У животныхъ, какъ мы видѣли, ничего подобнаго быть не можетъ. Далѣе своеобразная группировка семьи на учителей—старшее поколѣніе и учениковъ—младшее поколѣніе существуетъ у животныхъ только фактически. Она не сознается, какъ таковая; отчасти вслѣдствіе этого, отчасти вслѣдствіе невозможности

императива и піэтета возникающее послушаніе молодыхъ не можетъ принять того характера обязанности долга, который встрѣчается въ соціальной семьѣ [1]). Относительно старшихъ особей также нельзя и говорить о сознаніи какого либо императива и піэтета въ передачѣ приспособленностей молодому поколѣнію. Обученіе у животныхъ существуетъ лишь въ зачаточномъ видѣ и имѣетъ исключительно самопроизвольный характеръ. Наоборотъ, въ человѣческомъ родѣ въ развитіи дѣтей главную роль играетъ высшая форма обученія, настойчивое сознательное подраженіе со стороны младшихъ и преднамѣренное, многократно повторяемое демонстрированіе со стороны старшихъ. Эта форма обученія совершенно недоступна даже высшимъ животнымъ, ибо она заключаетъ вполнѣ развитой волевой актъ, болѣе высокую стадію разумно-волевого типа. Въ этомъ смыслѣ даже самый процессъ передачи представляетъ значительныя различія въ человѣческомъ обществѣ, хотя бы неразвитомъ, и въ животномъ стадѣ. Симпатія въ соціальной семьѣ имѣетъ тотъ же квалифицированный характеръ, который придаетъ ей соціальная связь; тѣсная соціальная связь семьи обусловливаетъ, какъ мы видѣли, особую интенсивность этой квалифицированной симпатіи. Именно, этой симпатіи не можетъ быть въ біологической семьѣ. Симпатія въ біологической семьѣ имѣетъ совершенно безотчетный инстинктивный характеръ и поддерживается

---

[1]) Эспинасъ находитъ, что кошки и обезьяны, свирѣпѣющія при непокорности своихъ дѣтенышей, очевидно, считаютъ ихъ обязанными по отношенію къ себѣ; (op. cit. p. 383) но думается, что все это гораздо проще объясняется импульсивной реакціей раздраженія, борьбы, возникающей вслѣдствіе отсутствія единообразнаго со старшими дѣйствія со стороны молодыхъ, вслѣдствіе отсутствія подражанія. Идеи „обязанности“ въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова у животныхъ не можетъ быть потому, что, какъ признаетъ самъ Эспинасъ, у нихъ нѣтъ интроспективной мысли (idée réflechie p. 383).

естественнымъ отборомъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что хотя біологическая семья представляетъ чрезвычайно подходящую почву для развитія соціальной семьи, но самая природа біологической и соціальной семьи обнаруживаетъ между ними глубокія и существенныя различія.

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что съ теоретической стороны глубокія различія между развитіемъ человѣка и животныхъ имѣютъ существенное значеніе въ отношеніи соціальной связи и всѣхъ ея логическихъ слѣдствій. Не опровергаетъ этого вывода и тотъ фактическій матеріалъ, который приводятъ сторонники включенія животныхъ стадъ въ область соціологіи.

Опираясь на тотъ фактъ, что обезьяны хоронятъ мертвыхъ змѣй и вкладываютъ съ ними въ землю запасъ насѣкомыхъ, Пинзерро утверждаетъ наличность у обезьянъ культа змѣй и представленія о загробной жизни [1]). Врядъ ли, однако, этотъ фактъ служитъ достаточнымъ основаніемъ для столь смѣлыхъ выводовъ. Сущность религіознаго сознанія заключается, какъ мы видѣли, въ соціальной связи съ божествомъ, съ одной стороны въ эективаціи на божество извѣстныхъ моментовъ своего субъективнаго сознанія, съ другой стороны, въ напряженной проэктивности въ отношеніи божества. Тамъ, гдѣ нѣтъ субъективнаго самосознанія, гдѣ нѣтъ дѣйствительной эективаціи подражанія, не можетъ быть и религіознаго сознанія. И думается, что факты, приведенные Пинзерро, можно было бы объяснить гораздо проще, нежели культомъ. Отвлекаясь отъ человѣческаго представленія о похоронахъ, самый фактъ закапыванія въ землю, удаленія отъ себя вреднаго животнаго, не представляетъ ничего поразительнаго; естественно, что удаленіе можетъ наступить только въ тотъ моментъ, когда змѣя не реагируетъ, не кусаетъ при дотрагива-

---

[1]) См. Ковалевскій, Соціологія т. II стр. 224 стр. Groppali. Elementi di Sociologia, Milano 1905 p. 77—78.

нiи, т. е., переводя на нашъ научный языкъ, когда она мертва. То, что обезьяны вкладываютъ насѣкомыхъ, скорѣй доказываетъ отсутствіе представленія о смерти, нежели представленіе о загробной жизни. Послѣднее представленіе можно было бы доказать только обрядами, обнаруживающими въ теченіе долгаго времени послѣ смерти данной змѣи нерушимую проэктивность въ отношеніи ея. Но помимо полнаго отсутствія какихъ либо свѣдѣній о подобныхъ обрядахъ, a priori можно заключить объ ихъ невозможности у обезьянъ, ибо они предполагали бы сознательную проэктивность. Далѣе, насѣкомыя, если даже и могутъ служить пищей для змѣй, то очень скудной; они скорѣй всего наводятъ на мысль о вырабатываемомъ органическимъ отборомъ способѣ борьбы съ змѣинымъ ядомъ. Какъ извѣстно, когда змѣя часто кусаетъ, ея укусъ становится менѣе ядовитымъ, и подкладывая ей объекты для кусанія, этимъ растрачиваютъ ея ядъ. Къ тому же насѣкомыя представляютъ такой родъ пищи, что змѣя должна чрезвычайно много кусать до своего насыщенія. Отсюда можно было бы объяснить и заявленіе Гроппали, страдающее къ сожалѣнію, голословностью объ обильной пищѣ, доставляемой обезьянами змѣямъ [1]). Обиліе пищи служило бы громоотводомъ для змѣинаго яда въ отношеніи обезьянъ. Еще болѣе противорѣчитъ выводамъ Пинзерро его же указаніе на родъ пищи, на насѣкомыхъ. Насѣкомыя могутъ имѣть какое либо значеніе только для самыхъ небольшихъ змѣй; хотя и небольшія змѣи вообще пред-

[1]) Помимо голословности въ эти строки Гроппали вкралась неточность: говорится напр., о животной и растительной пищѣ змѣй: quei animali e quei vegetali... suo (змѣи) cibo prediletto p. 78, между тѣмъ ни у Брэма (Жизнь животныхъ С.-Петербургъ 1902 г. т. III ст. 62 - 63) ни у другихъ авторовъ нѣтъ указанiи относительно растительной пищи змѣй. Организація же змѣи (строеніе зубовъ, выдѣленіе яда у многихъ змѣй, способность громаднаго расширенія пасти, устройство глазъ, обусловливающее „змѣиный взглядъ“ и пр.) спеціально приспособлена къ животной пищѣ.

почитаютъ болѣе крупную добычу [1]). Но во всякомъ случаѣ интересно то, что заботы обезьянъ относятся не къ змѣинымъ гигантамъ а къ небольшимъ змѣямъ. Предположеніе культа сталкивается въ этомъ пунктѣ съ затрудненіемъ. Естественно было ты наиболѣе напряженное проэктивное состояніе въ отношеніи моментовъ, особенно поражающихъ воображеніе: большой опасности, гигантскихъ размѣровъ, трудностей борьбы; какъ напр., при внезапномъ нападеніи со стороны удава и т. д. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ религіозное представленіе возникаетъ, вниманіе направляется на большихъ змѣй. Обитатели Индіи почитаютъ опаснѣйшую очковую змѣю. Знаменитыя легенды о драконахъ имѣютъ своимъ реальнымъ фономъ гигантскихъ змѣй. Совершенно непонятно предпочтеніе, оказываемое обезьянами небольшимъ змѣямъ. А между тѣмъ, если дѣйствія обезьянъ объяснить естественными условіями ихъ существованія, то все дѣло покажется гораздо проще. Пища большихъ змѣй начинается съ животныхъ такой величины, которыя недоступны поимкѣ обезьянъ. Да и самое приближеніе къ большой змѣѣ является далеко не такимъ безопаснымъ, какъ къ малой. Подносить пищу большимъ змѣямъ до крайности опасно и трудно осуществимо. Конечно, органическій отборъ не могъ выработать такого способа борьбы. Мы въ этомъ имѣемъ новое доказательство, что не религіозныя представленія, не моментъ проэктивности здѣсь играетъ роль, а именно борьба за существованіе. Нельзя не признать, что выводъ Пинзерро является слишкомъ широкимъ для описываемыхъ имъ фактовъ. Быть можетъ, именно, поэтому, его попытка осталась изолированной и не встрѣтила сочувствія въ наукѣ.

Со времени появленія труда Эспинаса многіе авторы считаютъ, что у животныхъ имѣется зачатокъ власти: стадо имѣетъ своего вожака. Между тѣмъ, власть

---

[1]) Брэмъ loc. cit.

даже въ самыхъ неразвитыхъ человѣческихъ обществахъ значительно отличается по своей природѣ отъ предводительства стадомъ. Въ человѣческомъ обществѣ существенными моментами власти является императивность подчиненія ей. Ничего подобнаго мы не видимъ въ животныхъ стадахъ. Самъ Эспинасъ не отрицаетъ относительно наиболѣе развитыхъ животныхъ, обезьянъ полную самопроизвольность предводительства вожака и прибавляетъ, что вожакомъ бываетъ, обыкновенно, наиболѣе старый и опытный самецъ [1]). Получается картина совершенно пассивной проэктивности, стихійнаго подражанія наиболѣе чуткой къ опасности особи. Органическій отборъ вырабатываетъ такое подчиненіе. Это подчиненіе происходитъ фактически; оно становится привычнымъ, и при поимкѣ вожака стадо обнаруживаетъ безпокойство; оно не требуетъ яснаго сознанія своей проэктивности. Подобнаго сознанія и не можетъ возникнуть безъ субъективнаго самосознанія. Еще рѣшительнѣе отвергаетъ императивность власти вожака Брэмъ, который фигурально утверждаетъ, что вожакъ обезьяньяго стада „не избирается общей подачей голосовъ“ а фактически предводительствуетъ наиболѣе сильный самецъ, вышедшій побѣдителемъ изъ жестокаго побоища между сильнѣйшими [2]). Фактъ побоища при полномъ невмѣшательствѣ всего стада можетъ служить лучшимъ доказательствомъ отсутствія какого-либо однороднаго эективнаго сознанія въ обезьяньемъ стадѣ о необходимости подчиненія данному вожаку. Подчиненіе, какъ утверждаетъ Брэмъ [3]), является исключительно индивидуальнымъ для каждой особи и основано на индивидуальномъ страхѣ каждаго передъ вожакомъ. Это— полная противоположность императивному сознанію власти въ обществѣ.

---

[1]) Espinas op. cit. стр. 335 и слѣдующія.

[2]) Брэмъ. Жизнь животныхъ, С.-Петербургъ 1900 т. I стр. 25.

[3]) Ibid loc. cit.

Вполнѣ самопроизвольный характеръ имѣютъ также случаи кооперації у животныхъ. Сложные инстинкты, приводящіе къ затѣйливымъ постройкамъ муравьевъ, пчелъ, бобровъ, извѣстны. По детальнымъ изслѣдованіямъ Эспинаса, подобная дѣятельность происходитъ совершенно самопроизвольно и лишена преднамѣреннаго и опредѣленнаго плана [1]). Оно и понятно. Такой планъ требовалъ бы яснаго сознанія цѣли, назначенія работъ, пригодныхъ средствъ для достиженія этой цѣли и соотвѣтственнаго соединенія и раздѣленія труда; а каждое изъ этихъ условій возможно лишь при ясномъ и отчетливомъ преломленіи въ сознаніи моментовъ приспособленія, при внутренней цѣлесообразности, т. е. при самосознаніи. Поэтому a priori можно сказать, что всѣ кооперативныя дѣйствія даже высшихъ животныхъ инстинктивны и самопроизвольны. И дѣйствительно, въ классическомъ трудѣ Эспинаса установлено, что всѣ случаи соединенія и раздѣленія труда у животныхъ, какъ совмѣстныя работы, часовые, охраняющіе стаю или стадо отъ внезапнаго нападенія и т. п.—все это возникаетъ вполнѣ самопроизвольно.

Едва ли не преувеличены представленія о собственности у животныхъ. Извѣстно, что многія птицы и млекопитающія при вторженіи другихъ особей въ тѣ участки, на которыхъ они обыкновенно охотятся, вступаютъ съ ними въ ожесточенный бой. Гораздо проще и естественнѣе, нежели представленіями о собственности, объяснить эти явленія дѣйствіемъ борьбы за существованіе. Стая или стадо имѣетъ такую численность, которую допускаютъ пищевыя условія даннаго участка. Мы видѣли, что численность стада есть результатъ взаимодѣйствія двухъ противоположныхъ факторовъ, борьбы за существованіе и полезности совмѣстной жизни [2]). Эти два противоположныхъ фактора въ силу естественнаго отбора отражаются у животныхъ соотвѣтственной психофизиче-

[1]) Espinas op. cit. pass. особенно глава о муравьяхъ.

[2]) См. выше стр. 27—28.

ской реакціей. Агрессивность, гнѣвъ сопутствуютъ острой борьбѣ за существованіе, симпатія—коллективной жизни и длительнымъ процессамъ подражанія. И когда вступаетъ стая пришельцевъ и хватаетъ заманчивую добычу, она встрѣчается борьбой. Стадная группировка борьбы зависитъ, какъ мы видѣли, отъ упрочившихся процессовъ подражанія и, слѣдовательно, упрочившейся взаимной симпатіи между особями данной группы [1]). Самъ Эспинасъ совершенно не исключаетъ подобнаго объясненія и наоборотъ, указываетъ, что птицы собираются въ неисчислимыя стаи тамъ, гдѣ обильные запасы пищи не вызываютъ острой борьбы за существованіе [2]). Если же признать, что преобладаніе враждебности или симпатіи у животныхъ въ отношеніи особей той же породы зависитъ отъ условій борьбы за существованіе, тогда становится совершенно излишнимъ вводить представленіе о собственности. Съ теоретической точки зрѣнія можно сказать, что такое представленіе врядъ ли мыслимо. Представленіе о собственности требуетъ яснаго сознанія своихъ отношеній къ предмету. Когда нѣтъ сознанія себя, какъ субъекта, не можетъ быть, строго разграничивая, и представленія о собственности. Возможно лишь смутное рецептуальное сознаніе принадлежности въ отношеніи построеннаго жилища, собранныхъ зимнихъ запасовъ пищи и т. д. Для такого смутнаго сознанія принадлежности вполнѣ достаточно рецептуальнаго самосознанія и воспоминанія о своихъ дѣйствіяхъ при собираніи запасовъ и сооруженіи жилищъ. Предположить такое рецептуальное, неосознанное представленіе принадлежности въ отношеніи охотничьихъ участковъ очень трудно. Связь между пойманной добычей и воспоминаніемъ о совершонныхъ дѣйствіяхъ непосредственная. Между тѣмъ, принадлежность охотничьяго

[1]) См. выше стр. 39 подстр.

[2]) Espinas op. cit. стр. 316—318 вообще подобные факты въ главахъ о птицахъ и млекопитающихъ.

участка связана съ сознаніемъ потенціальной возможности поимки добычи, а не съ реально пойманной добычей. Поэтому трудно предположить, чтобы рецептуально могла возникнуть такая сложная связь; въ особенности сознаніе потенціальной возможности успѣшной охоты является чрезвычайно сложнымъ. Гораздо проще предположить, что между двумя стадами происходитъ побоище изъ-за добычи въ моментъ ея поимки вродѣ того, которое имѣетъ мѣсто при встрѣчѣ набѣговъ двухъ обезьяньихъ стадъ на одинаково чуждомъ имъ маисовомъ полѣ. Такія столкновенія должны часто происходить въ предѣлахъ обычныхъ районовъ охоты. Но заключить отсюда хотя бы о зачаточныхъ представленіяхъ о собственности едва-ли возможно. Скорѣе всего видъ пришельцевъ, ловящихъ добычу, вызываетъ, вслѣдствіе борьбы за существованіе, агрессивную реакцію.

Итакъ, мы видимъ, фактическая сторона вопроса о стадной жизни вполнѣ объясняется съ точки зрѣнія нашихъ теоретическихъ выводовъ [1]). И мѣсто стадной жизни въ генезисѣ соціальной связи очерчивается

---

[1]) Отсюда же объясняется и отсутствіе эективаціи подражанія, соціальной связи между человѣкомъ и прирученными животными. У животнаго не можетъ возникнуть процесса эективаціи подражанія, вслѣдствіе невозможности для него интроспективнаго самосознанія. Вслѣдствіе этого же отсутствія у животнаго интроспективной мысли и высшихъ чувствованій, человѣкъ не можетъ переносить на него основныхъ, моментовъ своего личнаго синтеза; для такой эективаціи нѣтъ почвы, ибо по этимъ существеннымъ свойствамъ соціальной личности не можетъ быть подражательнаго общенія между человѣкомъ и животнымъ. Навыки, заимствованные животными (напр., охотничьими собаками и др.) являются въ синтезѣ личности человѣка, настолько мелкими свойствами, что о самостоятельной эективаціи ихъ не приходится и говорить. Со стороны человѣка въ отношеніи животнаго возможна только зачаточная эективація, обусловленная нѣкоторыми общими біологическими сходствами; но переселенія существенныхъ чертъ своего субъективнаго самосознанія, процесса эективаціи подражанія быть не можетъ, не можетъ быть и соціальной связи.

ясно. Подражательный процессъ въ его первой стадіи, основанной на біологическихъ сходствахъ структуръ и функцій, имѣется у животныхъ. Но лишь съ появленіемъ субъективнаго самосознанія возникаетъ дѣйствительная эективація подражанія, соціальная связь. Этотъ моментъ появленія сознанія своей личности представляетъ самый высокій пунктъ въ скалѣ психофизическаго развитія живыхъ существъ. Стадная жизнь неминуемо предшествуетъ этой ступени развитія. Совмѣстная жизнь способствуетъ умственному развитію животныхъ. Процессами подражанія передаются накопленныя приспособленности, выработанные способы реакцій и т. д., и такимъ образомъ, расширяется кругъ представленій. Способствуя быстрому воспріятію филогенетическаго наслѣдія, преемственность ставитъ каждое послѣдующее поколѣніе въ болѣе благопріятныя условія по сравненію съ предыдущимъ. Безъ этой преемственности, возможной только при условіяхъ совмѣстной жизни, разумно-волевой типъ не можетъ существовать. Такимъ образомъ, не только генетически, но и логически совмѣстная жизнь предшествуетъ развитому разумно-волевому приспособленію, слѣдовательно, и появленію субъективнаго сознанія.

По мѣрѣ развитія субъективнаго самосознанія происходятъ глубокія измѣненія и въ самомъ строѣ совмѣстной жизни. Параллельно съ субъективнымъ сознаніемъ развивается и эективное. Подражаніе, интроспективно сознаваемое, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ логической неизбѣжностью и подражаніе эективируемое. Сознаніе себя и сознаніе другого, личность и соціальная связь не только въ онтогенезисѣ, но и въ филогенезисѣ возникаютъ одновременно. Личность и общество не раздѣлимы ни въ логическомъ, ни въ генетическомъ порядкѣ.

Думается, что, именно, въ такомъ смыслѣ было бы желательно внести нѣкоторое измѣненіе въ столь удачную въ общихъ чертахъ схему классификаціи

наукъ проф. де-Роберти[1]). Нельзя не признать совершенно правильной въ основѣ идею де-Роберти, что группа явленій, обнимаемыхъ современной наукой „психологіей“, не составляетъ чего либо цѣльнаго, предшествующаго въ логическомъ порядкѣ факту общественности: это группа составная, одна часть которой предшествуетъ общественности, а другая слѣдуетъ за ней. Въ методологическомъ смыслѣ можно согласиться съ построеніемъ спеціальной дисциплины о человѣческомъ интеллектѣ, обнимающей оба круга явленій; но въ смыслѣ классификаціонномъ, поставитъ всю эту дисциплину на одно цѣльное мѣсто невозможно. Въ этомъ отношеніи поправка де-Роберти къ обычной схемѣ классификаціи наукъ является совершенно правильной: то, что обыкновенно называютъ „психофизіологіей“—представляетъ по своему содержанію біологію интеллекта и должно найти свое мѣсто среди біологическихъ наукъ; то, что называютъ „высшей психологіей“, представляетъ соціологію интеллекта, и мѣсто этой дисциплины находится среди наукъ соціальныхъ. Но трудно согласиться съ той гранью между обѣими группами наукъ, съ той демаркаціонной линіей соціальности, которую предлагаетъ проф. де-Роберти. Сущностью „надорганическаго явленія“ этотъ вдумчивый мыслитель считаетъ процессъ психическаго взаимодѣйствія. Элементарное психофизическое взаимодѣйствіе индивидуумовъ-особей создаетъ коллективный опытъ, дающій начало объективной, понятной для всѣхъ мысли, которая служитъ основой высшихъ стадій взаимодѣйствія, взаимодѣйствія психологическаго; это послѣднее въ свою очередь порождать всю массу высшихъ психологическихъ и историческихъ явленій [2]).

Въ этой теоріи процессы психическаго взаимодѣйствія, съ которыми отождествляется общественность,

---

[1]) Де-Роберти. Новая постановка основныхъ вопросовъ соціологіи стр. 84—86, 93—95.

[2]) Де-Роберти op. cit. pass. особенно гл. II.

взяты совершенно, какъ эмпирическій фактъ, безъ малѣйшей попытки уловить законъ этого взаимодѣйствія, установить какія либо постоянныя опредѣленныя, отношенія сочетанія отдѣльныхъ біо-индивидуальныхъ опытовъ въ единый коллективный. Въ томъ примѣненіи, какое Е. де-Роберти даетъ этому термину, „коллективный опытъ“ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что въ настоящей работѣ называлось „уравнивающимъ содержаніе сознаній дѣйствіемъ подражанія“. Только понимая подъ терминомъ „коллективый опытъ“ подражательный процессъ въ его первомъ моментѣ, подражаніе въ широкомъ смыслѣ, можно говорить о „смутномъ коллективномъ опытѣ въ животныхъ стадахъ“, какъ это дѣлаетъ де-Роберти [1]). Но въ такомъ случаѣ, коллективный опытъ, охватывая сферу гораздо болѣе широкую, нежели соціальная связь, не можетъ служить базисомъ для адэкватной теоріи соціальности.

Конечно, нельзя отрицать возможность построенія адэкватной научной теоріи на принципѣ болѣе широкомъ, нежели соціальная связь, на принципѣ психическаго взаимодѣйствія. Но въ такомъ случаѣ во всѣхъ пунктахъ, гдѣ эта теорія коснется явленій соціальныхъ въ тѣсномъ смыслѣ, ея единство должно быть прервано вторженіемъ новаго причиннаго ряда. Весь вопросъ о соціальной связи, о взаимоотношеніи мыслящихъ сознаній возможенъ только на почвѣ самаго факта мысли, субъективнаго самосознанія личности. Между тѣмъ, появленіе субъективнаго самосознанія обусловливается, какъ признаетъ и Е. де-Роберти, помимо коллективнаго опыта еще однимъ факторомъ, высокой, „психофизической энергіей“ [2]), наиболѣе полнымъ осуществленіемъ разумно-волевого типа.

Появленіемъ субъективнаго самосознанія обширная область процессовъ взаимодѣйствія какъ бы раз-

---

[1]) Ibid. стр. 51—52.

[2]) Ibid. стр. 52.

двапвается на высшую и низшую стадіи; сознаніе своей личности превращаетъ взаимодѣйствіе изъ психофизическаго въ психологическое. Поэтому всѣ процессы, въ основѣ которыхъ лежитъ субъективное самосознаніе, процессы взаимодѣйствія психологическаго, съ логической неизбѣжностью вытекаютъ изъ сочетанія обоихъ причинныхъ рядовъ, коллективнаго опыта и психофизической энергіи; процессы эти по самому существу своему представляютъ слѣдствія смѣшаннаго характера, въ которомъ участвуетъ оба ряда, и выдѣлять одинъ изъ нихъ нельзя. А если такъ, то всякая теорія, построенная на одномъ изъ этихъ рядовъ, либо не объяснитъ психологическаго взаимодѣйствія, либо нарушитъ единство своего основного принципа. Это послѣднее дѣйствительно замѣчается въ теоріи Е. В. де-Роберти. Краеугольнымъ камнемъ процессовъ психологическаго взаимодѣйствія и всей теоріи эволюціи Е. де-Роберти кладетъ четыре разновидности мысли [1]). Мысль же, принадлежа къ существенной природѣ сознающей себя личности, обусловливается сочетаніемъ обоихъ причинныхъ рядовъ: психофизической энергіи и коллективнаго опыта.

Съ точки зрѣнія соціальной доктрины, появленіе отчетливаго сознанія своего „я“ представляется моментомъ исключительнаго значенія. Появленіе сознанія своей личности, раздѣляя обширную область процесса взаимодѣйствія на двѣ стадіи, низшую и высшую, тѣмъ самымъ обусловливаетъ необходимость составной теоріи соціальной связи. Соціальная связь, относящаяся, какъ мы видѣли, къ высшей стадіи, не можетъ исчерпываться однимъ только моментомъ: законъ взаимоотношенія сознаній безъ закона ихъ реальнаго сходства оторванъ отъ своей психологической основы и потому не имѣетъ подъ собою теоретической почвы, законъ сходства сознаній безъ закона ихъ взаимоотно-

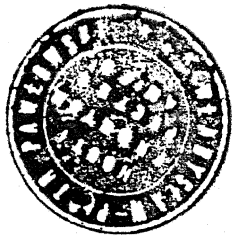
[1]) Ibid. гл. IV.

шенія не раскрываетъ сущности явленія; ни уравнивающее дѣйствіе подражанія, ни психологическій фактъ эективаціи, взятые отдѣльно, соціальной связи не даютъ. Только ихъ сочетаніе можетъ дать адэкватное объясненіе явленія соціальной связи. Въ теоріи коллективнаго опыта, соотвѣтствующей только одному изъ этихъ моментовъ, мы такого объясненія не найдемъ.

Еще менѣе можно согласиться съ возраженіями, выдвинутыми де-Роберти противъ психологической школы и основанными на производности нѣкоторыхъ сторонъ личности отъ факта общества [1]). Неразрывная генетическая связь между сознающей себя личностью и скрѣпленнымъ соціальной связью общежитіемъ, полная корреллативность этихъ двухъ явленій еще не предрѣшаетъ вопроса о логическомъ приматѣ одного изъ нихъ надъ другимъ. Едва ли требуетъ доказательства то методологическое положеніе, что вопросы теоретическіе, внутренняя природа явленій, природа сознающей себя личности и особенно природа общества познаются главнымъ образомъ, аналитическимъ путемъ. Анализъ общества непосредственно указываетъ намъ на его матеріальный составъ изъ отдѣльныхъ личностей, между тѣмъ, какъ анализъ личности, цѣльнаго индивидуальнаго сознанія можетъ указать лишь вліяніе общества на ея психологическій строй. Лишь выясненіе взаимоотношенія этихъ ячеекъ общества между собою, изученіе связи, объединяющей ихъ сознанія и дѣятельности, можетъ раскрыть намъ внутреннюю теоретическую природу одного изъ двухъ корреллативныхъ явленій общества. Конечно, при этомъ явленіе сознающей себя личности приходится сначала брать эмпирически; но раскрывъ природу общества, мы получаемъ возможность подступить и къ природѣ личности. Здѣсь передъ нами типичное уравненіе съ двумя неизвѣстными; и рѣшать это уравненіе возможно толь-

[1]) Ibid. стр. 76—77.

ко, исключая на время одно неизвѣстное, отказываясь временно отъ его объясненія и замѣняя это объясненіе эмпирическими данными. Инымъ путемъ, какъ исключеніемъ мы бы никогда не могли добраться до рѣшенія нашего уравненія, ибо генезисъ личности и общества отъ насъ скрытъ, и наблюдать ихъ въ моментъ возникновенія мы не можемъ. Аналитическій методъ подсказываетъ, что роль исключаемаго неизвѣстнаго должна играть личность. Впрочемъ, ко всѣмъ этимъ вопросамъ мы вернемся подробнѣе въ слѣдующемъ томѣ при спеціальномъ разборѣ метода соціологической науки.



БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.